

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**КАЗАХСТАНСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СВОБОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА»**

**ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНСКОГО
ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ**

Н.В. ГУСЕВА

**ВЫГОТСКИЙ Л.С., СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ**

Монография

Усть-Каменогорск
2018

УДК 159.9 (035.3)

ББК 88.3

Г 96

Рецензенты

Возняк Владимир Степанович - доктор филос. наук, профессор кафедры философии имени профессора Валерия Григорьевича Скотного Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко, Член Научно - Редакционного Совета Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ (МЦМИИП), Член ЕИАК. *Дрогобыч, Украина*

Кудрявцев Владимир Товиевич - доктор психологических наук, профессор Международной кафедры ЮНЕСКО "Культурно-историческая психология детства" Московского государственного психолого-педагогического университета и кафедры общей психологии и психодиагностики Российского государственного гуманитарного университета. *Москва, Российская Федерация*

Г 96 Гусева Н.В.

Выготский Л.С., современная психология и философско-методологические проблемы развития социально-гуманитарного знания. Монография. / Под общей ред. д.ф.н. Г.В. Лобастова. - Усть-Каменогорск, 2018. – 243 с.

ISBN 978-601-7930-28-8

Данная монография посвящена рассмотрению методологических аспектов научного творчества Л.С. Выготского, методологическим проблемам современной психологии и развитию социально-гуманитарного знания.

Автор исходит из необходимости диалектического понимания методологии, которое противостоит ее метафизически-позитивистской трактовке. В данную книгу вошли работы автора разных лет, и при этом в них сохраняется его приверженность к пониманию методологии как сферы диалектического мышления, сферы всеобщего и к пониманию диалектики как логики, теории познания и методологии.

Монография рекомендуется для научных работников, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов, занимающихся диалектикой как методологией, проблемами развития психологии и в целом проблемами развития социально-гуманитарного знания, а также всем, кто глубоко интересуется методологией научного мышления.

Материалы рассмотрены и утверждены на заседании Ученого совета Казахстанско-Американского свободного университета от 18.10.2018 г., протокол №3.

ISBN 978-601-7930-28-8

© Казахстанско-Американский
свободный университет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современный период, который теперь уже по отношению к науке традиционно называют постнеклассическим, так же, как и в предыдущие времена – классической и неклассической науки, – вопросы ее развития, а также вопросы совершенствования самих научных исследований всегда оставались и остаются чрезвычайно актуальными. Для рассмотрения процессов развития науки и логики научных исследований необходимо выходить на уровень адекватного понимания процессов мышления, так как последние обуславливают движение и развитие самих научных исследований и науки в целом. Именно процессы мышления, осуществляясь тем или иным образом, становятся внутренним условием совершенствования или, наоборот, попадания в исследовательские тупики. Возможность определения характера и следствий различных типов мышления в исследованиях, проводимых в любых науках, сформировалась в процессе развития культуры и выражена в аккумулированном виде в диалектической философии – в диалектике как логике, теории познания и методологии.

Диалектически понимаемая методология – это сфера мысли, имеющая всеобщий характер. Речь идет о мышлении, ориентированном на выявление способа формирования того, что исследуется. Всеобщность при этом характеризует как раз то, что мысль ученого независимо от предмета исследования должна быть целевым образом направлена именно на выявление *способа формирования* объекта в контексте его связей с миром как целым, в контексте его обусловленности и контекстом, и миром.

Противоположная ориентация заявляется сторонниками метафизически-позитивистской позиции в понимании как самой методологии, так и задач, стоящих перед ученым и его мышлением в процессе исследования. В этой позиции ведущей будет цель выявления у объекта исследования как можно большего количества *свойств и характеристик*. Следующим шагом или целью на этом пути будет *обобщение* полученных данных, их обработка, систематизация и интерпретация. Все процедурные части такого подхода к исследованию, при этом, укладываются в характеристики эмпирического уровня познания, который ни в его начале, ни в итоге не определяет логику открытий и, таким образом, логику развития науки.

Уже длительное время имеет место противостояние диалектического и метафизически-позитивистского понимания методологии. В соответствии с этим имеют место крайне противоположные рекомен-

дации к научным исследованиям. Противоположность в понимании сути и смысла методологии в научных исследованиях дополняется позицией, вообще отрицающей смысл обращения к методологии. Отрицание такого рода возникает не случайно. Оно подпитывается тем, с одной стороны, что эмпирически трактуемая методология в ее метафизически-позитивистском варианте превращает последнюю в некую методику, которая в качестве *методики* не может иметь всеобщих характер, но которая в качестве сохранных претензий на роль методологии выдает свои частные рекомендуемые схемы за общее и даже за всеобщее. На деле же это не работает, а напротив, показывает, тщетность использования частных обобщений в качестве некоего *трафарета* в широком поле разнокачественных научных исследований. В этом случае реакция ученых обычно выражается в признании методик и некоторых методов неким частным заменителем того, что подразумевается при употреблении слова «методология». Это означает, что потенциал собственно методологии как сферы всеобщего здесь вовсе не проявляется и даже не подразумевается возможным.

С другой стороны, отрицание смысла обращения в научном исследовании к методологии подпитывается рассмотрением методологии как области *умозрительных* высказываний, которые не имеют отношения к реальному исследованию. Применение умозрительных высказываний, якобы, «принципов» и рекомендаций считается пустым занятием и потерей времени. В этом случае имеет место замещение диалектики как логики, теории познания и методологии простым, расхожим, обыденным непониманием возможностей диалектического мышления, которое может сопровождаться либо незнанием, либо нежеланием сколько-нибудь вникнуть в суть того, что выработано веками культурного развития человечества и закреплено в качестве возможности распределить и вырваться в широкие горизонты научных достижений.

Данная книга посвящена введению в область проблем методологии как сферы диалектического мышления. В ней также автор уделяет внимание критике метафизически-позитивистского понимания методологии, не соответствующего современным возможностям и ожиданиям и ученых, и всего общества. Для лучшей ориентации в проблемах и возможностях диалектической методологии первая глава посвящена опыту методологических исканий и опыту методологического анализа, осуществлённого известным психологом Л.С. Выготским, который обращался к диалектике К. Маркса и на этой основе его исследования получали статус методологических и становились действительно продуктивными для развития психологической науки и раз-

личных исследований достаточно «частных» вопросов в области психологии.

Вторая глава посвящена проблемам анализа ряда методологических проблем, актуальных для современной психологии. Среди них: анализ ситуации методологического кризиса в психологии; проблема присутствия и активного влияния на состояние в психологии, включая и ее методологический кризис, таких мыслительных традиций, которые характерны были для эмпиризма и рационализма Нового времени, но которые сегодня продолжают активно определять ситуацию в психологических (и не только!) исследованиях и их следствия; анализ концептов и редукций в научном познании и в психологическом исследовании, а также во второй главе в качестве методологических проблем рассматриваются исследовательские программы, развитие психологического знания и проблемы оснований диагностики личностного развития индивида.

Третья глава посвящена философско-методологическим проблемам развития научных исследований как явлений *культуры* и проблемам развития социально-гуманитарного знания, от которого зависит не только благоденствие общества, но и позитивное мироотношение отдельных людей.

Автор - Гусева Н.В.

доктор философских наук, Академик Акмеологической Академии, руководитель Международного Центра Методологических Исследований и Инновационных Программ, Председатель Восточного Отделения Казахстанского Философского Конгресса

Л.С. ВЫГОТСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Обозначенная тема - «Л.С. Выготский и методологические проблемы современной психологии» действительно является актуальной для современной психологии.

Философско-методологические исследования, предваряющие любые специально-научные изыскания - это вызов времени. Современная наука не может и не должна двигаться путем проб и ошибок. Ее перспективы всецело зависят от того, насколько ее представители - ученые - действительно захотят и смогут основывать свои исследования на понимании логики развития того объекта или процесса, который они исследуют. Без этого неизбежно блуждание в массивах эмпирических данных, попытках через их классификации перейти к воспроизведению закономерностей. Однако упование и погружение в массивы эмпирических данных, спонтанное или рациональное введение классификационных критериев его обработки не является сколько-нибудь удовлетворительным способом понимания логики того, что исследуется.

Это объясняется тем, что результаты эмпирических подходов всегда приводят к получению точечных данных, касающихся тех или иных сторон исследуемого. А вот целостность объекта исследования в них никогда не представлена. Это означает, что обращение к целостности исследуемого объекта (в которой, собственно, и можно обнаружить его закономерности) через реализацию эмпирических подходов в исследовании с необходимостью будет *подменяться* представлением об этом объекте как о *совокупности* частей. Но совокупность частей, их конгломерат никогда не может выражать суть целостности.

Целое всегда есть нечто большее, нечто качественно иное, чем совокупность частей. Именно целому присущи процессы, которые определяют закономерности объекта. Совокупности же, конгломераты частей лишены процессуальности целого, то есть поиск в них закономерностей - пустая затея, даже тогда, когда по поводу частей имеется большой накопленный эмпирический материал, характеризующий отдельные моменты и свойства этих частей или моменты, которые присущи элементам внутри этих частей. Ориентация на вскрытие закономерностей исследуемого - признак зрелой науки. Эта ориентация существенно отличается от того, что присуще молодым наукам или наукам, которые пребывают в методологических тупиках или кризисах. «Молодые» науки как раз первоначально и главным образом озадачены накоплением как можно большего эмпирического материала. Для

молодых наук это положение, кажется, вполне естественным и простительным. А вот по отношению к наукам, которые имеют огромную историю существования, такое положение является свидетельством тупиковой линии развития, свидетельством кризиса.

По отношению к наукам, имеющих давнюю историю своего существования и находящихся в плену огромных массивов накопленного эмпирического материала, но никак не могущих выйти на уровень раскрытия закономерностей и формулирования законов, присущих области их исследования, - можно сказать лишь то, что в этих науках никакого внимания не уделяется философско-методологическим, диалектико-логическим изысканиям в области их собственных оснований. Хотя такие изыскания могли бы пролить свет на понимание целостности их объектов исследования, уточнение предметов исследования, а также помогли бы осуществить ориентацию на логику исследований, ведущую к раскрытию именно закономерностей, а не просто к накоплению данных о свойствах и характеристиках того, что исследуется. Наука, имеющая статус зрелой, отличается от незрелой тем, что она раскрывает закономерности того, что исследует. Это подтверждает достигнутый ею теоретический уровень. На этом уровне наука оказывается способной не просто устанавливать отдельные свойства и характеристики объекта исследования, накапливать эти данные. Здесь она оказывается способной проектировать будущие состояния объекта в рамках тех процессов, закономерности которых оказались открытыми. Возможность проектирования (в том числе и в области практического использования данных закономерностей) в данном случае ни в коем случае не является следствием использования метода «проб и ошибок».

Специально не обращаясь в этом контексте к рассмотрению статусов различных наук с точки зрения их состояния и перспектив развития, отметим, что психология относится к наукам, имеющим свою большую историю развития. В то же время она до сих пор не обрела теоретического уровня, а напротив, находится в состоянии все увеличивающегося объема накапливаемых эмпирических данных о различных элементах психологической реальности.

В предлагаемой вниманию заинтересованного читателя работе с точки зрения диалектико-методологического анализа и вклада Л.С. Выготского в адекватное понимание положения и путей дальнейшего развития психологической науки проводится рассмотрение имеющего место состояния в современной психологии. Надо отметить, что культурно-историческая концепция Л.С. Выготского до сих пор не получила должной реализации вследствие массового преобладания в пси-

хологии эмпирических подходов и методов исследования, никоим образом не подчиненных логике методологического осмысления. Более того, вследствие повсеместного увлечения позитивистским пониманием самой методологии, все более укореняется эмпирически-тупиковая тенденция, которая ни в какой степени не способствует развитию психологии как науки.

1. РАЗВИТИЕ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ В КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

На современном этапе развития науки уже принятым является обращение к теории в процессе исследования. Именно ее наличие позволяет профессионально планировать, осуществлять исследования. В то же время имеет место не только различное понимание теории, но и различное понимание ее места в научном исследовании. Это приводит к тому, что термин «теория» далеко не всегда идентифицируется с тем, что действительно существенно определяет смысл, ход и результаты научных исследований. В таком случае на место подлинного понимания действенности и необходимости теории в научном исследовании приходит лишь формальное употребление слова «теория», в то время как на деле обращение к теоретическим основаниям может и вовсе не иметь места.

Концепция Л.С. Выготского выражает такие основания психологического исследования, которые напрямую относятся к определениям теории и теоретического понимания научного исследования. Поэтому обращение к анализу его концепции позволяет осуществить те акценты, которые зачастую не наделяются должным вниманием в психологической науке.

Задача рассмотрения теоретических оснований в психологическом исследовании и развитие психологии как науки требует при анализе концепции Л.С. Выготского специально учитывать специфику теоретического в развитии науки. Речь идет о таких познавательных аспектах и процессах, которые не могут быть сведены к операционному (или операциональному) их конструированию, а затем, и применению в исследованиях. К числу таких аспектов и процессов можно отнести уже известные проблемы, решение которых все еще предстоит психологической науке. К таким проблемам можно отнести проблему предмета психологии как науки, проблему культурно-исторических контекстов и оснований в психологических исследованиях, проблему определения уровней и смысла экспериментов для понима-

ния путей развития психологии и проблему соотношения понятий как методологических форм, способных существенно изменять понимание задач, план психологических исследований и тех процессов, которые эти понятия призваны выражать.

Эти проблемы и их решение нельзя понимать, как некие «точечные» или частные задачи психологической науки. Их решение возможно только в контексте понимания процесса становления культурно-исторической реальности. Связь науки с культурно-исторической реальностью является генетической, то есть порождающей, формирующей. Наука возникла и продолжает развиваться в культуре и цивилизации человечества, полностью моделируя в своем развитии их закономерности. Поиски ответов на вопросы, касающиеся природы науки, природы научного познания и, соответственно, касающиеся сущности и специфики психологического исследования, требуют понимания необходимости тщательного рассмотрения оснований этих явлений и процессов.

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского выражает прямую ориентацию на реализацию закономерностей развития науки, научного знания, познавательного процесса в процессе психологического исследования. В концепции Л.С. Выготского вопросы, связанные с природой познания, получают статус оснований, определяющих смысл, специфику и содержание психологических исследований. Понимание природы познания и познавательного процесса Л.С. Выготский прямо связывал с пониманием социальной сущности человека. Его концепция основывалась на идеях и разработках К. Маркса, касающихся социальной природы человека.

Проблема оснований для развития психологии и психологических исследований была центральной в работе «Исторический смысл психологического кризиса». В ней Л.С. Выготский делал акцент на Марксовское понимание общественного развития как *естественно-исторического процесса*. Такое понимание Л.С. Выготский считал особенно актуальным при обсуждении методологических проблем психологического исследования. Акцентом на словах «естественноисторический процесс» Л.С. Выготский подчеркивал недостаточность признания основаниями психологических исследований биологизаторских, физикалистских, механистических и т.п. подходов, которые были и остаются широко распространенными в психологии. В обсуждении соотношения биологических и исторических факторов, влияющих на развитие функций мышления, например, Л.С. Выготский подчеркивал необходимость ориентации психологического исследования на анализ исторических контекстов. Так, он писал, что «только нераз-

личение между эволюцией элементарных и высших функций мышления, между биологически обусловленными и исторически обусловленными формами интеллектуальной деятельности может привести к отрицанию качественно новой ступени в развитии интеллекта подростка. ... Сущность исторического развития поведения как раз и состоит в появлении новых способностей, не связанных с появлением новых частей мозга или с ростом имеющихся...»¹

Отсюда следует вывод о том, что новые особенности поведения человека не обусловлены органическим изменением мозга, что они связаны с его социальным бытием, с его социальной деятельностью и общественными отношениями, в которые реально «включен» развивающийся человек.

Ориентация на учет социально-исторических контекстов в психологическом исследовании в концепции Л.С. Выготского была важным шагом вперед по сравнению с традиционно широко распространенными эмпирическими версиями построения психологического исследования. Так, существовала эмпирическая версия, согласно которой исторический подход достаточно реализуется, если понимается как просто согласие с наличием внешней обусловленности поведения человека обстоятельствами, имеющими место в обществе.

Однако, недостаточно указывать на наличие социальных обстоятельств как внешних. В таком понимании они не могут рассматриваться в качестве собственных конституирующих оснований для психических процессов. При таком подходе «высшие психические функции и сложные культурные формы поведения со всеми присущими им специфическими особенностями функционирования и структуры, со всем своеобразием их генетического пути от возникновения до полной зрелости или гибели, со всеми особыми закономерностями, которым они подчинены, - отмечал Л.С. Выготский, - оставались обычно вне поля зрения исследователя»².

¹ Выготский Л.С. Педология подростка// Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том Четвертый. М.: Педагогика, 1984, с. 48.

² Выготский Л.С. История развития высших психических функций// Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том Третий. М.: Педагогика, 1983, с. 7.

2. ФЕНОМЕН «ТЕОРИИ» И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ ЕЕ ПЕРСПЕКТИВ

Для процессов в науке характерны существенные изменения в базовых ориентациях. Они касаются отношения к тому, и переосмысления того, что связано с понятием и статусом теории в научных исследованиях. Понимание теории и теоретического уровня, их смысл в развитии науки на сегодняшний день трактуется весьма неоднородно. Здесь бытуют некоторые крайности, выражающие, с одной стороны, понимание теории как того, что имеет умозрительный, то есть непредметный, необоснованный, во многом интуитивный характер, и, с другой стороны, как то, что выражает закон, закономерность той области, к которой относится та или иная данная теория. Между этими полюсами понимания теории и теоретического уровня исследования имеют место многообразные иные трактовки, которые далеко не всегда приближают к адекватному пониманию теоретических оснований научного исследования.

Анализ ситуации в отношении понимания теории и теоретических оснований научных исследований имеет свою длительную историю. Она берет свое начало задолго до того, как наука оформилась в самостоятельное явление культуры и форму общественного сознания. В науковедческих анализах выделяют ряд этапов в развитии науки. Каждому из них присущ собственный взгляд на то, как понимать теорию и научное исследование. При этом на этапе «преднауки», к которому традиционно относят древность и средневековое рассмотрение познания, - вопрос о теории занимал видное место. Так, в Древней Греции под теорией понималось непосредственное усмотрение знания в познавательном процессе. В Средние века такое усмотрение признавалось возможным только при условии проявления Божественной воли. Обращает на себя внимание то, что если в Древней Греции «усмотрение умом» рассматривалось как реальный факт сам по себе, который может совершать отдельный человек, являясь в то же время микрокосмом, то в Средние века такая возможность принципиально выводится за пределы отдельного человека.

Сам человек с его возможностью в процессе познания усмотрения умом существенного и необходимого ставится в зависимость от проявления субстанционального начала, без которого невозможен ни сам человек, ни его познавательные возможности. При этом не просто утверждается присутствие такого субстанционального начала в лице Бога, но и указываются необходимые условия по отношению к человеку, выполнение которых позволит ему осуществить свои познавательные притязания и тем самым реализовать Божественную волю.

Речь идет о субъекте познания и о том, каким он должен быть, чтобы усмотрение истины стало для него возможным. На богословском языке этим условием является отсутствие греха, то есть условием является следование Божественным заповедям. Вопрос же о Божественных заповедях при ближайшем рассмотрении не является риторическим для тех, кто занимается процессом познания, исследования.

Здесь подразумевается наличие достаточного личностного уровня с присутствием честности, ответственности, достойного отношения, порядочности и т.п. Недостаточное присутствие этих черт делает процесс познания либо формальным, искаженным и искажающим, либо в принципе невозможным. Иначе говоря, свойства противоположного порядка, если они проявляются человеком, который решил прикоснуться к процессу познания, такие как ложь, зависть, агрессивность, стяжательство и т.п. делает либо невозможным процесс познания вообще, либо делает невозможным достижение истины в нем.

Новое время является периодом оформления науки как самостоятельного социального явления и как явления культуры, которое претендует на закрепление спецификаций осуществляемого творчества, осуществляемой деятельности. В науковедческой классификации оно определяется как классический этап в развитии науки. Этот период ознаменовался движением к акцентированию рассмотрения эмпирических начал познания. В XIX веке это движение привело к возникновению уже оформившегося направления, ориентированного на провозглашение основой науки именно эмпирического отношения к объекту познания. Оно известно сегодня как направление позитивистское.

В современных условиях все более осознается ограниченность и недостаточность понимания развития науки и научного знания только исходя из признания ее основаниями эмпирических познавательных процедур.

Современные - неклассический и постнеклассический - этапы в развитии науки прямым образом связаны с углублением понимания связи объекта и субъекта познания, которое строится на раскрытии неформальных, не внешних их сопряжениях. Даже при учете противоречивости и неоднозначности трактовок неклассического и постнеклассического этапов и характера развития науки, нельзя не признать, что существует и имеет основополагающий характер необходимость понимания глубинной связи субъекта и объекта познания, а также условий, в которых такая связь делается возможной. В связи с этим, нельзя не отметить, что философское понимание процесса познания

уже в древности предполагало учет глубинной связи субъекта и объекта познания.

В современной же науке такое понимание становится не только предметом осмысления, но и предметом практической реализации в научных исследованиях. Это существенным образом отличает ситуацию в современной науке от того, что имело место в прошлом. Можно сказать, без преувеличения, что современная наука все больше выходит на уровень тех проблем познания, которые всегда в философии были основополагающими, но которые вплоть до последнего времени традиционно игнорировались основной массой исследователей и не были представленными ведущими подходами, используемыми в науке.

Эти ориентации могут считаться необходимыми условиями для развития науки. Именно они характеризуют понимание процесса психологического исследования, которое имеет место в работах Л.С. Выготского.

3. СПЕЦИФИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Обращаясь к анализу оснований концепции Л.С. Выготского как процессуальной и конструирующей основы психологических исследований, надо отметить, что ее понимание, а значит и реализация, зависит от присутствующих в теоретической и практической психологии позиций. Их можно разделить на два основных вектора: эмпирический и теоретический, которые имеют между собой существенные различия. Ведущей позицией в психологии и во времена Л.С. Выготского и сегодня является ориентация на признание в качестве оснований развития психологии как науки именно эмпиризма, а эмпирические исследования при этом получают статус «передовой», формы, метода, опыта и т.п. Именно они считаются факторами, положительно определяющими судьбу этой науки. Однако Л.С. Выготский определял такую ориентацию как путь в кризис, в разрозненность психологического знания, как путь, который не может привести к формированию психологии как единой науки.

Традиционно в науковедческих исследованиях эмпирический и теоретический уровни признаются уровнями научного познания, уровнями научного знания и уровнями организации научных исследований.

Таким образом, вопрос об основаниях психологических исследо-

ваний традиционно подразумевает наличие эмпирических условий их проведения и использование эмпирических методов. Однако, при ближайшем рассмотрении эмпирический уровень любого, в том числе и психологического, исследования не может рассматриваться в качестве основополагающего. Это обусловлено тем, что само эмпирическое исследование, вне зависимости от его предметной расположенности, предусматривает некую готовность к совершению именно эмпирических актов. Всякое эмпирическое исследование всегда подразумевает наличие четырех основных шагов или процедур. К ним относятся, как известно: сбор данных об исследуемом объекте; обработка собранных данных; систематизация и классификация обработанных данных; и интерпретация того, что данное исследование в итоге дало.

Понятно, что каждая из названных процедур вынуждает их будущего автора прибегать к принятию решений по поводу всего спектра будущих, в том числе подготовительных, действий эмпирического характера. Так, сбор данных об исследуемом объекте потребует от автора исследования принятия решения о том, какие предметные области затронет сбор данных, а также о том, какие методы сбора данных для этой предметной области будут более всего подходить. Кроме того, само использование разнообразных методов (например, наблюдение, эксперимент и др.) потребует от автора принятия решения о том, как эти методы адаптировать при их использовании именно к им выбранному предмету исследования. Этим не ограничивается круг необходимых, предвосхищающих эмпирическое исследование, вопросов и решений.

Аналогично, второй шаг или процедура эмпирического исследования также потребует большого количества решений - решений по поводу обработки уже собранных данных. Понятно, что такие решения не могут характеризоваться как принадлежащие исключительно самой процедуре обработки. Напротив, они сами зависят от того, что скорее может быть охарактеризовано как контекст, как наличие неких привходящих условий, как то, что несводимо к уже стоящим на «учете» у автора исследования методов и методик обработки полученного при сборе данных материала. Принимаемые решения по поводу выбора предпочтений в данной эмпирической процедуре, при этом, могут касаться использования различных методов и методик - общенаучных, специально-научных или специально создаваемых для данного исследования и не имеющие аналогов. Надо специально подчеркнуть, что эти решения не входят, как таковые, в состав данной процедуры. Они должны приниматься на каких-то других основаниях, не совпадаю-

щих с этой процедурой. И сама процедура не является их основанием.

Систематизация и классификация обработанных данных, как следующий шаг или этап эмпирического исследования, также предполагает принятие решений, которые не могут принадлежать самой систематизации или самой классификации, но которые вполне зависят от того, какие решения, связанные с выбором оснований систематизации и классификации, будут приняты. Определенность систематизаций и классификаций в полной мере зависит от того, какие именно точки «отсчета» будут приняты автором исследования за их основу. Такое положение делает принятие решения о точках «отсчета» или об основаниях, на этом этапе «судьбоносным» для результата не только этого этапа эмпирического исследования, но и для его окончательных итогов. Однако, само принятие решения о точках «отсчета» или об основаниях систематизаций и классификаций обуславливается, опять таки, тем, что не может быть сведено к данным процедурам.

Интерпретация, как заключительная фаза эмпирического исследования, как видим, уже требует принятия решения по поводу точек отсчета, касающихся всех проведенных процедур, а также касающихся оснований для общей оценки всего осуществленного исследования.

Таким образом, весь круг необходимых принимаемых решений, которые мы обозначили, переходя от этапа к этапу во всех четырех процедурах (этапах) эмпирического исследования, - указывает на существенную необходимость глубокого осмысления того, без чего само эмпирическое исследование лишается своей почвы и предметности. Осознание этого приводит к необходимости обращения к определению возможностей адекватного понимания того, с чем должен иметь дело исследователь, который не желает полагаться на интуитивные формы принятия решений, о которых идет речь, то есть о тех решениях, которые составляют основу планируемого и проводимого эмпирического исследования. Здесь мы подходим к вопросу о теоретических основаниях всяких научных исследований.

Осмысление процесса научного исследования в его эмпирическом варианте, которое предпринято выше, показывает необходимость серьезной работы, которая бы позволяла предварять, логически конструировать и завершать само эмпирическое исследование, обеспечивая осуществление адекватных выводов из него, а не любые произвольные интерпретации, которыми эмпирические исследования, как правило, «грешат», если такая необходимая работа не осуществляется. Под необходимой работой подразумевается выявление теоретических оснований и их реализацию в проводимых исследованиях.

4. ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

Всякое исследование человеческой психики, с точки зрения Л.С. Выготского, чтобы быть научно достоверным, должно учитывать реальный контекст существования человека, которым является общество, общественные отношения. Определение контекста существования человека является необходимым условием, которое способно обеспечить конкретизацию его и как объекта психологических исследований. Это объясняется признанием человека не просто как тела, как физиологической и биологической единицы, а как существа формирующегося и живущего в обществе. Отказ от рассмотрения социальных основ означает ограничение исследования лишь частичными характеристиками человека. Благодаря этому отказу человек рассматривается лишь телесное существо, которому принадлежат определенные био-физиологические характеристики. И именно они при этом вынужденно должны рассматриваться как каналы связи с миром, в котором живет человек. как объект исследования. Однако человеческие связи с миром обусловлены не только и столько его физиологией. В этом отличие человека от животных.

Признание социальной обусловленности при исследовании психических процессов, присущих человеку, является формой, открывающей новые возможности для развития психологии как науки. В то же время, осознание социальной реальности как ближайшего контекста всякого научного исследования не должно оставаться абстрактным, так как связи социальности и познавательного процесса в исследовании определенным образом структурируются и тем самым характеризуют логику самого исследования.

Вопрос о рассмотрении оснований научных исследований часто заменяется обсуждением вопроса о предмете науки. При этом считается, что именно определение предмета науки полностью фокусирует на себя все возможные вопросы к ней, возникающие и «до» начала исследования и «после» завершения проведенного исследования. Особое внимание к предмету науки считается оправданным, так как именно в нем обнаруживаются возможности уточнения проблем, связанных с областью исследования, и проблем, связанных с допустимыми методами и методиками исследования. В этом видится и перспектива развития науки, и ожидаемые результаты¹.

¹ См.: Гусева Н.В. Проблема оснований в развитии психологии как науки и следствия эмпиризма и рационализма// Вестник Казахстанско-Американского Сво-

В психологии существует большое количество направлений и школ, которые выделяют для себя свой особый предмет исследования, часто претендующий на статус итогового вывода о предмете психологической науки в целом. В этом плане предмет психологии в изначальной исторической трактовке как науки о душе, часто дополняется попытками и, таким образом, «конкретизацией» каким-либо вариантом частного его понимания. В числе основных, исторически присутствовавших вариантов, психология рассматривается и как наука о душе, и как наука о сознании, и как наука о поведении, и как наука о психических функциях, и как наука о психике и др.

С точки зрения Л.С. Выготского, «многообразие» трактовок предмета психологии, представленное частными вариантами исследовательских целей (воображение, ощущение, поведение, и др.), трактуемых как ее «новый или иной» предмет, является для нее разрушающим фактором. Оно не способствует развитию психологии как единой науки, не способствует осуществлению единой программы ее исследований, в которой бы присутствовало единое основание, и адекватное понимание исследуемых процессов. Выработка же единого понимания предмета психологии, которое бы связало существенным, необходимым образом все имеющиеся исследовательские направления, - выработка такого понимания в то же время имела бы статус основания и, поэтому, открывала бы новые исследовательские горизонты в противоположность движению путем догадок, проб и ошибок и т.п.

Сложности с определением предмета психологии и его проявления в специальных психологических исследованиях требуют серьезной работы с понятийным аппаратом науки, а не отказ от нее. Для примера, можно вспомнить ситуацию с психологическим исследованием памяти, воображения, воли и др. которые рассматриваются в качестве выделенных предметов специальных психологических исследований. В соответствии с этим статусом они должны рассматриваться как самостоятельные и, в этом смысле, обладающие определенной целостностью и сущностью объекты. Однако, по существу, они являются атрибутивными характеристиками человека как социального существа. Атрибутивность предполагает иной подход к их исследованию по сравнению с тем случаем, когда она рассматривается в качестве самостоятельной реальности, определяющей человека.

Определение человеческой субъективности как специфически функциональной сферы своим следствием имеет необходимость существенной коррекции в осмыслении предмета психологии. Если психика, представляющая сферу человеческой субъективности, характеризуется в качестве предмета психологии, то это означает утверждение предметом психологии того, что не является определенным объектом, так как по своему статусу является функцией. Функция какого-либо объекта без самого объекта не может характеризовать в достаточной степени предмет определенной науки. Человеческая субъективность, определяемая как психика человека, в качестве функции должна быть определена с точки зрения того, функцией чего она собственно является. В этом контексте окажутся возможными определенные уточнения по поводу предмета психологии как науки и вместе с ними откроются перспективы более глубокого понимания ее целей, задач, методов и принципов исследований.

Формы субъективности человека не являются изолированным от форм его бытия. Их развитие обусловлено спецификой самой жизнедеятельности человека, спецификой способа ее организации и осуществления. Именно поэтому рассмотрение связи человеческой субъективности должно осуществляться в бытийной сфере человека, то есть в сфере смыслов и содержания социального существования, а не в собственно физиологическом анализе того, как функционируют органы чувств человека, обеспечивающие возможность ощущать, воспринимать, представлять и др. Человеческая субъективность является специфически функциональной сферой. Как таковая она способна вносить коррекции в определения человеческого бытия, но в то же время она не является «субстанциональной», порождающей сферой¹.

Наличие адекватного понимания исследовательского поля, которое собственно и выражает понятие «предмета науки» делает положение отдельных частных исследований более «вразумительным». Оно предполагает присутствие для исследователя понимания места, характера, перспектив его исследования в рамках этого «поля». Если же такое поле не «обрисовано», то исследователь как путешественник в неизведанное вынужден двигаться путем проб и ошибок, без навигации, говоря современным техническим языком. Он вынужден на свой

¹ См.: Гусева Н.В. Редукционистское сознание и проблема кризиса в психологии (методологические пролегомены к теории субъективности) // Проблема субъективности у философов та культурі російського Срібного віку. ВІП. 15. Матеріали Міжнародної наукової конференції 2009 р. / Ред. колегія: В.С. Возняк (головний редактор), В.В. Лімонченко, В.С. Мовчан. - Дрогобич: Ред.-вид. відділ ДДПУ імені Івана Франка, 2009. - 560 с. - С. 95-112.

страх и риск создавать всякий раз свою «карту местности», заполняя ее теми данными, которые уже имеются относительно точки нахождения, точки собственного местоположения, то есть точки, где сам данный ученый оказался в рамках своего исследования волею собственной научной судьбы.

Развитие любой науки обусловлено тем, насколько в ней адекватно осмыслен предмет ее исследований. К адекватному осмыслению предмета науки надо отнести, во-первых, осознание, определение и обоснование наличия статуса целостности у того, что признается предметом данной науки. Во-вторых, к адекватному осмыслению предмета науки надо отнести осознание, определение и обоснование наличия статуса содержательного контекста, в котором исследуется выделенный предмет. При этом важно наличие осознания, определения и обоснования имеющихся необходимых, существенных, объективных, повторяющихся связей, которые делают выделенный предмет и контекст его существования также не внешними друг другу. Наличие осознания (или его отсутствие) логики развития объекта исследования, каков бы он ни был, можно определить через рассмотрение того, что предлагается считать теорией этого объекта. Признавая Л.С. Выготского автором культурно-исторической теории развития высших психических функций авторы «Психологического словаря» отмечают: «Согласно культурно-исторической теории специфические для человека психические процессы являются опосредствованными, возникают и развиваются на основе использования разнообразных средств (языка, систем письма, счета, а также других типов знаков и символов), выработанных в ходе исторического развития человечества. Всякая высшая психическая функция, по Л.С. Выготскому, появляется на сцену дважды: она возникает в общении между людьми как деятельность интерпсихическая и лишь затем «вращивается», превращается в индивидуальную, «интрапсихическую» деятельность»¹.

В каждой из своих работ Л.С. Выготский обращался к осмыслению исследовательского поля. Он рассматривал связи, которые присущи объекту, будь то мышление подростка, развитие психических функций или анализ специфических позиций различных школ и направлений в психологии; рассматривал логику самого исследования, без выявления которой невозможно определять его смысл и перспективность. Так, например, рассматривая логическое основание при исследовании вопроса о соотношении эволюции форм и содержания мышления Л.С. Выготский отмечал, что, отношения между формой и

¹ См.: Психологический словарь. - М.: Педагогика, 1983, с 174.

содержанием мышления не должны напоминать «отношение между сосудом и наполняющей его жидкостью... Та же несвязанность, механическое противопоставление... формы и ее заполнения»¹. Выготский делал такие критические замечания: «интеллектуальные функции подростка, формы его мышления, состав, строение его интеллектуальных операций остаются неизменными, вечными..., что глубочайший переворот в совершенно обновляющемся содержании мышления подростка никак не связан с развитием самих интеллектуальных операций, с помощью которых только и может возникнуть то или иное содержание мышления... Этот переворот, по представлению многих авторов, происходит либо извне, так, что те же самые, неизменные, всегда равные самим себе формы мышления на всякой новой ступени развития, в зависимости от обогащения опыта и расширения связи со средой, заполняются все новым и новым содержанием, либо движущая пружина этого переворота скрыта за кулисами мышления в эмоциональной жизни подростка»².

Обращение к данным выводам Л.С. Выготского по поводу этой, одной из многих, ситуаций в психологическом исследовании, которая, на первый взгляд, не затрагивает всей полноты вопроса о предмете психологии, - помогает понять его позицию по отношению к пониманию того, как надо мыслить предмет психологии как науки. Эту позицию Л.С. Выготского можно выразить следующим образом.

Во-первых, любое психологическое исследование не может осуществлять лишь точечный анализ, в котором запечатлевается лишь статика, односторонность состояния того, что рассматривается.

Во-вторых, психологическое исследование должно учитывать те процессы, в которых находится и объект исследования, и сам исследователь, а также оно должно учитывать те реальные контексты, в которых находится объект исследования, само исследование с его объектом и субъектом, и обусловленность таким контекстом позиции самого исследователя.

В-третьих, анализ контекстов психологического исследования не может пониматься как второстепенная задача. Наличие контекстов существенным образом определяет всю исследовательскую ситуацию. От понимания контекста в полной мере зависит как понимание объек-

¹ Выготский Л.С. Педология подростка// Собрание Сочинений. Том четвертый. М.: Педагогика, 1984, с. 45). Кроме того, рассматривая позицию Шпрангера (См.: Spranger E. Psychologie des Jugendalters.- Heidelberg, 1924).

² Выготский Л.С. Психология подростка// Выготский Л.С. Собрание Сочинений. Том четвертый. М.: Педагогика, 1984, с. 45.

та исследования, так и понимание того, что может и что должен предпринимать исследователь. Абстрагирование от контекста лишает психологическое исследование необходимой конкретности, которая в данном случае будет совершенно не тождественна тому, что на эмпирическом уровне понимают под ней, полагая, что она выражается лишь в массивах собранного фактического материала об исследуемом объекте.

В-четвертых, ориентация психологического исследования на конкретность, не сводимую к совокупным эмпирическим данным об объекте, характеризует необходимость целостного подхода, в котором бы в единстве были рассмотрены различные процессы, связывающие объект исследования и контекст, в котором он пребывает, и который существенным образом определяет позицию исследователя в проводимых исследованиях.

В-пятых, требования конкретности и целостности касаются любых психологических исследований. Именно поэтому они являются определяющими для понимания того, что должно осуществлять психологическое исследование, находясь в любой своей точке и касаясь любого своего объекта.

5. ПРОБЛЕМА «ФАНТОМНОГО» ПОНИМАНИЯ ПРЕДМЕТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И РАБОТА С ПОНЯТИЙНЫМ АППАРАТОМ

Ситуация с «фантомным» пониманием предмета психологического (также, как и всякого другого) исследования может воспроизводиться тогда, когда происходит подмена, или замещение, реальности тем или иным абстрактным представлением о ней, - замещение, которое получает статус реального предмета исследования. Этот момент становится показательным в качестве проблемы развития любой науки, в том числе и науки психологической, которая характеризует ее торможение. Такое замещение часто провоцируется использованием традиционно незрелого понятийного аппарата науки. В этом случае то или иное понятие, присутствующее в аппарате науки, становится проводником выбора «фантомного» предмета исследования. Исправить такое положение может лишь серьезная работа с самим понятийным аппаратом науки, а не отказ от такой работы.

Для примера, можно вспомнить ситуацию с психологическим исследованием воли, где воля, рассматривается в качестве выделенного предмета специального психологического исследования. В соответст-

вии с этим статусом она должна рассматриваться как самостоятельный и в этом смысле обладающий определенной целостностью и сущностью объект. Однако, по существу, воля есть атрибутивная характеристика человека как социального и индивидуального существа.

Атрибутивность воли (несамостоятельность, принадлежность человеку) предполагает иной подход к ее исследованию по сравнению с тем случаем, когда она рассматривается в качестве самостоятельной реальности, определяющей человека. Налицо существенная деформация исследовательской ситуации, которая ведет за собой столь же существенную деформацию смысла получаемых в таком исследовании результатов, а также практических выводов и рекомендаций. В этом плане считаем справедливым отмеченный профессором психологии МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Иванниковым вопрос о соотношении понятий, с одной стороны, и тех явлений реальности, которые они призваны выражать, с другой, как важной для решения внутренних проблем развития психологической науки проблемы. Однако, на наш взгляд, вывод, делаемый из этого, не является правомерным в необходимой мере.

Так, рассматривая волевые процессы, В.А.Иванников, пишет: «Я не понимаю, почему психология с таким упорством тратит время и силы на объяснительные понятия, которые вводились не для обозначения какой-либо реальности, а для объяснения, например, определенных особенностей поведения человека. Для меня очевидно, что исследованию подлежат как раз эти особенности поведения и механизмы его обеспечивающие, а не понятия, которыми мы пытаемся объяснить эти особенности»¹.

Данная точка зрения на смысл соотношения понятий и реальности основана на позиции устранения их несоответствия за счет отказа от его признания, за счет объявления его несущественности для психологического исследования. На самом деле соотношение понятий и реальности является существенным и «судьбоносным» для психологического исследования. Это определяется его неустранимостью. Неучет этого обстоятельства ведет к новому кругу недопустимых замещений и деформаций смыслов исследуемых процессов.

Рассматриваемая выше ситуация с замещением предмета исследования, ведущая к деформациям всего исследовательского проекта, может быть рассмотрена с двух позиций: во-первых, с точки зрения

¹ В.А. Иванников. Психологические механизмы волевой регуляции. 3-е издание. - М.: Питер, 2006, с. 10.

вскрытия реального несоответствия феномена воли со значением его понятия, принятого в традиционной психологической науке. В этом случае исследователю следует вскрыть эти несоответствия с тем, чтобы выработать новый смысл исследуемого реального феномена и внести коррективы в понятийный аппарат собственной науки; - во-вторых, надо иметь в виду рассмотрение ложного замещения предмета исследовательского проекта с точки зрения отказа от рассмотрения соответствия понятий, используемых данной наукой с той реальностью, которую эта наука призвана исследовать.

Это будет означать отказ исследователя заниматься коррекцией понятий своей науки, считая это делом несущественным и не имеющим практического значения. Такая позиция является методологически неверной, так как она строится на представлении о том, что понятийный аппарат науки не имеет серьезного значения, что он не оказывает серьезного влияния на процесс исследования и его результаты. Однако вся история науки показывает ошибочность такого представления. Сложность вопроса состоит в том, что само признание расхождения понятий и реальности не является процессом, раскрывающим их соотношение. Кроме того, осознание наличия такого расхождения не является залогом легкого решения о необходимой коррекции существующих понятий в пользу их возможно большего соответствия реальности.

Сложность состоит в том, что данная проблематика выходит за рамки специально-научного (в данном случае психологического) исследования. Она носит философский, методологический характер. В отношении воли как предмета исследования В.А. Иванников предлагает следующую коррекцию. Он пишет: «Например, человек способен осуществлять поведение, желания к которому у него нет, т.е. это действие, осознанно принятое к осуществлению, но мотивационно не обеспеченное (имеющее дефицит побуждения). Отсюда вопрос - как восполняется дефицит необходимого побуждения? Можно сослаться на волю, на волевое усилие, на особые мотивы и т.д., но я предлагаю механизм намеренного изменения смысла действия»¹.

Трансформация смысла понятия воли в этом примере характеризует ситуацию не отказа от этого понятия (от понятия воли или от понятия волевого усилия) как такового, а характеризует необходимость приведения его сути к большему соответствию с особенностями той реальности, которое это понятие должно отражать. Рассмотрение реальных контекстов, в которых находятся исследуемые психологией

¹ См. там же.

процессы, есть путь формирования и развития психологического знания. Именно реальные контексты задают основы раскрываемых и фиксируемых смыслов психологических процессов и понятий психологической науки, которые способны воспроизводить прямые соответствия с реальностью. В этом плане стоит подчеркнуть, что контекстом формирования психологического знания являются не психические процессы как таковые, а процессы формирования психических форм отражения реальности, в которой деятельностно пребывает человек. Отсюда возникает возможность коррекции постановки целого ряда традиционных для психологической науки проблем. К числу этих проблем можно отнести проблему самосознания.

Рассмотрение того, как осуществляется констатация самосознания как предмета специального психологического исследования, позволяет выявить некоторые деформации. Деформации наступают в тот момент, когда самосознание начинает признаваться неким самостоятельным предметом исследования. Однако признать проблему самосознания человека самостоятельным предметом нельзя, так как самосознание есть рефлексивная способность человеческого Я. Самосознание имеет атрибутивный статус, так как принадлежит человеку. Эта способность может проявляться по-разному и на различных уровнях. В этом смысле объяснимо то, что явления человеческого сознания и самосознания исследуются целым рядом наук о человеке, начиная от психологии и заканчивая физиологией высшей нервной деятельности человека.

Специальные науки о человеке обращаются к рассмотрению самосознания человека с точки зрения обнаружения характеристик его проявлений, соответствующих профилю той или иной науки. Далее, в качестве исследовательской цели выступает создание собственной специфической модели, в которой выявленные характеристики соединены в некую систему связей, сопряжений и взаимодействий. Затем эта модель предпосылается исследуемому объекту - человеку и реализует свой потенциал в создании знаний о человеке определенного аспекта и типа: физиологического, психологического, социологического, педагогического и т.п. Такой путь формирования психологического знания, посвященного самосознанию, вполне отвечает требованиям научного (но эмпирического) уровня исследования, хотя его предметом в этом случае является то, что не определишь в качестве опытного феномена.

Самосознание не может быть определено в качестве самостоятельного, то есть целостного объекта рассмотрения. Самосознание существует не само по себе. Оно есть самосознание человека. Поэтому

му в процессе исследования самосознания необходимо выявить то пространство, в котором подтвердится его атрибутивный статус. В данном случае можно говорить о пространстве человеческого Я, которому принадлежит самосознание. При этом понятие пространства человеческого Я само требует уточнения, в котором должно быть обеспечено недопущение отождествления его с телесностью человека; - во-вторых, методологический подход с необходимостью требует раскрытия того, как осуществляется связь с миром того пространства, в котором формируется и пребывает исследуемое явление, в данном случае, - самосознание.

В этом плане может быть спроецирован различный контекст рассмотрения самосознания человека. Каждый из них в качестве обуславливающего основания будет определять то или иное содержание человеческого отношения и его осознание не только к миру, но и к самому себе, то есть - самосознание. Рассмотрим основные варианты: - человек как существо, которое связано с миром через органы чувств; - человек как существо, имеющее опосредованную связь с миром, которая осуществляется через переработку данных органов чувств и которая формирует абстрактный образ мира; - человек как существо, имеющее предметно-действенную связь с миром, обуславливающую приспособление к присутствующим условиям и стандартам; - человек как существо, имеющее деятельностно-творческую связь с миром, которое создает мир культуры, которое преобразует его в соответствии с законами развития. В каждом из этих вариантов атрибутивный статус самосознания человека проявляется особым образом. В первом случае «наполнение» самосознания будет полностью отвечать содержанию чувственного отражения определенной ситуации, в которой может находиться человек.

Содержание самосознания человека на этом, условно выделяемом, уровне будет выражать телесно-организменное, самостное отношение к миру. Во втором случае самосознание человека будет своим содержанием иметь первоначальные рефлексии над тем, что будут доставлять ему органы чувств. Границы этих рефлексий будут определены текущими, ситуативными, конечными обстоятельствами, в которых будет в этот момент находиться человек. В этом случае речь пойдет о рефлексивно - конформистском самосознании человека. В третьем случае самосознание человека будет своим содержанием иметь вполне утилитарные образы мира и самого себя в контексте насущных ситуативных, конечных потребностей.

В четвертом случае самосознание человека будет содержать картину мира (определенной части мира), которую он практически ос-

ваивает, и в которой он осуществляет созидательный, творческий процесс, важный для всех, осуществляя преобразующую деятельность. Самосознание человека будет не просто включать в себя эту картину мира. Оно будет центрировать ее. Иначе говоря, самосознание человека содержательно будет «конструироваться» вокруг субъектной позиции человека, будет выражать ее. Содержание самосознания человека здесь реально будет выходить за рамки его телесности, а также будет выходить за рамки ситуативных связей с внешним миром, то есть за рамки просто абстрактного отношения и за рамки утилитарного отношения к миру. В этом случае самосознание человека будет включать в себя содержание того мира, который он осваивает и преобразует. Такое включение не будет иметь признаки чужеродности для самого человека, то есть непринадлежности содержания мира человеку, его Я. Напротив, человеческое Я с его самосознанием, будет «расширено» и «углублено» до масштабов осваиваемого и преобразуемого им мира.

В содержание самосознания человека будет в этом случае включаться проблематика мира, актуальные и потенциальные вызовы, которые требуют вмешательства, собрания сил, и может быть, жертвенности от человека. В этом случае, речь пойдет о самосознании человека как субъекта творимой истории. Рассмотрение особенностей формирования и развития самосознания человека данного уровня невозможно без серьезной конкретизации феномена общественной преобразующей деятельности человека как субъекта культуры.

6. «ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ» КАК ПРОБЛЕМА

В научном творчестве Л.С. Выготского присутствовала позиция, позволившая ему работать и двигаться в направлении раскрытия логики исследуемых психических процессов. Ее значимость подчеркивал А.Н. Леонтьев во вступительной статье к первому тому Собрания сочинений Л.С. Выготского. Он писал, что «именно в теоретико-методологическом плане /состоит - Н.Г./ сегодняшняя актуальность работ Выготского... Его конкретные исследования были только первым этапом реализации его же теоретико-методологической программы»¹. Такое отношение к теоретико-методологическому плану насле-

¹ Леонтьев А.Н. Вступительная статья // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том первый. Вопросы теории и истории психологии. Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982, с. 10.

дия Л.С. Выготского сегодня является выражением необходимости осмысления для самой психологической науки ее оснований. Без этого невозможно понимание путей ее дальнейшего развития. Этот момент подчеркивал и сам Л.С. Выготский в своем методологическом исследовании «Исторический смысл психологического кризиса». В частности, он писал: «В последнее время все чаще раздаются голоса, выдвигающие проблему общей психологии как проблему первостепенной важности. Мнение это, что самое замечательное, исходит не от философов, для которых обобщение сделалось профессиональной привычкой; даже не от теоретиков-психологов, но от психологов практиков, разрабатывающих специальные области прикладной психологии, от психиатров и психотехников, представителей наиболее точной и конкретной части нашей науки. Очевидно, отдельные психологические дисциплины в развитии исследования, накопления фактического материала, систематизации знания и в формулировке основных положений и законов дошли до некоторого поворотного пункта. Дальнейшее продвижение по прямой линии, простое продолжение все той же работы, постепенное накопление материала оказываются уже бесплодными или даже невозможными. Чтобы идти дальше надо наметить путь»¹. Здесь слова «общая психология» означают то, что речь идет о сфере осмысления именно оснований психологии как науки.

Ориентация на выявление оснований психологии является актуальной и в современный период. Однако сегодня надо учитывать, что понятие «общего» несет в себе и другой смысл, который, якобы, подразумевает возможность процедуры обобщения (а точнее: эмпирического обобщения). При этом в обязательном порядке потребуется некий «общий» признак, по которому обобщение, собственно, и будет производиться. Такое понимание «общей психологии» Л.С. Выготским не подразумевалось. Оно является прямым путем в эклектику. Понимание же задач «общей психологии» Л.С. Выготским говорит именно о сфере методологического исследования и необходимости понимания теоретических оснований психологии как науки. «Ни одна наука не представляет такого разнообразия и полноты методологических проблем, таких туго затянутых узлов, неразрешимых противоречий, как наша. Поэтому здесь нельзя сделать ни одного шага, не приняв тысячу предварительных расчетов и предостережений. И так,

¹ См.: Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование // Выготский Л.С. Собрание Сочинений. Том первый. Вопросы теории и истории психологии. Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982, с. 292.

все равно осознают, что кризис тяготеет к созданию методологии, что борьба идёт за общую психологию». Выше мы уже отмечали, что под словами «общая психология» Л.С. Выготский подразумевает сферу теоретического и методологического рассмотрения ситуации в психологии, сферу рассмотрения ее оснований, выявление которых только и может позволить ей обрести свое единство и статус единой науки. «Кто пытается перескочить через эту проблему, перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него»¹.

7. КРИЗИСНЫЕ СОСТОЯНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Осознание наличия кризисных явлений в психологической науке всегда связывалось с определенными чертами ее состояний, при которых возникала востребованность отыскания способов разрешения выявленных противоречий. Этим обуславливалось и обуславливается обращение к переосмыслению оснований психологического знания и психологической науки в целом. Под основаниями научного знания и основаниями той или иной науки в целом надо понимать имеющиеся мироотношенческие характеристики связи субъекта познания и того, что выступает предметом познания. Критерием зрелости науки при этом выступает наличие не только единой теории, созданной на единой методологической основе, но также и способность разработки выверенных исследовательских проектов, обращение к соответствующим (адекватным и осознанным) формам и методам достижения истинного знания (в отличие от метода проб и ошибок) и др.

Для понимания пути выхода из кризиса, - отмечал Л.С. Выготский, - необходимо критическое согласование разнородных данных, осмысление и проверку результатов, прочистку методов и основных понятий, определение фундаментальных принципов². Эти задачи осознания, однако, не могут считаться узко-психологическими, прикладными или узко-теоретическими. Они затрагивают такие пласты развития психологического знания, которые уже имеют статус вполне философских. Для психологии эти задачи характеризуют сферу необ-

¹ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса// Л.С. Выготский. Собрание сочинений. Том первый. – М.: Педагогика, 1982, с. 418.

² См.: Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 93.

ходимого для нее анализа методологических оснований.

Состояние кризиса в психологии имеет место и сегодня. В современной психологической литературе перспективы развития психологии прямо связываются с преодолением ее кризиса. В качестве основных характеристик кризиса отмечаются такие, которые отмечались и Л.С. Выготским. К ним современные авторы также относят отсутствие единой теории; имеющееся понимание психологией своего предмета; деление психологии на отдельные «империи» (разделы, направления); отсутствие универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания; некумулятивность знания; раскол между исследовательской и практической психологией; расчлененность целостной личности и «не дизъюнктивной» психики на самостоятельное существование памяти, мышления, восприятия, внимания и др. психических функций; различные параллелизмы, которые психология осознает, как неразрешимые для нее головоломки; раскол между восточными и западными направлениями в психологии; кризис рационалистической методологии; увеличение дезинтеграции моделей в методологии и др.

Ситуация методологического тупика (кризиса) в психологии в наши дни сохраняется, хотя и показывает известную трансформацию. Сегодня в психологии уже становится более очевидной недостаточность и неадекватность естественнонаучной парадигмы, по существу основанной на психофизическом и психофизиологическом параллелизме.

Однако и сегодня в психологической науке не выработана позиция, которая бы в достаточной мере реализовывала концептуальную ориентацию Выготского на преодоление несостоятельности естественнонаучной парадигмы в психологии. Одним из вариантов называется не отказ от нее (от несостоятельной естественнонаучной парадигмы), а, напротив, предложение ее более глубокой разработки. Другим вариантом является предложение замены ее на гуманитарную парадигму. Третьим вариантом можно считать так называемую психотехническую или проективную парадигму. Также есть предложение об одновременном сочетании различных парадигм и даже есть предложения о смене самого типа рациональности¹.

¹ См., например, Братусь Б.С. Деятельность и вершинные уровни опосредствования // Психологический журнал. 1999, № 4. С. 102-105; Васильев И.А. Гуманитарная и естественнонаучная парадигма в современных исследованиях эмоций // Психологический журнал. 1992, № 6. - С. 80-89; Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического кризиса // Вопросы психологии. 1996, № 6. - С. 25-40; Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии // Вопросы психологии. 1999, 1 Р I. – С. 3-12; Давыдов В.В. Понятие деятельности как основание иссле-

При ближайшем рассмотрении все эти варианты опять-таки, как частично отмечалось выше, не выходят за рамки, прежде всего, натуралистических и техникстских подходов. Таким образом, имеет место укорененная позиция, выраженная в ориентации на естественно-научную парадигму, повторяемую в новые исторические времена, которая основывается на редукции, приобретшей характер основания или базового принципа. В этом плане редукция из частного методического приема превращается в неприемлемый методологический принцип - редукционизм. Неприемлемость редукционизма как методологического принципа состоит в том, что в нем инструментальный, методический прием искусственно возводится в статус концептуального феномена, имеющего теоретический или даже всеобщий характер. Именно за счет этой недопустимой сублимации его реализация порождает кризисные явления в психологии, приводит к функционированию и преобладанию редукционистского сознания, редукционистского подхода к анализу основополагающих условий психологических исследований¹.

Отсутствие прогресса в устранении симптомов методологического кризиса психологии, оценки которых давались Л.С. Выготским и др. авторами еще в начале прошлого века², свидетельствуют о глубокой укорененности проблем, которые его вызывают. Упоминания о кризисе в психологии относятся к разным периодам ее существования. Современный период в этом плане не является исключением. Обсуждение состояния кризиса психологии было и остается общим местом в психологической литературе³.

дований научной школы Л.С. Выготского//Вопросы психологии. 1996, № 5.- С. 20-29; Громько Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. М.: Пайдея, 1996. См. также работы: Е.Д. Хомской, В.М. Розина, С.Д. Смирнова, А.В., Юревич, А.А.Пузырей и др.

¹ См.: Гусева Н.В. Кризис в психологии и методологическое сознание// Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Научный журнал. Выпуск 5 «Вопросы психологии: Личность, образование, общество». – Усть - Каменогорск, 2009, с. 21-30.

² А.П. Петровский. Психология в России XX века. - М.: УРАО, 2000, с.119.

³ См.: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории /Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: ИП РАН, 1997; А.П. Петровским. Психология в России XX века. - М.: УРАО, 2000; А.Н. Ждан. Психологическая наука в России в XX веке: Некоторые результаты и проблемы//Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып.1. /Под ред. Б.С. Братуся, Д.А.Леонтьева. - М.: Смысл, 2002; С.А. Богданчиков. Современная психология в мировом историческом контексте (современные подходы и проблемы) //Психологический журнал, 2006, т. 27, № 1, с. 89 - 96; М.С. Гусельцова. Методологические кризисы и типы рацио-

Специально выделяя необходимость методологической работы, Л.С. Выготский вносил в свое рассмотрение методологической ситуации, сложившейся в психологии, идеи, которые отличаются диалектическим характером, и реализация которых может сделать психологию единой наукой, а не огромным конгломератом различных направлений, школ, тематических обособлений и т.п.

К таким идеям можно отнести идею ориентации на реализацию принципа целостности в психологических исследованиях, ориентацию на специальное рассмотрение контекста, в котором целостность будет определяться и исследоваться.

8. ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Л.С. Выготский специально прорабатывал вопросы понимания процессов, в контексте которых происходит и развитие человека, и соответственно, развитие его психики во всем разнообразии ее функций. Речь идет о рассмотрении культурно-исторических процессов, как содержательных и сущностных оснований формирования и развития человека. Он, в частности, писал, что психологический анализ «до сих пор ... почти всегда обращался с анализируемым процессом как с известной вещью. Психическое образование понималось как известная устойчивая твердая форма, и задача анализа по существу сводилась к разложению ее на отдельные части. Вот почему в этом психологическом анализе до сих пор господствовала логика твердых тел. Психический процесс изучался и анализировался, по выражению К. Коффки, прежде всего, как мозаика из твердых и неизменных частей»¹. Считая необходимым учитывать исследуемое явление именно в его процессуальном состоянии и понимании, Л.С. Выготский писал: «Если на место анализа вещи мы поставим анализ процесса, то основной задачей рассмотрения, естественно, сделается генетическое восстановление всех моментов развития данного процесса. Основной за-

нальности в психологии // Вопросы психологии, 2006, № 1; Lunt I. EuroPsych project// Europ.Psychologist 2000, V.5, №2; S. Newstead, S. Makkinen Psychology teaching in Europ. Psychologist. 1997, V. 1, № 14; И.А. Мироненко. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии, 2008, № 4, с. 119 -128 и др.

¹ Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 94-95.

дачей анализа при этом является возвращение процесса к его начальной стадии или, говоря иначе, превращение вещи в процесс»¹. Подчеркивая необходимость процессуального подхода к исследованию психических процессов как процессов развития, Л.С. Выготский отмечал, что «применяемый нами метод может быть назван методом экспериментально-генетическим в том смысле, что он искусственно вызывает и создает генетический процесс психического развития»².

Последние слова в приведенной цитате - «вызывает и создает генетический процесс психического развития» - как раз касаются вопроса об основаниях психических изменений как контексте, в котором только и может происходить психологическое исследование. Специальное рассмотрение контекста не должно лишь фиксировать некое имеющееся статичное состояние объекта исследования в точке проведенных измерений. Оно должно ориентироваться на вскрытие состояния процесса, в котором собственно объект реально пребывает. Определение процесса как реального контекста пребывания объекта исследования зависит от того, каким образом он исследуется. В этом случае речь идет о подходах и методах. Обращение к различным подходам и методам далеко не всегда осуществляется после специального рассмотрения и далеко не всегда решение об обращении к тому или иному подходу или методу связывают с рассмотрением оснований проводимых исследований и оснований существования исследуемого объекта.

Часто исходные позиции ученых в исследованиях, характеризующие определенное понимание целей и способов их достижения, сами по себе не говорят о наличии серьезного отношения к осознанию оснований проводимых или планируемых исследований. Отсутствие осознания контекстов приводит к тому, что исследование проводится спонтанно и вместо продуманных оснований в нем реализуются субъективные установки исследователей. Установки как психологические явления не требуют специального обоснования. Они выражают некую имеющуюся субъективную готовность к проведению определенных исследовательских действий: наблюдений и даже экспериментов. Однако, в условиях отсутствия рассмотрения процессов, носящих основополагающий характер для существования объекта исследования и, тем самым, для самого исследования, - исследовательские действия могут носить лишь ситуативный, спорадический, случайный и т.п. характер. Поэтому исследования, построенные по такому варианту, не

¹ Там же, с. 95.

² Там же.

могут гарантированно приводить к значимым результатам.

Работа с контекстом, которая подразумевалась Л.С. Выготским, должна содержательно представлять собой выявление именно оснований исследования, которые определяют тот или иной ведущий подход или исследовательский метод. Контексты также могут быть вызваны и внешними обстоятельствами. В этом случае формируемое знание предмета будет относиться не к нему самому, а к обстоятельствам, которые создали контекст и соответствующее проявление исследуемого предмета.

9. ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Присутствие подхода в исследовании означает, что оно осуществляется, «конструируется» по модели характеристик, присущих самому подходу, и соответствующих его специфике. Так, например, структурный подход при его реализации будет таким образом «конструировать» исследование, что в качестве цели будет выступать выявление структуры объекта, то есть его поэлементный состав. Другие параметры объекта будут либо на втором плане, либо будут вовсе незатронуты исследованием. Положительным итогом исследования, соответственно, будет рассматриваться выявление искомых элементов, частей и др., которые присутствуют в объекте исследования. Аналогично, к примеру, функциональный подход потребует реализации выявления того, как проявляет себя исследуемый объект. Функционирование объекта может исследоваться в самых различных заданных ситуациях. По каждой из них может быть выявлены свои особые характеристики проявлений объекта, который рассматривается. Именно их свод будет представлен в качестве результатов исследования, осуществленному с точки зрения функционального подхода.

Л.С. Выготский анализировал то, как характеризуют в тех или иных направлениях психологии одни и те же термины, обозначающие как будто одно и то же (подходы, методы), а на самом деле оказывалось, что трактовки являются совершенно несовпадающими. Так, он отмечал, например, что объяснительная концепция, казалось бы, должна выводить на понимание оснований, причин и следствий исследуемого, а на деле она опять-таки приводит лишь к форме описания без объяснения, хотя называется объяснительной. Описательный же подход, аналогично, делает произвольной «точку отсчета», то есть определение предмета описания, а также всегда допускает произвольность процедуры описания его формы, порядка и структуры. «Всякое

описание всегда выделяет некоторые определенные черты, выдвигает их на первый план и пытается их постигнуть». Если описание берется как цель, то с необходимостью приводит к произвольности выделения черт имеющихся ситуаций, которые затем подвергаются описанию. Кроме того, остается вопрос о том, каким образом выделяются и сами ситуации, из которых выделяются описываемые черты. В итоге, описательные формы «исследования» не являются исследовательскими по существу, так как исследование не есть просто постулирование и фиксация того, что человек видит или того, чем он орудует.

Исследование на различных своих этапах может осуществляться поступательно и с ориентацией на применение различных подходов. Это может свидетельствовать об отсутствии в этом исследовании проведенного выявления оснований. Обнаружение таких оснований определило бы единый подход, отвечающий логике развития исследуемого объекта, и моделирующий по этой логике само исследование.

В текущей исследовательской работе не все ученые могут или хотят специально прорабатывать вопрос о статусе подходов. Поэтому становится также ситуативно неактуальным рассмотрение потенциала того или иного подхода. Хотя рассмотрение потенциала того или иного подхода полностью принадлежит сфере методологического, но в отмечаемой ситуации оказывается невостребованным. В этой ситуации отношение ученого к исследованию выражается присутствием интуитивного образа, с которым соотносится текущий исследовательский процесс или его результат, отличающийся отсутствием достаточной осознанности.

Другим вариантом отношения ученого к исследованию и его результатам могут быть ссылки на присутствие фиксируемого ряда эмпирических данных, полученных путём, строго говоря, проб и ошибок. Ссылки на эмпирические данные также могут соотноситься с предварительно присутствующими ожиданиями, порожденными принятыми установками. Такие ссылки появляются тогда, когда вопрос о подходе, ориентированном на реализацию оснований, оказывается невозможным или невостребованным. В этом случае ряд полученных в исследовании эмпирических данных приобретает роль «заместителя» оснований. А вопрос об основаниях исследования практически дезактуализируется. Здесь исследование полностью отдается на откуп эмпирической стихии, что лишает его перспективы и полностью подчиняет ситуативным и конечным данным¹.

¹ См.: Гусева Н.В. Проблема оснований в развитии психологии как науки и следствия эмпиризма и рационализма// Вестник Казахстано-Американского Сво-

Обращение к анализу концепции Л.С. Выготского предполагает специальное рассмотрение того базового подхода, который в ней присутствует, и на основе которого только и может быть выявлена ее сущность, связанная с уходящими в бесконечность уровнями понимания культуры и истории, как процесса становления и развития самой культуры, с одной стороны, и, с другой стороны, как того постоянно разворачивающегося принципа, в соответствии с которым происходит формирование и развитие человеческой реальности во всех ее проявлениях, включая формирование, развитие и все возможные проявления психической жизни.

Здесь мы подчеркиваем философский статус и смысл подхода, который присутствует в концепции Л.С. Выготского. Поэтому его конкретизация не может сводиться к тем или иным чисто прикладным аспектам, которые могут проявляться в примененческой практике психологического исследования. Хотя и эти аспекты вполне реализуемы, однако, не в виде трафаретов, а в виде возможных вариантов решения сложных проблем, стоящих перед психологической наукой, решение которых не может быть предусмотрено никакими заведомо данными трафаретами.

Рассматривая вопросы определения того, что есть психология как наука, что и как она должна изучать, Л.С. Выготский решительно отделял свою позицию от тех, кто эти вопросы пытается решать, прибегая к редуccionистским подходам. Одним из проявлений редуccionизма выступают подходы в психологических исследованиях, которые критически рассматривал Л.С. Выготский - реально - натуралистический и условно-натуралистический. Они же являются специфическими версиями проявления психофизического и психофизиологического параллелизма, которые в психологическом исследовании обуславливают нежелательные ситуации и неадекватные выводы.

Л.С. Выготский, рассматривая возможности реально - натуралистического и условно-натуралистического подходов в исследовании психических функций, отмечал, что «перед нами не эмбрионы, а развитые и чрезвычайно сложные формы, но что пользы в том, раз на место реально-натуралистического подхода, господствовавшего в детской психологии, становится условно-натуралистический подход, утверждаемый новыми исследованиями? Там факты развития высших психических функций рассматривались с их природной стороны как натуральные процессы; здесь неизмеримо более сложные факты того

же порядка рассматриваются в культурном аспекте, но совершенно так, как если бы они были природными фактами»¹.

Продолжая анализ этих подходов, Л.С. Выготский отмечал, что они применяются, якобы, в постановках проблемы культурно-психологического развития, где «новы только формы и некоторые частности. Сущность та же. Натуралистический подход, свойственный биологически ориентированной психологии, представлен на этот раз психоаналитической теорией, метафизический - понимающей психологией, ориентирующейся на идеалистическую философию. Для одной все развитие высших психических функций есть не что иное, как изучение сексуального инстинкта, метаморфозы эротического влечения, замаскированное и сублимированное развитие пола. Для другой развитие высших психических функций, есть чисто духовный процесс, о котором можно утверждать только то, что он хронологически более или менее совпадает во времени с некоторыми процессами, совершающимися в теле, но который сам по себе не допускает каузального рассмотрения и нуждается не в объяснении, а в понимании»².

10. ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД В КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Обращение к целостному подходу было обусловлено картиной кризиса в психологии и пониманием того, что активным фактором возникновения этого кризиса были те пути и методы, которые и приводили к тупикам в исследованиях. Рассмотрение массива характеристик кризиса психологии делало необходимым обращение к некоему их истоку.

Задачу реализации целостного подхода в исследовании психологических явлений надо понимать, с точки зрения присущей Л.С. Выготскому позиции, как форму мыслительной работы, где главное место должно занимать выявление основания, на котором формируется феномен психического. Целостный подход предполагает рассмотрение в качестве основы единства психологического знания и всех отраслей психологической науки именно сущность и черты мироотношения человека как социального существа. Отказ от этого основания приводит и будет приводить к разобщенности психологического зна-

¹ Выготский Л.С. История развития высших психических функций// Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том Третий. М.: Педагогика, 1983, с. 17.

² Там же, с. 19.

ния, к произвольности тематического определения предметов исследования, к обращению к «методологии» и методам, выпадающим за рамки процессов и логики их формирования, к ограничению исследований задачами описания и, тем самым, к отказу от ориентации на развитие психологического знания, которое надо отличать от простого накопления эмпирического материала.

Осмысление целостности требует не только понимания соотношения частей, но и понимания того, чему они принадлежат в объекте исследования. Смещение статусов части и целого может полностью деформировать познавательную ситуацию и, в итоге, привести к искажающему объект знанию. Кроме того, необходимо учитывать, что статусы части и целого не существуют сами по себе, вне какого-либо контекста их формирования. Это означает, что для проведения исследования, которое бы учитывало параметры целостности, необходимо также брать во внимание и контексты, в которых эти параметры возникали, и которыми они обуславливались. Таким образом, осмысление целостности как ведущего принципа формируемой концепции, ориентированной на выявление единства психологического знания, не допускает ту или иную форму «точечного», абстрактного подхода к исследованиям.

Сфера психического - это сфера отражательной функции человека. Содержание отражательных процессов человека не сводимо к физиологическим, субстратным условиям, присущим ему. Так же она не сводима к любым характеристикам того, что в отражательной функции человека предстает как объект отражения, что характеризует отражаемый человеком мир. Любая из характеристик отражательной функции (феномен психического) человека коренным образом обуславливается тем, что и как определяет отношение человека к миру. Поэтому исследование любых психических процессов объективно находится в зависимости от того, каково мироотношение человека и как именно оно осуществляется. Специфика осуществления психических процессов, как отражательных, будет также зависеть от их формы. К таким формам традиционно относят: ощущения, восприятия, представления, память, волю, воображение и др. В исследовании психических процессов вопрос о необходимости целостного подхода является центральным, так как возникновение каждого из них связано с одним и тем же контекстом. Его определенность и должна выразиться в подходе к их исследованию и пониманию. Эта определенность имеет черты того целого, на основе которого эти функции появились или сформировались. Отсюда: чтобы быть адекватным реальному состоянию и реальным связям, в которых формируются и проявляются изучаемые

психические процессы, они должны рассматриваться в исследовательском поле, которое «конструируется» по модели целостности, выступающей их генетическим основанием.

Ориентация на определение целостности исследуемой реальности и на вскрытие принадлежащих ей существенных, необходимых, объективных, повторяющихся связей, является условием развития психологического знания и психологической науки. Абстрактное отношение, при этом, будет выражаться изолированным положением объекта исследования по отношению к контексту его возникновения или формирования. Предмет исследования должен иметь характеристики целостности, иначе его абстрактный статус будет входить в противоречие с характеристиками процесса его формирования. Это, в свою очередь, будет фактором, деформирующим формируемое знание.

Показательной (и в то же время отрицательной) в этом плане является широко распространенная ситуация, касающаяся исследовательских проектов в психологической науке, когда предметом исследования признаются некоторые, якобы, самостоятельные «явления», которые при ближайшем рассмотрении самостоятельными не оказываются. Вместо самостоятельного явления, выражающего какую-либо реальность, исследованию подвергается лишь его часть, которой при этом приписывается статус целого. Замещение целого частью и признание последней в качестве самостоятельного предмета исследования ведет к дальнейшим деформациям, касающимся понимания исследовательской проблемы, задач, и понимания смысла получаемых в исследовании результатов. В психологии такая ситуация приводит к формированию знания, которое будет иметь статус некоей вариативной абстрактной модели, не отражающей реальные процессы, происходящие в человеческой психике и в человеческой жизни.

Изучение частей объекта в самостоятельном режиме часто является промежуточной задачей. Решение таких задач с самого начала не рассматривается в качестве глобальных достижений той или иной науки. Значимость результатов таких исследований доводится до глобального уровня тогда, когда результаты работы ученого рассматриваются далее в контексте тех содержательных оснований, к которым относится данная часть данного объекта. В этом случае абстрактность снимается и не становится обстоятельством, деформирующим полученное знание.

Замещение целого частью при определении предмета исследования часто провоцируется использованием понятий, которые не учитывают логику формирования исследуемого объекта, а являются лишь

своего рода фиксаторами его выделенных характеристик. Такие «понятия» не могут способствовать движению к пониманию единства психологического знания. Они включают в себя уже установленные положения относительно исследуемых объектов, наборы их характеристик, которые делают узнаваемыми эти объекты, способствуют их отличению от других, но при этом не выражают логику процессов, которые породили эти явления с этими характеристиками. В этом случае то или иное «понятие» становится проводником выбора абстрактного и, в этом смысле, «фантомного» предмета исследования.

В истории обращения к идее целостного подхода Л.С. Выготский выделял некоторые промежуточные шаги. Так, он подчеркивал, что отказ от «элементного» подхода, обращение к структурному был положительным актом в истории психологии. Действительно, структура предполагает не просто наличие какого-либо количества элементов. Она предполагает определенное их сопряжение, сочетание, местоположение и фиксацию модели некоей субординации имеющихся элементов. Этот шаг к структурному рассмотрению является более научно оправданным. Однако, анализ того, как именно «работают» заявленные подходы, показывал, что заявленные структурный и даже заявленный целостный подходы на деле оказываются лишь декларациями. Так, недостаточность понимания целостности иллюстрируется, например, в критическом анализе, предпринятом Л.С. Выготским, по поводу предлагаемой М.Я. Басовым трактовки структурного подхода к рассмотрению психических явлений. Первоначально М.Я. Басов в интерпретации психологического анализа попытался объединить две линии исследований - линию анализа и линию целостного подхода к личности¹. Структурный анализ, по версии М.Я. Басова, имеет своей задачей не только выделение элементов, но и выявление связей и отношений, существующих между ними и определяющих структуру той формы и того типа деятельности, которые возникают из динамического объединения этих элементов. Однако, затем он предложил трактовку, при которой структурный анализ должен осуществляться через первоначальное определение частей. При этом он считал возможным характеризовать это понимание структурного анализа как форму движения к целому.

На наш взгляд, структура не может выражать адекватно целое. Целому присущ «закон связи» помимо элементов, находящихся в той или иной конфигурации и сорасположении, так же, как и функция не

¹ См.: Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 93.

может адекватно выражать сущность, природу целого. Целое, помимо принадлежащих ему характеристик структурных и функциональных, определяется присущей ему закономерностью, то есть присущими ему необходимыми, существенными, объективными и повторяющимися связями, которые ни по отдельности, ни вместе не воспроизводят характеристики как собственно структурных параметров между элементами, так и функциональных.

Аналогичная, но не по форме, а по сути, трактовка декларативной ориентации на целостное исследование присутствует и в позиции Г. Фолькельта, которую Л.С. Выготский также подвергает критическому рассмотрению. В ней сохраняются прежние задачи психологического анализа, хотя говорится о том, что психологическое исследование направлено на целостное изучение. На самом деле ведущую роль продолжают играть процедуры выделения и исследования отдельных элементов¹. Такое положение является недостаточным, методологически ошибочным, ведущим к описательной ситуации в исследовании, которая не имеет ничего общего с выявлением логики формирования того, что рассматривается.

Рассмотрение целостного подхода, а также рассмотрение потенциала методов, до того, как они будут апробироваться в психологическом исследовании, говорит о принципиальном интересе и понимании важности методологических исследований, посвященных выявлению и определению оснований в развитии психологии как науки. Ориентация на рассмотрение целостных процессов, даже в виде попытки, является положительной тенденцией, которая должна была быть еще и еще раз продумана, и скорректирована. Целостные процессы как таковые невозможно выявить и адекватно отразить через то, что характеризует анализ как метод расчленяющий.

Ставка на процессуальность и целостность, а также ставка на рассмотрение теоретического потенциала методов и понятийных форм - значительное достижение в осмыслении психологических явлений и логики их исследования. Это надо особенно подчеркнуть в связи с тем, что в современной психологии это достижение, к сожалению, далеко не всегда служит исследовательским ориентиром. Абстрактность в рассмотрении исследуемой целостности, обуславливает и абстрактность осознания ее задач. В этом плане, абстрактность может быть преодолена только путем рассмотрения объектов исследования с точки зрения основ процесса их формирования и развития.

Эта ориентация характеризует реализацию диалектического спо-

¹ Там же.

сфера мышления как сферы всеобщего. Речь, таким образом, идет о необходимости философского уровня рассмотрения оснований развития психологии как науки. Именно эта ориентация на понимание мира как целого доминирует в классической традиции, присущей мировой философии. В современный период сохранение классических философских ориентаций является, в то же время, условием выхода из методологических тупиков; тупиков, которые порождены сведением рассмотрения актуальных проблем к рассудочным схемам связи «Человек - мир», абсолютизирующим утилитарно-прагматическое мироотношение.

Гуманитарные специально-научные исследования в основном ориентированы на идею человека как целостного существа. Однако далеко не всегда эта ориентация реально осуществляется. В итоге такое положение приводит к формированию мозаичного знания о человеке, позволяющего построить абстрактные модели знания. Это означает, что наука о человеке в целом оказывается неспособной решать задачи, связанные с развитием человека, хотя и имеет большие массивы информации по тем или иным характеристикам в различных областях человеческого существования.

Рациональная систематизация информационного поля гуманитарных наук, хотя и постоянно осуществляется, но не может означать достижения единства (целостности) знания о человеке и его атрибутах. Умножение информационного поля как гуманитарных, так и, по сути, других наук не обеспечивает их качественного изменения, которое бы характеризовало осуществляемый процесс развития знания.

Альтернативой такому состоянию - состоянию все большей кумуляции знания без наступления качественных изменений - является реализация иных мировоззренческих и методологических оснований в развитии науки. Здесь речь идет об изначальной, практической, а не декларативной, ориентации на целостное рассмотрение человека, на процессуальное единство его сущностной и атрибутивной сфер. Такой подход предполагает исследование на уровне всеобщности.

В контексте классической философской традиции под всеобщностью понимается такое рассмотрение исследуемого, при котором ведущим становится вопрос о способе формирования исследуемого в контексте его связей с миром в пространстве реального становления. При этом пространство реального становления предполагает открытость миру как целому. То есть пространством реального становления исследуемого не может считаться любой абстрактный выделенный объект исследования, а также и абстрактно мыслимый контекст его существования, так как в этом случае исследование будет воспроизво-

дить отдельные характеристики и даже определенные частные способы их связи, имеющие также абстрактный статус.

В этом случае в качестве результата исследования будет частичное, несовершенное знание, лишь внешне касающееся исследуемого явления, процесса или объекта. О таком знании в свое время М.М. Бахтин отмечал, что это знание «об» объекте, а не знание самого объекта. Возвращаясь к рассмотрению специфики исследования самосознания, надо отметить, что методологический подход предполагает: - во-первых, рассмотрение его в контексте целостности. Это означает, прежде всего, необходимость усмотрения принадлежности самосознания к реально существующей целостности, которая не только может его определить, но может сформировать его, и лишь затем определить.

11. ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В работе «История развития высших психических функций» Л.С. Выготский рассматривал феномен «психологического анализа». Он писал, что «... прежде чем подойти к анализу проблем, перед нами встает проблема самого анализа. ... Самое понятие психологического анализа чрезвычайно многозначно, оно включает в себя определения, которые не имеют иногда ничего общего друг с другом, а иногда стоят друг к другу в противоположном отношении»¹.

«Проработка» понятия «психологического анализа» стала необходимостью в связи с тем, что в различных психологических работах это понятие употреблялось в совершенно различных смыслах. Это во многом вносило смысловую дезориентацию в понимание того, что происходит в исследовательских процессах одной и той же науки. В свою очередь, такое разнообразие и нестыковки, непонимание, которые оно порождало, своей причиной имело то, что реально является проявлением слабой работы с понятиями. При специальном интересе и внимании к этой работе можно было бы показать суть того или иного метода. «Проработка» понятий и возможностей методов, включая метод анализа (в этом контексте - метода психологического анализа) представляет собой сферу понятийной, методологической работы, необходимой для развития любой науки.

Различные варианты того, как понимается феномен «психологи-

¹ Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 91.

ческого анализа» в таких направлениях как описательная психология, ассоциативная, феноменологическая психология и др. Л.С. Выготский усматривал близость аналитического метода с феноменологическим, так как в психологическом исследовании задача каждого из них сводилась к расчленению сложного состава переживаний или непосредственных данных сознания на их составные элементы. «Анализ, - подчеркивал Л.С. Выготский, - соответственно такому пониманию совпадал с расчленением переживаний и по существу дела противопоставлял эту концепцию объяснительной психологии»¹.

Основной задачей анализа оказывается не разложение целостного объекта психологического исследования на части или даже на куски, а выделение в каждом психологическом целом определенных черт и моментов, которые бы сохраняли примат целого². Л.С. Выготский отмечал, что «анализ в тех двух основных формах, в которых он знаком старой психологии, либо противопоставляется объяснению (в описательной психологии), либо по сути дела приводит исключительно к описанию и расчленению переживаний и оказывается неспособным вскрывать каузально-динамическую связь и отношения, лежащие в основе каких-нибудь сложных процессов»³.

С одной стороны, подробное критическое рассмотрение различных содержательно-смысловых контекстов, в которых традиционно применялся психологический анализ, показывало наличие происходящих изменений в понимании его возможностей и проявлений. С другой стороны, «развитие современной психологии коренным образом изменило направление и значение анализа. Тенденции к изучению целостных процессов, к вскрытию структур, лежащих в основе психологических явлений, противопоставляется старому анализу, в основе которого лежит атомистическое представление о психике. Сильное развитие структурной психологии в последнее время мы вправе рассматривать как реакцию на психологию элементов и на то место, которое в теории занимал элементный анализ. Да и сама новая психология сознательно противопоставляет себя психологии элементов, и ее самый существенный признак заключается в том, что она есть психология целостных процессов»⁴.

Рассмотрение смысла и значения термина «психологический ана-

¹ Там же.

² Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 94.

³ Там же, Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 92.

⁴ Там же.

лиз» означает присутствие пристального внимания к работе с мыслительными условиями, без осознания которых невозможно сколь угодно удовлетворительное исследование, ведущее к развитию психологического знания.

12. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА

Для понимания развития психологического знания, с точки зрения позиции Л.С. Выготского, требуется специальное рассмотрение ряда ключевых моментов, характеризующих, с одной стороны, развитие знания как процесса. С другой стороны, требуется уточнение сущности развития. По отношению к определению процесса развития психологического знания, в свою очередь, потребуются уточнение смысла и соотношения таких явлений как «развитие психики» и «развитие человека», который обладает психикой. Любое психологическое исследование не может осуществляться без этих уточнений, так как смысл этих уточнений представляет собой некий концептуальный «каркас», или точнее: контекст, в котором только и может обрести свою почву психологическое исследование. От того, каким окажется этот концептуальный «каркас», или контекст, будет зависеть получаемый итоговый результат психологического (да и всякого иного) исследования, его трактовка и, соответственно, выводы.

В истории культуры проблеме развития всегда уделялось большое внимание. Человеческие искания, попытки осмыслить сущность процесса развития, представлены в диалектике как учении о развитии и всеобщих связях. Углубление в сущность развития выражено в трёх исторических этапах развития самой диалектики. Первый представлен в философии древних. Второй - в немецкой классической философии. Третий - в материалистической диалектике Маркса, Энгельса и его последователей. Именно в диалектике разработаны понятия, воспроизводящие различные моменты развития, где бы оно ни происходило. Так, например, источником развития, с точки зрения диалектики, признается диалектическое противоречие, которое нельзя путать с противоречием формально-логическим. Последнее, как известно, выражает наличие субъективной ошибки в знании, в тексте, в информации и т.п. Оно никоим образом не связано с тем, что характеризует развитие или его источник. Субъективную ошибку необходимо исправлять, а не возводить в ранг некоей развивающей силы.

Диалектическое противоречие присуще тому или иному объек-

тивно существующему целому. Поэтому понятие противоречия, конкретизированное в диалектике, может быть чрезвычайно важным в осмыслении развития человека. В том числе оно может быть необходимым и в специальной организации развития индивида, скажем, в учебном процессе. Диалектическое противоречие, как понятие, воспроизводит исходное начало изменений, приводящих к новому. Оно всегда выступает в связке с такими явлениями, которые выражаются в понятиях тождества, различия, противоположности. Эти явления носят также объективный характер. Поэтому анализ понятий, их фиксирующих, необходим для осознанного построения процесса, в котором программируются нужные изменения, то есть планируемое развитие.

Вопрос о развитии психологического знания в позиции Л.С. Выготского, как мы отмечали выше, совпадает с необходимостью мыслить его как единое, как целостность. В противном случае вопрос о развитии психологического знания не может быть даже поставлен в адекватной форме.

Единство психологического знания, получаемого в процессе исследования, может достигаться только при условии, если рассмотрение социальной природы человека будет выступать основанием проводимых исследований. Это означает, что в психологическом исследовании должны рассматриваться как существенные, необходимые, объективные и повторяющиеся связи индивида и общества. Без этого рассмотрение любого психического феномена будет абстрактным, и полученное в его результате знание также будет абстрактным. Оно не будет соответствовать никакому конкретному месту в системе знания, выражающего единство человека и общество.

Развитие психики и развитие человека - несовпадающие проблемы психологического исследования. Выявление их специфики возможно лишь на основе рассмотрения сущности психики, с одной стороны, и сущности человека, с другой. При этом рассмотрение психики в качестве самостоятельной проблемы с самого начала будет конкретизироваться *принадлежностью* ее человеку в том или ином возрасте и в том или ином контексте социального существования. Если этот контекст не рассматривать, то исследование психики сразу приобретает абстрактный характер. Любое психическое явление, став предметом психологического рассмотрения, будь то память, внимание, воображение и т.д., - получит статус абстрактного явления, если оно не спроецирует связь, обусловленность с тем, что определяет объект, которому эти психологические феномены *принадлежат*. Речь идет о человеке, которому *принадлежит* психика со всеми ее характеристиками.

Вопрос о единстве человека и общества при поверхностном подходе может быть истолкован как отклонение от специфики психологического знания и предмета психологической науки. Неприятие в качестве основы психологического исследования контекста связи человека и общества не только не совпадает, но даже и противоречит культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Вопрос о единстве человека и общества не должен рассматриваться по сценарию редукции, в контексте которой исчезает качественная специфика общественного и индивидуального: либо общественное сводится к индивидуальному, либо наоборот.

Напротив, в исследовании сущностной связи общественного и индивидуального необходимо рассмотрение их качественного своеобразия. Это то, что в диалектике называется единством многообразия, или конкретностью. Методологическая «проработка» вопроса о выработке единого концептуального основания психологического знания необходима в качестве «путеводителя», позволяющего не только адекватно оценивать уже совершенные исследования и их результаты, но и для перспективного видения путей дальнейшего движения науки¹.

Сегодня традиционным, вопреки вкладу Л.С. Выготского, является лишь постулирование социальной сущности человека, которое на деле не меняет принимаемые в качестве основы психологических исследований образы и стандарты рассмотрения человека как «абстрактного» индивида. «Абстрактный» индивид - это индивид, который рассматривается вне контекста его формирования как человека. Его рассмотрение сводится к воспроизведению его телесных особенностей и возможностей, данных от природы. При этом возможны упоминания о том, что он рожден и живет в обществе. Однако абстрактность подхода к нему при этом не исчезает. Она состоит в том, что во всем, что характеризует человека, выделяется лишь сторона его телесности. Именно она абстрагируется, отчленяется от характеристик человека как полноценного существа и исторического субъекта. Затем это абстрактное представление о человеке делается основой, на котором проектируются различные варианты психологических исследований. В

¹ См.: Гусева Н.В. Кризис в психологии и методологическое сознание// Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Научный журнал. Выпуск 5 «Вопросы психологии: Личность, образование, общество. – Усть - Каменогорск, 2009, с. 30. См. также: Гусева Н.В. Методология в сфере научного исследования// Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Наука и образование в современном мире». Апрель 2011. Выпуск № 2. Усть-Каменогорск - Москва: Федеральное Агентство по образованию МЭСИ, Усть-Каменогорский филиал, 2011, с. 27-36.

итоге таких «де-конструктивных» манипуляций предметом изучения оказываются еще более абстрактные определения «абстрактного» индивида.

Абстрагирование как прием может присутствовать в научных исследованиях. Однако, если его возможности абсолютизируются, то в этом случае подлинно научный результат оказывается невозможным. Ярким выражением абстрактного отношения к психологическим исследованиям и пониманию предмета психологии как науки являются позиции эмпиризма и рационализма, берущие свое начало в Новое время. В этот период (начиная с 17 века) развитие философии и ее познавательной проблематики действительно ограничивалось вниманием к человеку самому по себе. Человек рассматривался вне контекста своего социального происхождения и вне своего социального бытия. Именно отсюда проистекает вывод о том, что в этот период имеет место рассмотрение «абстрактного» человека. Вынужденно все его способности и возможности пытались объяснить из того, что обнаруживалось в его телесности. Эти попытки, как известно, были неудачными, так как они приводили к неразрешимым проблемам в объяснении как самого человека, так и в объяснении процесса познания, которое он осуществляет. Как известно, эмпиризм, абсолютизовавший чувственные возможности человека в познании, оказывался не в состоянии объяснить возникновение всеобщего и необходимого знания, которое присутствует в науке, например, знание математическое. Рационализм же не мог объяснить происхождение обнаруживающихся в уме всеобщих и необходимых истин, как только указанием на их врожденный характер. Обращение к социальной сущности человека как конституирующей основе психологического исследования является центральным принципом в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского. Реализация этого принципа в его работах является таким завоеванием психологической мысли, которое трудно переоценить. Оно позволяет раскрывать реальные контексты психологического исследования и открывает перспективу развития психологии как науки, которая будет способна определить свой предмет и выявить, наконец, собственное единое основание.

13. СМЫСЛ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «МНОГОМЕРНОСТИ» ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

Если культурно-историческая концепция Л.С. Выготского ориентирована на реализацию принципа целостности в психологическом исследовании, то так называемая «концепция многомерности человека» является выражением состоявшегося эмпирического подхода, ведущего методологическому тупику. Так, в психологическом изучении человека, отмечается необходимость неклассического, релятивистского понимания множественности мира как выражения нерационального чувства свободы мышления, позволяющего **заменять** ориентацию в понимании человека как единства представлением о многомерности человека¹.

Обращение к человеку как многомерному существу, помимо присутствующего при этом количественного подхода, еще и предполагает в качестве своего следствия отказ от определения оснований его целостности.

Это означает, что ведущей тенденцией выступает стремление описать каждое из возможных измерений. Психологические концепции многомерности и целостности человека выражают диаметрально противоположные ориентации. Они обуславливают различный ход психологических исследований и, тем самым, их результаты. Ориентация на определение оснований целостности человека предполагает необходимость вскрывать связи, присущие не только каждому из измерений, но и их основания, а также связи параметров, характеризующих различные измерения.

Дифференциация психологических исследований на первый взгляд подкрепляет правомерность и продуктивность «концепции» многомерности человека. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эта «концепция» обуславливает потерю единой «системы координат», в которой только и можно исследовать психические процессы человека.

Необходимость наличия единой «системы координат» в исследовании психических процессов обуславливается тем, что сами психические процессы, как мы отмечали выше, не являются самостоятельными феноменами. В условиях реализации «концепции» многомерности человека исследование психики будет осуществляться на одном из многочисленных измерений как на собственной основе. Это означает,

¹ См.: А. Асмолов. Психологии личности. Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001.

что данная «концепция» с самого начала проектирует проведение психологических исследований на абстрактной, то есть частичной, неполной, а потому неадекватной основе. Результатом также будет выступать частичное знание. Примером могут служить ситуации, когда в исследовании человека выделяется один из элементов его психических возможностей, и затем выводы из исследования этого элемента приписываются человеку в целом.

Так, например, концепция формирования умственных действий, разработанная в психологии¹, касается человеческого интеллекта. В процессе интериоризации внешних материализованных действий во внутренний план действительно происходит развитие интеллекта. Это подтверждают результаты экспериментов, проведенных под руководством П.Я. Гальперина, посвященные формированию понимания инвариантности числа у детей. Благодаря программированию умственных действий испытуемых, удалось сформировать понимание инвариантности числа не в 7 - 8 лет как в экспериментах Ж. Пиаже, а в 5 - 6 лет.

В то же время, концепция формирования умственных действий не может рассматриваться как концепция развития человека. Она базируется на идее организации систем действий, в которых осуществляется моделирование интеллектуальных операций, имеющих вполне конечный и ситуативный характер. Перенос подхода, присутствующего в этой концепции, на исследование человека как целостности не приносит положительного результата. Это можно обнаружить в попытках реализовать идею интериоризации систем действий в качестве способа развития человека. Эти попытки имеют ряд версий, которые по большей части пытаются реализовать в сфере образования.

14. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДЕЙСТВИЯ, ПОВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

При рассмотрении реальной связи Человек - Мир Л.С. Выготский отличал деятельность и действия. При этом в его текстах часто употребляется термин «поведение», смысл которого можно уточнять из контекста для того, чтобы соотносить со смыслом подразумеваемой деятельности или подразумеваемых действий.

Преобразующее начало человеческого мироотношения человека

¹ См.: Гальперин П.Я. Теория поэтапного формирования умственных действий. – М.: Педагогика, 1972.

всегда выражено деятельностью. Поэтому вопрос о специфике исследования высших психических функций человека также прямо связан с деятельностью. При этом деятельность нельзя рассматривать как систему действий, которую человек может также осуществлять. Отличие систем действий от деятельности имеет принципиальный характер. Действия и системы действий всегда имеют ситуативный и конечный характер. Ситуативность предполагает такое качество действий, в котором выражена подчиненность обстоятельствам, адаптивность внешним влияниям и состояниям. Конечность, как характеристика систем действий, воспроизводит черты не процессов, а результатов, вытекающих из совершаемых действий, даже тогда, когда сами системы действий еще не завершены. То есть речь идет о наличии в системах действий ожидаемых конечных результатов.

Деятельность характеризует состояние социальности иначе. В ней присутствует логика развития самой социальности, то есть логика процесса, в которой социальность получает возможность дальнейшего развития. Это изначально не присутствует в системах действий. Понимание этого различия должно обуславливать дальнейшие методологические условия развития психологических исследований. В связи с этим Л.С. Выготский писал: «Деятельность человека не просто механическая сумма неупорядоченно действующих навыков, она структурно охватывается и упорядочивается целостными динамическими тенденциями - стремлениями и интересами. Вместе с установлением структурного отношения между интересом и навыком новая теория приходит с логической последовательностью и к совершенно новой постановке старой проблемы о врожденных и приобретенных интересах. ... Интересы не приобретаются, а развиваются, и в этом введении понятие развития и учение об интересах заключается самое важное слово, сказанное новой теорией по поводу всей проблемы интересов»¹.

Подчеркнем, что социальная обусловленность как таковая не может выражаться системами конечных ситуативных действий, так как это было бы основанием невозможности понять, объяснить культуру и общество, и, как минимум, их исторический характер. Если остановиться на выделении действий в качестве предмета психологии, ориентированной на понимание социальной обусловленности, то возникает неразрешимая коллизия, которая разрушительно будет влиять на состояние психологической науки. Поясним это утверждение.

¹ Выготский Л.С. Педология подростка// Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том Четвертый. М.: Педагогика, 1984, с. 14.

Ситуативность и конечность действий присуща отдельным индивидам в отдельные промежутки времени и места. Если исходить из этого и далее пытаться подойти к вопросу о социальной обусловленности человеческой психики, то это будет означать согласие с пониманием общества как совокупности отдельных индивидов. Однако такое понимание ведет в тупик и в понимании науки как социального феномена, и в понимании социальной обусловленности психики человека, и в понимании сущности культуры. Неразрешимая коллизия здесь возникает потому, что в данном направлении обращение к действиям как предмету психологической науки берет без рассмотрения то, что представляют собой действия, то, какой статус они имеют в социальной реальности, в реальности отдельного индивида, в реальности личности и др. Такое рассмотрение предполагает обращение к основаниям. Для него совершенно недостаточно выделение действий только потому, что они более весомы, чем поведение. Подчеркнем, что выделение действий - более глубокий вариант в формулировании предмета психологии, чем поведение. Но все же он недостаточен. Можно, например, сравнить смысл того, что может выразить поведение, с одной стороны, а что могут выразить действия, с другой. Если действия ориентированы на результат здесь и сейчас, который подтверждается ими через его достижение, то поведение может выражать или вуалировать цели. Поэтому их статус не может быть одинаково весомым для адекватного понимания происходящего¹.

Принятым в психологической науке считается обращение к понятию поведения для описания многообразных состояний психики человека. Однако понятие поведения по сравнению с понятиями деятельности и мироотношения является не просто слишком «широким», но оно характеризует отторжение, отстранение исследователя от объекта своего исследования. Или наоборот: оно характеризует отторжение, отстранение объекта от исследователя. Понятие поведения характеризует наличие отношения человека с окружающим миром, но оно не включает в себя обязательность рассмотрения механизмов этого отношения. Поэтому всякая поведенческая модель - модель абстрактная. Она не предусматривает какой-либо конкретизации отношения объекта с миром, или объекта с контекстом его существования. Использование понятия поведения в качестве модели, по которой может осу-

¹ См.: Гусева Н.В. Проблема оснований в развитии психологии как науки и следствия эмпиризма и рационализма. // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Научный журнал. Выпуск 5 Вопросы психологии. Личность, Образование, Общество. - Усть-Каменогорск, 2015, с. 3 – 14.

ществляться какое-либо исследование, всегда несет в себе возможность любого варианта связи исследуемого и контекста, в котором он существует или изучается.

Для реального психологического исследования это означает, что понятие поведения может означать и проявление интереса, и деятельности, и системы действий, и воображения и т.д. При этом каждый раз по-иному оно будет представлять в рисуемой содержательной картине исследования. Так, при изучении интереса поведение будет выражением именно его (интереса); при изучении деятельности поведение будет выражением структуры и функции деятельности; при изучении систем действий поведение будет выражением конфигурации предметно-действенного проявления объекта исследования; при изучении воображения поведение будет выражать последовательности образов, которые воспроизводятся или создаются в той или иной ситуации.

Иначе говоря, понятие поведения проявляет свою некую «универсальность», при которой всякий раз снова и снова оно наполняется совершенно иным содержанием, зависящим всецело от рассматриваемой функции исследуемого объекта. Это положение при ближайшем рассмотрении свидетельствует о «нейтральности» понятия поведения по отношению к любому содержанию. Оно не несет в себе какого-либо определенного смысла, за исключением своего рода указания на наличие какого-то процесса. Этот «какой-либо процесс» может быть любым или никаким.

Для исследовательской ситуации обращение к такому понятию выступает в функции бессодержательной формы, которая может выражать языковую «статистическую» погрешность вследствие отсутствия содержания. Или может быть широко используемой формой, которую всякий раз, чтобы применить, надо наполнять содержанием по усмотрению исследователя.

В обычной жизни понятие поведения употребляется для обозначения или указания явной конфигурации движения или отношения кого-либо к окружающему. При этом актуальным поведение становится не столько для того, кто совершает движение или отношение определенной конфигурации, а скорее для того, кто находится в положении наблюдателя за этим движением или отношением. Для того же, кто осуществляет определённый тип поведения поведение выступает либо в форме способа обозначить, подчеркнуть именно эту конфигурацию движения или отношения к окружающему, либо, напротив, оно выступает способом или формой «прикрытия» реального отношения, или реальных целей, или содержания движения. И в том и в другом случае данное понятие остается выражением поверхностного

фиксирования какого угодно содержания.

В сфере научных исследований, имеющих социально-гуманитарную направленность, понятие поведения всегда проявляет характеристики нейтральности к любому возможному содержанию того, что рассматривается. Это касается его употребления во всем спектре социально-гуманитарных исследований. Нейтральный статус поведения как мыслительной «конструкции» делает избыточным обращение к нему, так как всякий раз его использование вызывает необходимость существенного доработки содержательной модели, которая бы сохраняла или даже выявляла смысл исследуемых ситуаций и процессов.

В психологии широко используется понятие поведения не только в таком направлении как бихевиоризм, но в других. И если в бихевиоризме оно будет указывать на ситуацию наличия отношения «стимул - реакция», то в других психологических направлениях оно может означать то, что соответствует каждому из них.

На эту ситуацию мы специально обращаем внимание в связи с тем, что в процессе исследования любые понятия являются конституирующими мышление формами. И если такие формы оказываются лишенными собственного конституирующего содержания, но все-таки используются в процессе мышления, то это означает, что мышление не ориентирует исследовательский процесс на определенные цели. Вместо этого возникает каждый раз затруднение, как мы отмечали выше, связанное с необходимостью наполнения каким-либо новым содержанием используемого понятия: в данном случае понятия «поведение». Само же оно никоим образом содержательно не проясняет исследовательскую ситуацию, не помогает ее создавать в наилучшем направлении для получения истинного результата.

15. МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ И В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Социальная обусловленность науки и научных исследований все более становится предметом специального рассмотрения в качестве условий дальнейшего их развития. Учитывая, что сама наука представляет собой социальное явление и не может ни формироваться, ни развиваться вне социальной обусловленности, - учитывая это, можно считать оправданным рассмотрение исторических этапов в развитии науки с точки зрения присутствия понимания в них того, как может

или должен осуществляться познавательный процесс, как процесс, в котором субъект и объекта познания связан тем или иным образом. И насколько понимание этой связи, ее осуществление в новых и новых исследовательски-познавательных актах действительно является достойным «проектирования» в соответствии с достигнутым или принятым пониманием.

Этот круг проблем для развития науки не является несущественным или нейтральным. Напротив, он затрагивает основополагающие моменты всякого познания. От того, какое отношение субъект познания проявляет к объекту познания, в целом зависят конкретные шаги в познавательном процессе, а также и его результат. Опыт понимания отношения субъекта и объекта познания представлен в истории философии. Основные характеристики этого опыта обнаруживаются в развитии науки в качестве собственных попыток рассмотрения и понимания. Однако, далеко не всегда и не в достаточной степени и мере в сфере науки адекватно осмысливаются особенности понимания отношения субъекта и объекта познания, а также их статуса в контексте понимания науки как социального явления и как явления культуры.

По отношению к формирующейся психологической науке этап преднауки также имеет свои черты проявления. Для Древнего периода формирования психологического знания характерным является, во-первых, понимание души, ее реагирования на воздействия Мира как того, знание чего начинает обособляться и требовать внимания к ее (души) особенностям. Во-вторых, характерным является понимание того, что душа связана с телом, принадлежащим человеку (Аристотель), или что она связана с Миром духовным (Платон), который имеет творящие силы по отношению к Миру, в котором живет человек.

Обращаясь к Аристотелю как философу, надо подчеркнуть, что, рассматривая характеристики души, он все же главное внимание уделял рассмотрению природы души. Это означает, что его взгляд на душу акцентировал не просто ее как предмет рассмотрения. Акцент переносился им на то, что порождает душу и лишь затем, в зависимости от этого, на то, как она может характеризоваться и структурно, и функционально в том или ином исследовании. Речь, таким образом, у Аристотеля идет не столько о душе как предмете рассмотрения, сколько о том, что выступает ее основанием, что обуславливает затем ее и как предмет исследования. В трактате «О душе» Аристотель формулирует понятие о способностях и их иерархии как функций души, а также понятия такие как восприятие, память, воображение, психические образы, ассоциации как связь между представлениями,

понятия характера, мотивации и др. Душа рассматривалась Аристотелем не как самостоятельная сущность, а как форма, способ организации живого тела¹.

Эти варианты трактовки души для современной психологии также являются существенными моделями, которые либо учитываются в современных исследованиях, либо критикуются. Хотя для современной психологии феномен души именуется и трактуется иначе, чем в эпоху Древности. Но и сегодня остаются две «рабочие» модели, в которых сохраняется различное прочтение дилеммы «отношение с телом» и «отношение с духовным и материальным миром» того, что в те времена называли душой, а позже называли сознанием, а сейчас называют психикой и психическими процессами.

Каждый из этих отношений выступает основой того, как именно будет мыслиться и строиться дальнейшее исследование. Так, если душа (сознание, психика и т.п.) рассматривается как то, что обусловлено телом, то в этом случае ее исследование должно касаться различных форм реагирования тела на воздействия окружающих его обстоятельств. В другом варианте, если признается, что душа (сознание, психика и т.п.) принадлежит Миру (не только духовному, но и материальному), в котором пребывает и человек, то исследование души в этом случае будет направлено на исследование Мира и форм того, как именно душа (сознание, психика и т.п.) пребывает в нем, выражает его, зависит от него и т.п., то есть связана с ним.

Обе эти модели продолжают свое участие в построении психологических исследований. Анализ плюсов и минусов их является сегодня еще более востребованным, чем много веков назад. Это объясняется тем, что за длительное время выделения и становления психологической науки сформировался ее понятийный аппарат, позволяющий дифференцировать различные исследовательские ситуации. В том числе и в зависимости от того, как осуществляется исходная трактовка объекта исследования и роль в нем субъекта. В данном случае речь идет о душе, или о сознании, или о психике и т.п., то есть, речь идет о том, что необходимо познать и что является объектом и даже предметом психологической науки. Субъект же исследования в каждой из этих дилемм-моделей психологического исследования практически не представлен. Он присутствует, но как бы, не оглашая своего присут-

¹ См.: Гусева Н.В. Проблема оснований в развитии психологии как науки и следствия эмпиризма и рационализма // Вестник Казахстанско-Американского Свободного университета. Научный журнал. Выпуск 5. Вопросы психологии. Личность, образование, общества. – Усть-Каменогорск, 2015, с. 3.

ствия. Он осуществляет исследование, понимание, выводы и т.п., но его включение в познавательный, исследовательский процесс не выявляет его собственных «спецификаций». Они полностью замещены тем, как и в чем проявляется объект исследования.

Для психологической науки периода Нового времени исследовательская модель взаимодействия также является характерной. Именно ее присутствие обнаруживается при рассмотрении того, что вносит в развитие психологической науки этот период. В Новое время с развитием естественных наук возникает представление о сознании как предмете психологического исследования, под которым понималась способность думать, чувствовать, желать. В то же время, Декартовская концепция сознания опиралась на открытие рефлекса и связывала процессы осознания с тем, что именно через рефлекс происходит фиксация актов осознания и фиксация цепи актов его самонаблюдения (интроспекции). Именно в этом виде позже в концепции бихевиоризма возникает версия исследования сознания и психики в целом по модели, которая воспроизводит структуру рефлекса, в виде соотношения «стимул - реакция», то есть воспроизводится модель взаимодействия. Такая исследовательская модель дополнялась тщательным исследованием таких явлений и возможностей для познания как очевидность, сомнение, правила для руководства ума. Однако они оказывались на стороне познающего в качестве его инструментария, который может и должен был быть задействованным во время исследования объекта. Этот инструментарий прямо не касался особенностей объекта, который полагалось оставлять в чистоте от воздействий познающего субъекта.

Познавательная коллизия при этом замыкалась тем, что и как понималось контекстом рассмотрения изучаемых явлений. Работа с психологическим объектом с позиций как эмпиризма, так и рационализма планируется однотипно: с помощью методов как особых инструментов. Различие эмпиризма и рационализма как оснований могло проявляться лишь в плане формы предьявленности их присутствия: либо в качестве эмпирического факта, либо как мыслимого. В том или другом случае это присутствие оказывалось в статусе фактов самой психологической реальности: в виде фактов эмпирических, или в виде фактов мыслимых. Дальнейший ход исследования уже связывается описанием фактов и соответствующих ему методов. Методы описания должны подчиняться формальной логике, и методы проведения исследования могли вступать в противоречие с последними. В их числе: разработка исследовательских методов и методов описания; или: раз-

работка методов описания как методов исследования; определение субъекта и объекта исследования, в которых должна найти свое выражение конкретизация возможностей их взаимодействия, влияющая на результат исследования и т.д.

В современной психологии практически все основные направления воспроизводят в исследованиях логику взаимодействия при котором сохраняется эмпирический уровень исследования, включая и организацию экспериментов. Это означает, что обращение к потенциалу культурно-исторической теории продолжает оставаться по большей части декларативным.

16. АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ИДЕЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО «ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Обратимся к некоторым, наиболее характерным подходам, которые обсуждаются в области психологической науки, с точки зрения присутствия или отсутствия, качественной представленности ориентации на теоретические основания, которые позволяют определять перспективу исследований. Выделим для рассмотрения лишь одно тематическое направление. Это исследование проблемы личности и ее развития.

Рассмотрение этой проблемы является одним из основных тематических направлений современных исследований в психологической науке. Имеется большое количество публикаций по проблеме личности, каждая из которых выражает некую позицию, претендующую на основополагающий статус. Показательным может являться анализ вариантов понимания личности, представленных в объемной работе Кэлвина С. Холла и Гарднера Линдсея «Теории личности», которая рекомендована Координационным советом по психологии Министерства образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов факультетов психология по дисциплине «Общая психология»¹. Авторы этой работы, характеризуют свое направление как такое, в котором исследуются проблемы развития личности (становление, обучение, профессиональное самоопределение и др.); исследуются проблемы человеческой индивидуальности (внимание, воспри-

¹ См.: Кэлвин С. Холл и Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: Психотерапия, 2008. – 652 с.

ятие, память, сознание, ощущение и др.); социальные группы и их социально - психологические ориентации; исследуются проблемы рассмотрения методологических оснований развития самой психологической науки.

По мнению авторов этой работы, на понимание личности влияет, следующие традиции: традиция клинического наблюдения, гештальт-тестскую традиция, а также традиции экспериментальной психологии и теории научения. Эти направления в данной работе охарактеризованы с точки зрения их вклада в развитие теорий личности.

В то же время авторы указывают на невозможность выделить единое основание для их интерпретации. Подразумевается, что допустимо множество теорий личности. Такое допущение, само по себе свидетельствует о том, что собственно теория в строгом смысле слова пока ими не обнаружена или не создана, и что наличие множества «теорий» является показателем лишь множества попыток приблизиться к пониманию феномена личности. Кроме того, такое допущение характеризует отсутствие понимания теории как строгой, не допускающей разночтений, формы организации научного знания, существенной чертой которой выступает наличие в ней открытых и зафиксированных закономерностей. Они выделяют ряд характерных черт, присутствующих в различных «теориях» личности¹. Среди этих черт указываются также определения, связанные с трудностями понимания личности, и того, как именно следует личность исследовать. Это: выход за пределы конвенционального мышления и предубеждений относительно человеческого поведения; функциональная направленность «теорий» личности; признание решающей роли мотивационных процессов; создание теории социального поведения; позиция. Эти трудности отмечаются на фоне полного забвения необходимости ориентации на теоретические основания. Напомним, что теорию характеризует наличие и фиксация закономерностей. Это означает открытие и фиксацию необходимых, существенных, объективных и повторяющихся связей, присущих объекту исследования. Вместо этой ориентации на теоретические основания, Мак-Даугалл в цитируемой работе пишет, что наиболее важной для социальных наук является та область психологии, которая рассматривает источники социального действия, импульсы и мотивы, поддерживающие телесную и ментальную ак-

¹ См. работы: Шарко (Charcot, J), Жане (Janet, P), Фрейда, Юнга, Мак-Даугалла и др. 2 См. работы: Геймгольца, Павлова, Торндайка (Thorndike, E.L.), Уотсона (Watson, J.B.), Вундта (Wundt W.); Кэлвин С. Холл и Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: Психотерапия, 2008, с. 18-26.

тивность и регулирующие поведение. Из всех областей психологии наименее разработана область, определяющая **основания** всех отмеченных Мак-Даугаллом вариантов исследований. Таким основанием может выступать только изучение человека в его целостности. Именно на этом основании может быть возможным и адекватное понимание человеческого поведения и связанных с ним импульсов, мотивов и т.п.

Отмеченные особенности, роднящие, по мнению авторов названной работы, различные «теории» личности, имевшие и имеющие место в психологии, на наш взгляд, не являются достаточными для понимания того, какова реальная картина с присутствием или отсутствием собственно теоретического уровня в исследованиях личности. Поэтому остается открытым вопрос о перспективности их позиций для дальнейших исследований. Так, можно отметить, что понимание каждой из указанных черт, каждого параметра, которые рассматриваются как присущие той или иной «теории» личности, в каждом случае показывает отсутствие такой ориентации. Это означает, что направление исследования в целом в предъявленных вариантах, не ориентированы на вскрытие закономерностей в развитии личности. Они показывают ориентацию на присутствие ситуативных подходов, ситуативных интересов к феномену личности, а также показывает перспективу и возможность ситуативных описаний, полученных эмпирических данных.

Рассмотрим названные позиции в некотором приближении. Во-первых, остается открытым вопрос о том, что означает «выход за пределы конвенционального мышления» в понимании личности. Можно приветствовать ставку на объективность исследования, которое противостоит соглашательству, признанию условностей, которая должна способствовать развитию психологии как науки и развитию исследований личности. В то же время указывать «выход за пределы конвенционального мышления» в качестве определенного понимания самой объективности в сфере понимания феномена личности нет никаких оснований. Ожидание выхода в сферу объективного исследования здесь никак не подтверждается¹.

Во-вторых, выход за пределы «предубеждений относительно человеческого поведения» в сфере исследований личности также не может быть признан достаточным для признания его в качестве ориентации на выявление оснований, позволяющего адекватно понимать, а значит, и исследовать феномен личности.

¹ См.: Кэлвин С.Холл и Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: Психотерапия, 2008, с. 23.

Обращение к поведению как основе понимания личности является слабым по определению. Это подтверждается хотя бы тем, что поведение служит не только для проявления черт личности, но и в такой же мере для их сокрытия. Поведение, как мы отмечали выше, выражает «декларативную» часть проявлений человека. В ее рамках нельзя обнаружить подлинных оснований вариантов самих «деклараций», которые человек сознательно или неосознанно проявляет. Это значит, что нельзя строить исследование личности на основе изучения вариантов поведения человека. Хотя косвенно изучение поведения все же может давать определенные данные, характеризующие человека. В то же время надо учитывать, что эти данные могут характеризовать человека, не всегда проявляющегося как личность. Здесь могут проявляться его характеристики как индивида, проявляющего свои субъективные черты, а не субъектные, которые более всего связаны с его личностным статусом.

В-третьих, указанная выше «функциональная направленность теорий личности» не означает присутствия в этих вариантах ориентации на теоретические основания, в которых вполне реализовывалось бы единство параметров формирования личности. Напротив, в так называемой «функциональной направленности теорий личности» акцент изначально перенесен с поиска сущностных параметров личности на поиск функциональных определений. Функция же всегда есть проявление того, что собственно функцией не является. Речь идет о том, что можно определить, как базовое определение объекта или субъекта, который способен проявлять и проявляет себя в виде собственного функционирования. Указание на функции объекта исследования или субъекта исследования не означает, что эти объект или субъект оказываются адекватно понятыми.

В этом случае речь идет, опять-таки, о получении некоего косвенного знания как объекта, так и субъекта по мере востребованности. Собственно, теоретического основания исследования личности, который бы обозначивал путь ее формирования, и в этой мере обозначивал бы путь ее исследования в изучении, в том числе и функциональной стороны, не присутствует. В-четвертых, «признание решающей роли мотивационных процессов» в изучении феномена личности также нельзя признать в качестве достаточного и сколько-нибудь соотносимого с определениями теоретического основания, варианта исследовательской ориентации. Это объясняется тем, что сами мотивы имеют характер вызываемых состояний в субъективности человека. Это значит, что стоит вопрос о том, что их (мотивы) вызывает? В этом случае сам этот вопрос выводит за пределы субъективности. Вопрос куда вы-

водит? Где эта реальность, которая находится за пределами субъективности и порождает мотивационные процессы у субъекта? Ответы на эти вопросы существенным образом связаны с пониманием сути феномена личности. Однако, ставка на изучение мотивационных процессов не является условием определения той области реальности, которая активно участвует не только в появлении мотивации, но и в появлении самой личности человека.

Изучение мотивационных процессов может рассматриваться здесь в качестве частного случая исследования области формирования личности, которая не равна последней. Этим объясняется вывод о недостаточности статуса мотивационных процессов для квалификации их как необходимого и адекватного содержания ориентации на исследование личности. В-пятых, «создание теории социального поведения» нельзя признать такой формой научного знания, в которой присутствует содержательная ориентация на выявление теоретических оснований, необходимых для исследования личности. Здесь надо подчеркнуть не только то, что мы отмечали выше по поводу «декларативного» статуса поведения. Здесь надо специально отметить, что социальное поведение в этих «теориях» рассматривается ситуативно в качестве совокупностей конечных, и также ситуативных, действий.

Ситуативные действия осуществляются любыми «точками» проявления субъективности. Они в этом виде оказываются присущими не только человеку, но и животным, даже не только высшим. Поэтому ситуативные действия, даже возведенные в ранг социальных, не теряют своих характеристик ситуативности и конечности, а значит, они не могут отвечать уровню личностного отношения не только к ситуации, но и к историческому пространству, в которых данные ситуации возникают, изменяются и преодолеваются. В-шестых, указание на «адекватное понимание человеческого поведения», связывающегося с необходимостью изучения «человека в его целостности» в рассматриваемых «теориях» личности является абстрактным пожеланием, то есть оно не может рассматриваться в качестве адекватного понимания основания исследования личности. В данном случае недостаточность связана с пониманием целостности, точнее: с ее некорректной интерпретацией.

Так, авторы анализируемой работы по «теориям» личности отмечают: «Большинство психологов, изучающих личность, настаивали на том, что субъекта необходимо рассматривать с позиций целостного функционирования в естественной среде. Они настаивали на контекстуальном изучении поведения, когда каждое поведенческое событие изучается и интерпретируется в соотношении с остальными. Такая

точка зрения была естественным следствием клинической практики, где осуществляется лечение целостного человека и где трудно ограничиться размышлениями об одной сенсорной модальности или заданном ряде переживаний»¹.

Некорректность в понимании целостности в данном высказывании состоит в том, во-первых, что она в рассматриваемом контексте полностью «погружается» в план функциональных проявлений человека. Далее, она выражается, во-вторых, тем, что полностью детерминируется сенсорной модальностью, которая должна быть преодолена. В-третьих, целостность усматривается в ситуативном контексте. Некорректность в понимании целостности человека здесь полностью определяется абстрактностью понимания самого человека. В этом виде (в качестве абстракции) человек не может иметь личностного статуса по определению. Это означает, что при выделении в качестве объекта исследования параметров личности, на самом деле выделялись параметры не личности, а субъективности человека. В итоге само исследование личности в этих случаях идет по ложному пути и, естественно, не может приносить ожидаемых результатов для развития психологии как науки.

В этом же контексте имеет смысл подвергнуть критическому методологическому анализу уже ставшие традиционным «теории» личности. Это: «теория зеркального Я» (Кули, Дж. Мид и др.), ролевая «теория» (Р. Линтон, Морено, Парсонс и др.), необихевиористская «теория» личности, «теория» установки, потребностная «теория» и др. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в основе рассмотрения феномена личности в этих «теориях» присутствует некий образ возможного эмпирического проявления человека, который можно легко обнаруживать и фиксировать в качестве факта.

Так, «теория зеркального Я» рассматривает личность как производное социальных взаимодействий, в процессе которых человек обучился смотреть на себя как на объект глазами других людей. Ролевая «теория» личность рассматривает как функцию социальных ролей, которые исполняет индивид в обществе в рамках различных социальных групп. Поэтому личность характеризуется здесь в качестве производного от тех социальных групп, в которые включен индивид. При этом вводится понятие социализации, в процессе которой человек усваивает экспектации ролевого поведения, выучивает способы их исполнения и, таким образом, становится личностью.

¹ Кэлвин С.Холл и Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: Психотерапия, 2008, с. 23.

Необихевиористская «теория» личность рассматривает в качестве простой совокупности социально приемлемых ответов на совокупность социальных стимулов. «Теория» установки рассматривает личность как результат подчас неосознанных установок, которые формирует общество самим фактом постоянного повседневного воздействия («давления») на индивида. С точки зрения этой «теории», накапливая разнообразные установки, человек привыкает быть личностью. У него складывается принципиальная установка на то, чтобы быть личностью. «Теория» потребностей личность рассматривает как совокупность социогенных потребностей и ориентаций, формируемых обществом.

Некорректности в понимании личности, целостности, поведения, статуса действий, статуса потребностей, статуса установки и других понятий, функционирующих в психологической науке, говорят о присутствии редуционистских веяний или, в лучшем случае, о методологической «не проработанности» исследовательской проблематики. Корректным методологическим основанием исследования личности как в психологическом, так и социологическом, культурологическом и др. планах должна стать ориентация исследовательского процесса на раскрытие сути формирования человеческого Я как субъекта культурно-исторического процесса, в котором он не перестает быть индивидуальностью, но и уже не сводится к ней, а в ней находясь, развивает свою индивидуальность, которая уже не может быть сведена к самости человека, к его телесности как таковой, где субъективность становится продолжением субъектности, но не наоборот.

В современной науке о человеке присутствует и развивается тенденция, которая вполне отвечает требованиям ориентации на теоретические основания, и которая включает в себя и адекватный подход к исследованию личности.

В этом плане важным шагом и аспектом, ведущим в рассмотрении личности к формированию ориентации на теоретические основания, является наметившийся поворот в психологии на исследование не только проявлений сферы субъективности, но и на исследование становления и проявления сферы субъектности как таковой. Рассмотрение социальной природы человека надо понимать не как уход от проблемы личности в сферу социальной психологии, а именно как возможность формирования адекватного понимания человека как личности, становится субъектом деятельности, имеющей культурно-исторический характер.

Деятельность в этом контексте выступает конституирующим основанием личности и в то же время ее параметры становятся теорети-

ческим основанием рассмотрения личности в психологическом плане. Это объясняется тем, что деятельность является сферой формирования самой психологической реальности человека.

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского ориентирует на реализацию таких теоретических оснований. Реализация ориентации на деятельностную концепцию личности, в которой деятельность выступает в качестве культурно-исторического основания человеческой реальности во всех ее проявлениях, и ее развитие присутствует также в работах ведущих советских психологов, таких, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев. Эта линия развития психологии личности является продуктивной и концептуально состоявшейся. Она позволяет определять перспективы развития психологического знания на теоретическом уровне, то есть позволяет определять не только закономерности в развитии личности, но и формировать проводимые дальнейшие эмпирические исследования на основе серьезных, методологически адекватных подходов.

Речь идет о присутствии деятельностного подхода в ткани психологических исследований. В последние годы, однако, под влиянием ситуативных общественных состояний, моделируются варианты отказа от понимания необходимости теоретического мышления и в отношении к исследовательской сфере. Это проявляется в некотором увлечении идеями плюрализма, которые полностью уводят от необходимости выявления концептов в развитии науки и научного знания. В этой ситуации необходимо усилить привлечение особенно молодых ученых к методологическим опытам мыслительной проработки их предметов исследования. Такая работа позволит обнаружить крайнюю недостаточность и бесперспективность отказа от концептуального уровня мышления для любого исследования, включая любые формы и эмпирического исследования.

17. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ОБРАЩЕНИЕ К ТВОРЧЕСТВУ Л.С. ВЫГОТСКОГО КАК НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ И ВСЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Обращение к творчеству Л.С. Выготского в современный период сопряжено с рядом трудностей. Они заключаются в том, что его наследие, во-первых, не носит чисто методического, рецептурного характера. Поэтому его идеи и выводы не могут быть приняты как ука-

зание к непосредственным действиям в исследовательских ситуациях. Они не могут быть восприняты в качестве матриц поведения исследователя. Они требуют глубокого осмысления с тем, чтобы достигать понимания проблем, которые Л.С. Выготский рассматривал как важные для развития психологии.

Во-вторых, трудность в осмыслении культурно-исторической концепции Л.С. Выготского заключается в том, что она носит методологический характер, а само понятие методологии сегодня слишком подвержено деформациям, осуществляемым в рамках позитивистской традиции «философствования». Это ведет к тому, что часто под методологией понимаются как раз матричные подходы к материалам исследований, которые переходят в итоге и к соответствующим им выводам.

В-третьих, работа с понятийным аппаратом психологической науки сегодня, как и во времена творчества Л.С. Выготского, не является простым делом. Особенно это касается тех, кто считает, что психология - это эмпирическая наука, и она не должна заниматься вопросами, связанными с философским пониманием.

В-четвертых, вопрос Л.С. Выготского об основании развития психологии как единой науки продолжает оставаться на повестке дня. Однако в рамках трактовки человека как «многомерного» существа, сопровождающегося признанием столь же «многомерной» психики и субъективности, - бытует мнение, что это нормальное положение в науке, которая внутри себя может и должна претерпевать процессы дифференциации, что эти процессы, в свою очередь, являются не недостатком состояния психологии, а являются показателем ее развития и жизнеспособности. Наличие этой позиции лишает необходимой ориентировки и устремленности погружения в особенности и достижения, заключенные в творческом наследии Л.С. Выготского.

В-пятых, освоение научного и методологического наследия Л.С. Выготского требует особой подготовки. Она заключается в развитии диалектического мышления, в освоении диалектической логики. Без этого постижение будет весьма затрудненным или вообще невозможным. Последнее подтверждает позицию самого Л.С. Выготского, заключающуюся в том, что психология как серьезная наука невозможна без истинной философии - без диалектики.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1. КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Актуальность обращения к анализу современного состояния психологической науки заключается в определении путей разрешения проявляющихся в ней противоречий. Обнаружение противоречий, разрешение которых оказывается недоступным с точки зрения уже функционирующего знания, оценивается как проявление существенных характеристик кризиса. Обсуждение состояния кризиса психологии был и остается общим местом в психологической литературе². Упоминания о кризисе в психологии относятся к разным периодам ее существования. Современный период в этом плане не является исключением. Осознание наличия кризисных явлений в психологической науке всегда связывалось с определенными чертами ее состояний, при которых возникала востребованность отыскания способов разрешения выявленных противоречий. Этим обуславливается обращение к переосмыслению оснований психологического знания и психологической науки в целом. Под основаниями научного знания и основаниями той или иной науки в целом, как правило, понимают имеющиеся мироотношенческие характеристики связи субъекта познания (знания) и того, что выступает предметом познания. Необходимость осмысления оснований знания, формируемого в процессе психологических исследований, означает необходимость осмысления

Опубликовано впервые в: Вестник КАСУ. Научный журнал. Выпуск 5 «Вопросы психологии: Личность, образование, общество. - Усть-Каменогорск, 2009, с. 21-30.

² См.: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории /Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: ИП РАН, 1997; А.В.Петровский. Психология в России XX века. - М.: УРАО, 2000; А.Н. Ждан. Психологическая наука в России в XX веке: Некоторые результаты и проблемы // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып.1. /Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2002; С.А. Богданчиков Современная психология в мировом историческом контексте (современные подходы и проблемы) // Психологический журнал, 2006, т.27, № 1, с. 89 – 96; М.С. Гусельцова Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии, 2006, № 1; Lunt I. EuroPsych project // Europ.Psychologist? 2000, V.5, №2; S. Newstead, S. Makkinen Psychology teaching in Europ. Psychologist.1997, V.1, № 14; И.А. Мироненко Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии, 2008, № 4, с. 119 -128 и др.

закономерностей его развития, которые не детерминируются текущими исследовательскими ситуациями, но которые сами обуславливают определенный ход исследовательского процесса и тип понимания его результатов.

Перспективы развития психологии в современной психологической литературе прямо связываются с преодолением ее кризиса. В качестве основных характеристик кризиса отмечаются следующие:

- отсутствие единой теории; деление психологии на отдельные «империи» (разделы, направления);
- отсутствие универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания;
- некумулятивность знания;
- раскол между исследовательской и практической психологией;
- расчлененность целостной личности и «недизъюнктивной» психики на самостоятельное существование памяти, мышления, восприятия, внимания и др. психических функций;
- различные параллелизмы, которые психология осознает как неразрешимые для нее головоломки;
- недостатки в понимании психологией своего предмета;
- отсутствие прогресса в устранении симптомов методологического кризиса психологии, оценки которых давались Л.С. Выготским и др. авторами еще в начале прошлого века.
- раскол между восточными и западными направлениями в психологии; кризис рационалистической методологии;
- увеличение дезинтеграции моделей в методологии и др.¹

При ближайшем рассмотрении указанные черты кризиса в психологии как науки характеризуют присутствие процесса качественных изменений, происходящих в современном научном знании в целом. К числу единых требований для оценки состояния в той или иной науке относятся практически все из отмеченных характеристик состояния психологического знания. Хотя здесь они отмечались в статусе вывода о состоянии психологии как науки, а в требованиях к оценке научного знания они имеют статус критериев. Действительно, критерием зрелости науки является наличие не только единой теории, созданной на единой методологической основе. К критериям зрелости науки относятся также и способность разработки выверенных исследовательских проектов, обращение к соответствующим (адекватным и осознанным) формам и методам достижения истинного знания (в отличие от метода проб и ошибок) и др.

¹ А.В. Петровский. Психология в России XX века. - М.: УРАО, 2000, с.119.

Отмеченные А.П. Петровским черты кризиса в психологии характеризуют результат осмысления противоречий между тем, что имеется в современной психологии и тем, что ожидается как необходимое и выражающее логику развития научного знания как такового. Рассмотрение названных характеристик кризиса психологии приводит к необходимости обратиться к некоему общему их истоку. Приблизиться к пониманию этого общего истока всех названных характеристик кризисных явлений в психологии можно, если «построить» мыслительную модель, в которой бы каждая из характеристик была бы объяснена из одного и того же «корня». На наш взгляд, таким корнем, порождающим проявление кризисных явлений в психологии, является функционирование, преобладание редукционистского сознания.

Редукция в современном мышлении является очень распространенной формой, благодаря которой изменяется и деформируется содержание, являющееся предметом осмысления¹. В области психологии редукция затрагивает содержание, как макроуровня, так и микроуровня любого психологического исследования. Отсутствие учета последствий редукций приводит к искаженным выводам по поводу исследуемого. Примером редукции могут быть, например, представления о ролевом статусе личности, о многомерности личности, о междисциплинарном статусе проблемы личности, о появлении «волн» модернизации, антропологизации² и прочее в таком направлении в психологические науки как, например, психология личности. В когнитивной психологии редукцией, искажающей смысл понятия человеческого сознания, является рассмотрение его по модели кибернетического устройства. Моделирование как метод сам по себе не обуславливает редукции в чистом виде. Но если изучение человеческого сознания осуществляется на модели кибернетического устройства, то в этом случае метод моделирования с необходимостью будет продуцировать редукционистские следствия его применения. Особенно это касается моделирования высших психических функций, не сводимых к маши-

¹ См.: Н.В. Гусева. Диалектическое мышление и редукционизм//Актуальные проблемы развития мировой философии. Международная научно-теоретическая конференция. Часть 1. – Астана: Мин. образования и науки РК, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Институт философии и политологии МОН РК, 2008, С. 164-167; Н.В. Гусева. Феномен редукционизма в философском сознании // XXII Всемирный Философский Конгресс. Доклады казахстанской делегации. Алматы: Мин. образования и науки РК, Институт философии и политологии МОН РК, 2008, с.21-35.

² См.: А. Асмолов. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001.

нообразным реакциям.

К редукциям можно отнести и решение проблемы соотнесения целого и части в пользу понимания целого как совокупности частей. Проблема соотнесения целого и части возникает в любом исследовании. В психологии ее можно выявить тогда, например, когда необходимо осмыслить с точки зрения субординации, взаимовлияния или взаимодействия соотношение психики с той или иной психической функцией, а также когда необходимо рассмотреть с точки зрения субординации соотношение человека и его психики, которая по существу является лишь атрибутом человека. В области психологического знания эта проблема проявляется в виде задачи определить правомерность классификации психологических направлений с точки зрения значимости их для развития психологии как науки и т.п. Речь идет о возможных вариантах понимания первостепенности статуса сущности того, что подвергается исследованию, с одной стороны, и атрибутивности, с другой стороны. Значимость сущности по отношению к атрибуту исследуемого объекта качественно иная. Редукция нивелирует это различие. Поэтому, если исследователь психических явлений допускает тождественность оценки сущности и атрибута в качестве исходного постулата своего исследования, то в этом случае можно говорить о присутствии недопустимой редукции, которая с необходимостью приведет к заведомым искажениям искомого знания (см. выше). Редукция как «вирус» присутствует не только на уровне обыденного сознания, но и поражает мышление исследователя. В результате проблемы и противоречия появляются даже там, где их могло не быть по определению. Выход из этой «болезни» может быть только один – развитие мышления ориентированного на логику развития – диалектику и методологию как сферу всеобщего (а не общего!) знания.

К числу мыслительных форм, обуславливающих тот или иной ход исследовательского процесса и тип понимания его результатов, относится целый ряд существенных проблем. Определенное исходное («рамочное») решение этих проблем тем или иным автором с самого начала задает не только сферу, направление, выбор методов проводимого исследования, но и жестко детерминирует получение результата, а также его интерпретацию. Одной из таких проблем является определение предмета психологии.

В психологическом знании и психологической науке предметом исследования традиционно признаются психические процессы. Однако наличие массива психических процессов усложняет определение предмета психологии. Становится необходимым определение значимости не только каждого психического процесса или их совокупности

по отношению к вопросу о предмете психологии как науки, но и их субординации, соотношения в условиях углубления дифференциации психологического знания. Решение проблемы определения предмета психологии осознанно или неосознанно делается каждым исследователем психических явлений. В этом проявляется всякий раз признаваемая автором исследования исходная позиция, выражающая то, чем и как он будет заниматься в процессе своей научной работы. В данном случае речь не идет о самом общем определении предмета психологии, заключающемся в указании на психику как предмет исследования. Здесь подразумевается необходимость исходной конкретизации по поводу того, что понимается под психикой, и какой аспект психического будет исследоваться. Конкретизация предмета исследования осуществляется его автором, как правило, спонтанно, «в рабочем порядке». Она не получает статуса специального рассмотрения, которое бы было ориентировано на определение связи данного понимания данного автора с другими трактовками, существующими в области психологического знания. Только специальное рассмотрение могло бы обеспечить понимание и субординацию различных трактовок предмета психологии между собой и связи их с целостным знанием человека, по отношению к которому психика, как отмечалось выше, является атрибутом.

От определения и понимания предмета психологической науки зависит то, насколько адекватно в ней будут формулироваться исследовательские задачи и осуществляться эффективный выбор путей их решения. Отправным в определении предмета психологии является то, что, во-первых, рассматриваются психические процессы. Во-вторых, то, что исследование психической деятельности человека не может не зависеть от понимания самого человека. Здесь возможны два противоположных подхода, имеющих противоположные следствия для развития психологического знания.

С точки зрения первого подхода, психика человека и сам человек понимается как собрание характеристик и возможностей, которые психологическая наука выявляет, подвергает исследованию и затем дает соответствующее описание полученных результатов. Такой подход допускает выделение различных возможностей человека и его психики в качестве самостоятельных предметов исследования. Примером этому могут служить выделившиеся в психологии разделы, касающиеся внимания, личностного развития, восприятия, памяти и др. В контексте каждого из этих разделов определяется свой предмет исследований, выраженный в ключевом понятии (сознание, личность, память, внимание и т.п.). Связь того или иного психического феноме-

на, выраженного ключевым понятием каждого из разделов психологического знания, с определением психики как таковой и в ее соотношении с определением сущности человека, - при этом остается абстрактно признаваемой, но никак не конкретизируемой.

Второй подход можно определить, как альтернативу первого. Его реализация еще лишь ожидается. Он должен ориентировать на такое построение психологических исследований, в которых бы исходным, а значит и ключевым, «работающим» основанием выступало бы понимание *атрибутивности* психики человека. Речь идет о *принадлежности* психики человеку. Это значит, что в корректной форме психика человека не может определяться вполне самостоятельным предметом научного исследования. Предметом науки могут являться качественно определенные образования, которые представляют собой некую целостность. В то же время, атрибуты какой-либо целостности не могут претендовать на статус целостности. Предмет научного исследования, при корректном его определении, должен иметь характеристики целостности. В противном случае, наука, которая делает предмет своего исследования атрибуты объекта, принадлежащего качественно иной сфере, не сможет определить не только сущность, происхождение этих атрибутов, но и не сможет сформироваться сколько-нибудь самостоятельной областью знания. Об этом может свидетельствовать постоянный поиск предмета исследования, постоянно возникающая необходимость его уточнения, проводимые в науках, которые изначально определили свой предмет на атрибутивном уровне, характеризующем неосознанное вторжение в сферу качественно иных процессов. Именно такая ситуация имеет место в психологии. Определяя предмет своего исследования психические процессы, психология фокусирует свой интерес на атрибутах человека (или животных, обладающих психикой). При этом она старается ограничить сферу своих изысканий проявлениями психических процессов, оставляя за ее пределами вопрос о том, что есть тот объект, который эти процессы проявляет. Такая ситуация говорит о недостаточности определения предмета исследования. Недостаточность определения предмета психологии в этом случае состоит в смещении внимания от сущности объекта исследования как целостности к его атрибутам. Для иллюстрации можно сравнить возможные ответы на следующий вопрос: иметь психику, значит ли быть человеком? Это же можно выразить другим вопросом: что является атрибутом? Человек есть атрибут психики, или психика есть атрибут человека?

Психические процессы, исследуемые психологией, являются атрибутами человека. Они не представляют собой самостоятельных об-

разований, существующих вне человека, или, автономно, - внутри человека. Это значит, что рассмотрение психических процессов не выражает сущность человека как предмета исследования. Это легко проиллюстрировать. Так, например, при исследовании внимания в психологии возникает вопрос: насколько допускается абстрагирование проблемы формирования и реализации внимания от того, чьим это внимание является? Внимание человека (а не просто внимание) должно быть предметом исследования. Речь идет о связи психической функции с тем, функцией кого она является. Учет этой связи существенно изменит ход и проектирование результатов проводимого исследования внимания. В этом случае оно не будет ограничиваться системой ситуативных конечных действий, совершаемых индивидом, для продолжения подтверждения наличия восприятия объекта, по отношению к которому внимание должно проявляться. Такое ограничение будет снято выходом на иной уровень рассмотрения внимания. Здесь будет актуализироваться содержание контекста социальной жизнедеятельности человека, в котором формируются или не формируются определенные мотивы и др. основания, в соответствии с которыми будет проявляться внимание человека определенного рода. В этом случае для исследования внимания будет существенным то, какой именно контекст социальной жизнедеятельности имеет место в каждом отдельном случае. Ситуативный контекст имеет место тогда, когда внимание проявляется человеком в ситуации исполнения конечных действий – действий «здесь» и «сейчас». Внимание другого уровня формируется и проявляется человеком, когда он осуществляет социально значимую, творческую, созидательную деятельность с явно выраженным культурно-историческим вектором. Если же предметом исследования делать внимание без этой конкретизации, то в этом случае исследование будет проектироваться как абстрактное, не позволяющее выйти за пределы описательного уровня рассмотрения этого феномена. Следствием этого будет сведение (редукция) понимания закономерностей внимания к механизмам ситуативных реакций. Аналогичная подмена конкретизации абстрактными моделями психических реакций может воспроизводиться при исследовании любых других психических феноменов. При определении предметом психологии различных психических процессов: ощущений, восприятий, представлений, памяти и т.п., - проявляется некорректность. Она заключается в логическом несоответствии допущения о том, что некоторая группа психических феноменов или процессов, может иметь статус целостного объекта исследования. Несоответствие проявляется здесь в том, что отдельные психические функции и их группы принимают на

себя в этом случае статус целого, то есть того, что их должно порождать. Однако, функция любого целого никогда не равна этому целому. Более того, она не является и частью целого. Психика также не может рассматриваться как некая целостность. Поэтому она не может рассматриваться тем, что определяет предмет психологии. Даже если психика утверждается предметом психологии, она не перестает оставаться атрибутом человека, то есть она не перестает быть тем, что принадлежит человеку в качестве ЕГО функции, или функций.

Множественность психологических исследований вызывает к жизни большое количество вариантов понимания предмета психологии. Каждый из них претендует на обособленность и самостоятельность. В качестве результата этого в психологии появляются многочисленные направления, каждое из которых постулирует свой определенный предмет исследования. Согласование предметов психологических исследований в рамках определения предмета психологии в целом становится особой науковедческой проблемой. Ее положительное решение может позволить подтвердить единство психологического знания и статус психологии как единой науки. Признание психики как самостоятельно существующего объекта исследования, по отношению к которому нужно создавать теорию, отсутствие которой объявляется одной из черт современного кризиса в психологии¹. На наш взгляд, отсутствие единой теории в психологии подчеркивает, а точнее: выражает разрозненность психологического знания, невыявленность связей, которые должны характеризовать предмет исследования как целостность. Без понимания целостности предмета исследования (и характерных для него связей) не может быть создана его единая теория. Теорию же выражает знание необходимых, существенных, объективных, повторяющихся связей, характеризующих исследуемый объект как целостность. Работа с абстрактными, по существу, объектами в области психологии, такими как внимание, память, восприятие, ощущение и др. может результативаться в достижении суммативного знания. По отношению к нему вопрос о создании единой теории (теории в собственном смысле этого слова) стоять в принципе не может. Это объясняется тем, что все разделы психологического знания характеризуют атрибутивные черты объекта исследования, то есть выражают отдельные стороны его функциональных проявлений и не имеют статуса целостности.

Имеет смысл обратиться и к анализу того, на каких основаниях осуществляется в современной психологической литературе поста-

¹ А.В. Петровский. Психология в России XX века. - М.: УРАО, 2000, с.119.

новка вопроса о необходимости создания единой психологической теории. Главным «мотивом» постановки проблемы создания единой психологической теории оказывается «классификационный мотив», выражающий стремление систематизировать уже имеющееся в психологии разнородное знание. Постановка проблемы создания единой теории свидетельствует о существенно возросшем объеме психологического знания. Практическая необходимость создания единой теории в контексте классификационного подхода усматривается в связи противоречивостью уже имеющихся классификаций психологического знания.

Учитывая, что классификационные процедуры могут осуществляться по различным основаниям, можно выделить уже имеющиеся в психологическом знании типы классификаций.

Первой из них укажем разделение психологического знания, осуществляемое с точки зрения выделяемых различий психических процессов, отмеченных нами выше, к числу которых относятся ощущения, восприятия, представления, память, внимание, воображение и др. Результатом применения классификационного подхода такого типа выступает деление психологии на отдельные «империи» (разделы).

Вторая классификация осуществляется с точки зрения выделения вариантов, на которых могут быть объединены различные психические процессы.

В классификациях возросшего объема психологического знания по направлениям в разряд одного направления могут попасть различные психические явления. При этом использование особого подхода главного для того или иного данного направления, выраженного в его системе понятий и его концепции, - делает рассмотрение исследуемых психических явлений иными реальностями, которые получают совершенно иное толкование по сравнению с тем, которые они могли бы получить при исследовании на основе другого подхода. Так, например, трактовка сознания в контексте бихевиоризма совершенно не может совпадать с пониманием сознания, формируемом, скажем, в деятельностной или иной концепции. Один и тот же психический процесс, рассматриваемый в контексте другой концепции, получает соответственно этому другую интерпретацию, то есть становится «носителем» иных характеристик. «Вариативность» понимания и интерпретаций образов исследуемых психических процессов обуславливает вопрос о том, какая же из этих интерпретаций является выражением истинности знания. «Классификационная бесконечность» порождает «бесконечность интерпретационную». От ухода в эту бесконечность, которую Гегель в свое время назвал «дурной бесконечностью», не

спасает и вопрос о критериях истинности знания, о возможностях верификации и т.п. В этой связи установление оснований для получения единой системы психологического знания становится приоритетной задачей. В то же время надо отметить, что задача формирования системы психологического знания нетождественна задаче создания единой психологической теории.

Вопрос о единой теории не может решаться на основе сравнения различных направлений и поиска в них общих (одинаковых) черт, дабы затем превратить их в некую конструкцию, в которой будет обретоено место каждого из направлений. Такой путь не ведет к созданию единой теории. Теория представляет собой особую форму знания отличного от знания эмпирического. Теоретическое знание с самого начала (по определению) является процессуальным. Содержательная же сторона теории как формы процессуального знания выражается не в классификационных процедурах с уже полученным знанием (то есть знанием как результатом), а в выявлении реального единства исследуемого объекта. Знание как процесс при этом должно воспроизводить присущие исследуемому объекту как целому *связи* его частей и отдельных элементов. В этом плане, выход на формирование единой психологической теории возможен лишь при достаточно адекватном осмыслении предмета психологии. Ведь предмет науки должен с самого начала исходить из определения объекта исследования как некоей целостности. В вопросе о понимании предмета психологии как науки на сегодняшний день остаются существенные разночтения. Именно поэтому и в качестве компенсации возникают формулировки предметов исследования каждым из имеющихся сегодня в психологии направлений.

Многочисленность трактовок предмета психологии характеризует процесс дифференциации психологического знания. Каждое из направлений в психологии имеет свой понятийный аппарат, с присущим ему центральным понятием. В нем заключается основной смысл трактовки предмета исследования, имеющего прямое отношение к предмету психологии. Помимо понятийного аппарата имеется существенное различие также принципов и методов проведения исследований психических феноменов, относимых к каждому из разделов, или направлений, психологического знания, которое в свою очередь, отрицает их совпадение. На сегодняшний день, как известно, в психологии существует ряд достаточно самостоятельных направлений развития: гештальтпсихология, бихевиоризм, гуманистическая психология, когнитивная психология, дифференциальная психология и др.

Трактовку предмета психологии каждое из них осуществляет с

точки зрения своего подхода, своего выделенного аспекта исследования и с точки зрения своей системы понятий с ее центральным понятием, несущим особую концептуальную нагрузку. Например, для бихевиоризма таким понятием является понятие поведения, для гештальтпсихологии – структура, для когнитивной психологии – сознание и т.п. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что ни поведение, ни определенные структуры психики, ни сознание и т.п. ни по отдельности, ни в совокупности не могут претендовать на статус самостоятельных феноменов, характеризующих единство психических процессов человека.

Достижение целостности, единства психологического знания не является самоцелью задачей. В то же время единство психологического знания при его достижении способно будет выражать оптимальную организационно-тематическую структуру психологии как науки с вектором на востребованность и дальнейшее развитие. Отсутствие единства психологического знания, - как отмечал в 1927 году выдающийся советский психолог Л.С. Выготский, - есть не что иное, как проявление кризиса в этой науке. Кризис же есть выражение тупикового состояния в науке. Он не способствует ее поступательному движению и развитию. Для преодоления кризиса Л.С. Выготский считал необходимым создание так называемой «общей» психологии, отличной от психологии теоретической. В работе «Исторический смысл психологического кризиса»¹ Л.С. Выготский подчеркивал, что создание «общей» психологии необходимо постольку, поскольку она должна давать условия становления психологии теоретической, а также и психологии любого конкретного направления. Под условиями становления психологии Л.С. Выготский понимает установление, разработку, наличие адекватного осмысления оснований развития научного знания, конкретизированного предметом исследования (в данном случае психологии).

Л.С. Выготский считал неприемлемым для позиции ученого отказываться от исследования единства психических процессов и единства психологического знания. Он достаточно подробно и критически анализировал идеи большого ряда психологов своего времени, сопровождая подробным разбором их позиции по отношению к проблеме единства психологической науки. Он считал, что отказ от движения к определению единого основания психической реальности и психологического знания или невозможность его достижения на данном этапе

¹ См.: Л.С. Выготский. Исторический смысл психологического кризиса//Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982. Т.1, с.291-436.

является главным, что составляет содержание кризиса в психологии.

Идеи, высказывавшиеся Л.С. Выготским, не потеряли свою актуальность и сейчас. Контекстом актуализации позиции Л.С. Выготского в современный период являются разработки в области исследований закономерностей развития науки как явления культуры. В них раскрываются не только и столько тенденции в развитии научного знания, такие, как дифференциация и интеграция, но, прежде всего, определяется необходимость достижения целостности научного знания. Это касается не только различных разделов одной и той же науки, но и всего научного знания как такового. Современная научная картина мира может быть охарактеризована как мозаика, каждый элемент которой характеризует знания человечества о мире и самом себе, сформированные той или иной отдельной наукой или группами наук. Расчлененность (мозаичность) картины мира, создаваемой современной наукой, может рассматриваться при поверхностном подходе несущественной ее характеристикой, не влияющей на внутренние процессы развития самой науки. Однако при более глубоком рассмотрении это представление оказывается ошибочным. Поверхностный подход обуславливает представление о том, что создание научной картины мира необходимо лишь в качестве компилятивного результата, включающего в себя лишь функцию демонстрации достижений, и содержащего массив разрозненных данных, выраженных в готовом знании, поставляемом той или иной наукой. Функция демонстрации, или как сейчас принято говорить: презентации, - не требует предъявления процессуальности знания и, следовательно, не вызывает необходимости осмысления связей и глубинных переходов между сферами исследования, относящимися к предметам различных наук или к разделам одной и той же науки. То есть для презентации полученных науками знаний достаточна форма «мозаики». Процессуальность предъявляемого знания оказывается в этом случае не востребованной.

Есть и другой аспект, касающийся статуса научной картины мира. Он касается реальных ориентиров, характеризующих развитие любых наук, которые находятся в зависимости от того, как мыслится вписанность в реальность, сопряженность с реальностью того, что определяется в качестве предметов или сфер исследований каждой из них. В этом случае проблемным полем рассмотрения перспектив развития любой из наук является то, насколько и каким образом будут выявлены не просто характеристики предмета, которым занимается та или иная наука. Прежде всего, в этом случае проблемой будет считаться то, чем обуславливается существование предмета исследования, его способ, укорененность в реальности, а значит и связи с ее ре-

альности) сущностными определениями. Для исследователей являются принципиально важными определения целостности исследуемой реальности. В данной постановке вопрос речь идет о значимости целостного подхода, с одной стороны, и противоположного ему частичного (абстрактного) подхода, с другой стороны.

Различие этих подходов выражает альтернативу диалектического (целостного) и метафизического (абстрактного) способов мышления. Каждый из них имеет собственные возможности и, тем самым, порождает свои особые следствия, проявляющиеся как в самом процессе исследования, так и в понимании полученных результатов. Аналогично можно установить соответствие этих способов мышления с моделями картин мира: мозаичной (абстрактной) и целостной (диалектической). Особенности методов мышления, их влияние на выделение проблемно-тематического поля исследований, планируемых или проводимых той или иной наукой, в полной мере имеет методологический характер.

Обусловленность недопустимых или желаемых трансформаций научного знания в любой науке (психология здесь не является исключением) может проектироваться или быть следствием не ожидаемым. Для ученого важно уметь контролировать содержание того процесса, который разворачивается перед ним в процессе исследования с точки зрения его базовых закономерностей и характеристик. Это область философской рефлексии, которая, будучи проводима в научном исследовании, имеет статус методологии как сферы всеобщего и выражает логику формирования знания как процесса¹. Современное состояние психологической науки существенно определяется подчеркнутым интересом к решению методологических проблем. Оно, как мы отметили выше, возвращает к поиску уточненных вариантов определения предмета психологии, а также к поиску универсальных критериев добывания, верификации и адекватности знания.

Под универсальными критериями добывания знания, как правило, понимаются принципы, реализация которых приводит к формированию нового знания. Как правило, такие принципы характеризуются как методологические. Смысл универсальности тесно переплетается со смыслом понятия методологии. Однако полного совпадения нет. Главные точки «несовпадений» касаются не самих терминов универсального и методологического, а того, как понимается процесс «добы-

¹ См: Н.В. Гусева. Еще раз к вопросу о методологии // Вестник ИПК. - Усть-Каменогорск: Мин.образования, культуры и здравоохранения РК, Восточно-Казахстанский областной Департамент Образования, 1998, № 1, с.14-28.

вания» знания. Именно здесь возникает или не возникает водораздел между ними, влияющий на судьбу исследования и на судьбу науки.

Классификационный подход, якобы заменяющий подход теоретический, с одной стороны, и манипулятивно-экспериментальный, с другой, - проблему «добывания» знания разводят на две плоскости рассмотрения. В варианте с классификационным подходом, как правило, универсальным методом добывания знания оказывается метод подведения имеющегося знания под уже сформулированный тезис, выражающий позицию автора исследования, если эта позиция имеется. Манипулятивно-экспериментальный подход предполагает понимание «добывания» знания в виде проведения многочисленных серий экспериментов и получения благодаря ним числовых соответствий или несоответствий ожидаемых и неожиданных результатов. Здесь под манипуляцией понимаются следующие процедуры: создание модели - проверка модели, создание проекции – проверка проекции, изменение условий действия модели – проверка действия модели с измененными условиями и т.п.

При ближайшем рассмотрении обе плоскости определения «критериев добывания знания» не выходят за рамки манипуляционных процедур и носят самозамкнутый характер. Это означает, что «критерии добывания знания» в том и другом случае выражают лишь умонастроения авторов, занимающихся «добыванием знания», то есть содержат и выражают их авторский произвол. Однако объективность, как одна из характеристик истинного знания, не обуславливается авторским произволом. Поэтому понимание практического значения установления работающих, не содержащих авторского произвола, методологических принципов требует иного рассмотрения всего процесса «добывания» истинного знания. Иного, - значит не манипулятивного. В этом случае речь пойдет о процессе реальной связи познающего (исследователя) с познаваемым объектом. Этот процесс имеет собственную основу. Он никогда не равен системам произвольных процедур, которые осуществляет исследователь по отношению к тому, что *он определяет для себя в качестве объекта* исследования. Надо подчеркнуть, что в число произвольных манипуляций включается и определение предмета исследования, если оно не учитывает целостности объекта исследования. Задача же определения целостности объекта исследования, как правило, не ставится исследователями. Имеет место упрощенная процедура. Выделяется фрагмент определенного поля проблем. Он и получает статус предмета исследования, а также он же рассматривается как воплощенная целостность. Однако фрагмент не является достаточным заменителем того, что реально выступает цело-

ственным объектом исследования. В результате подмены целостного объекта исследования фрагментами возникает ситуация определения предмета исследования, уже включающая в себя деформацию. Она затем проявляет себя в результатах исследования и в их интерпретации.

К числу характеристик кризиса относят и некумулятивность психологического знания¹, которая характеризуется отсутствием единой системы его построения. Это подтверждает отсутствие понимания единого основания его формирования и, тем самым, подтверждает отсутствие понимания психического как сферы, имеющей единую природу, основание, корень. Единство психологического знания, во-первых, может осмысливаться с точки зрения его принадлежности человеку, если рассматривать психологию человека. Это означает недостаточность трактовать любое психическое проявление и фиксацию его в знании в качестве самостоятельного феномена. Во-вторых, учитывая качественное, а не только количественное, различие психики человека и животных, необходимо осмысление единства психологического знания, получаемого в процессе психологического исследования, осуществлять с точки зрения учета социальной природы человека. Это означает, что в психологическом исследовании должны рассматриваться как существенные, необходимые, объективные и повторяющиеся связи индивида и общества. Без этого рассмотрение любого психического феномена будет абстрактным, а полученное в его результате знание также будет абстрактным, и не будет соответствовать никакому конкретному месту в системе знания, выражающего единство человека и общества.

Вопрос о единстве человека и общества, к сожалению, может быть истолкован как отклонение от специфики психологического знания и психологической науки. Однако вопрос о единстве человека и общества в сфере психологической науки не должен рассматриваться по сценарию редукции, в контексте которой исчезает качественная специфика общественного и индивидуального: либо общественное сводится к индивидуальному, либо наоборот. Напротив, необходимо осознавать и учитывать в исследовании и сущностную связь общественного и индивидуального, и их качественное своеобразие. Это то, что в диалектике называется единством многообразия, или конкретностью. Методологическая «проработка» вопроса о выработке единого концептуального основания психологического знания необходима в качестве «путеводителя», позволяющего не только адекватно оценивать уже совершенные исследования и их результаты, но и для пер-

¹ Кумуляция – скопление, накопление, суммирование

спективного видения путей дальнейшего движения науки.

2. К ВОПРОСУ О РЕФЛЕКСИВНОСТИ И РЕФЛЕКСИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрение рефлексивности, как объекта и инструмента психологических исследований, с одной стороны, и институционально оформившегося рефлексивного направления в психологии, с другой, задает параметры анализа их соотношения. Речь идет о проявлении уровней содержательного и институционального в процессах развития как психологического знания, так и психологической науки в целом. «Конституции» этих явлений не являются тождественными. Рассмотрение рефлексивности, как объекта и инструмента психологических исследований, должно иметь процессуально-содержательный характер, в то время как рассмотрение институционально оформившегося рефлексивного направления в психологии требует анализа его концепции, которая выражена в «ставшем» знании, то есть знании, получившем форму результата.

Актуальность рассмотрения их соотношения заключается, прежде всего, в определении смысла, характера и меры их включенности в исследование психических процессов и в формирование психологического знания. Речь идет, с одной стороны, об осознании того, насколько выделение *рефлексивности* как явления и как психологического понятия действительно влияет на проводимые психологические исследования. С другой стороны, речь идет о том, насколько правомерно и результативно выделять в психологии такое направление как *рефлексивная психология*. Как оно влияет на ситуацию в психологии как науки в целом, предмет которой до сих пор является проблемой, ведущей к кризису. Иначе говоря, анализ этого «присутствия и включенности» может дать ответ на вопрос о специфике реализации феномена рефлексивности в психологических исследованиях и обеспечит определение статуса рефлексивной психологии как самостоятельного направления.

Рефлексия – это мыслительный процесс, процесс отражения «мышления в мышлении». Это процесс не только регистрации в мыш-

Впервые опубликовано в: «Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета». Научный журнал. Выпуск 1. Вопросы педагогики и психологии. Усть-Каменогорск, 2017, с. 3-12.

лении определенных характеристик происходящего, но и процесс, в котором открываются возможности выявления закономерностей, направленности развития, логики того, что становится предметом осмысления.

По отношению к науке в целом можно говорить о ее рефлексивности, если в ней присутствует осознание ее собственных основ, направлений, логики развития и перспектив. Рефлексия в развитии науки предполагает наличие высокого уровня осознания методологических основ и взаимосвязей, определяющих ее содержательный и смысловой контексты. В свою очередь, осознание наукой своих основ прямо связано с тем, как понимается культура, человек и общество, в которых и благодаря которым наука возникает и развивается.

Попытки определения рефлексии по сути тождественны вариантам рассмотрения и определения *мышления*. Ведь контроль мышления над мышлением все равно есть мышление. В истории философии понимание мышления всегда было одной из ведущих познавательных задач. В материалистической диалектике мышление понимается как идеальная форма предметно-практической деятельности. Необходимо различать модификации и способы осуществления деятельности в зависимости от того, как она осуществляется и каков ее статус в совершаемом отношении к миру. В случае проектирования той или иной ситуации в экспериментальном исследовании, надо учитывать эти различия – различия модификаций и способов осуществления деятельности. Главные черты формируемой рефлексии будут моделироваться в качестве особенностей совершаемой деятельности.

К числу негативных деятельностных «модификаций» надо отнести отождествление деятельности и систем тех или иных действий, которые все еще имеют место в мыслительном «лексиконе» и понимании в научном сообществе. Если мышление (а значит и рефлексия) рассматривается как деятельность, но понимается в форме этой «модификации», то есть понимается как система действий, то в этом случае оно выступает как мышление ситуативное, рассудочное. В этом виде оно, собственно, и выступает проявлением столь же ситуативной рефлексии. В этом виде рефлексия не может выражать логику становления, того, что исследуется, например, личности и т.п. Весь потенциал рефлексии в этом случае ограничен некоей данной ситуацией. Рассматривая варианты возможных рефлексий, надо учитывать наличие уровней мышления, формирующихся на основе соответствующих вариантов деятельностного мироотношения.

Мышление исторически формируется и исторически же выраба-

тывается понимание его основных уровней проявления как обыденного, эмпирического, теоретического и философского. Каждому из них присущи свои особенности, которые возникают на основе тех или иных практически-деятельностных или практически-действенных типов отношения к миру.

Эти особенности полностью становятся основами характеристик рефлексий, осуществляющихся на этих уровнях. Так, обыденное мышление характеризуется бессистемностью, ситуативностью, «конечным», то есть завершающимся здесь и сейчас, характером. Оно формируется массивами действий, совершаемых людьми в рамках бытовых отношений, не требующих выхода за пределы текущих ситуаций. Соответственно, и совершаемые на этом уровне рефлексии будут воспроизводить эти же черты. Результатами таких рефлексий будут выступать, например, «слепки» точечных выводов, достигаемых с помощью бессистемного воспроизведения происходящих процессов. Эти «слепки» как результаты рефлексий, осуществленных на обыденном уровне мышления, будут носить характер статичный, не показывающий происходящее в виде реального процесса. Они будут характеризовать лишь некие точки этого процесса, без обнаружения его целостности.

На эмпирическом уровне мышления, которое формируется как форма системно-действенного отношения к текущим проблемам и задачам, прежде всего в науке, рефлексии осуществляются по моделям систем действий, востребованных на каждом из его этапов. К их числу надо отнести фиксации доступных данных, фиксации доступных процедур обработки собранных данных, фиксации процедур систематизации и классификации обработанных данных и фиксации вариантов подведения итогов всех предыдущих процедур. Чертами таких рефлексий являются, опять-таки, точечность («срезовой» статус), ситуативность (здесь и сейчас), конечность (отсутствие процессуальности). Такие рефлексии могут иметь лишь ограниченное значение в научном познании. Ограничения касаются того, что ситуативное, точечное, конечное знание не характеризует связи, характеризующие текущие процессы, которые определяют объект исследования как живой, а не как застывшую модель. Точечные рефлексии лишь указывают на присутствие тех или иных элементов – «точек» познаваемого объекта. Фиксация фактов наличия этих «точек» не является достаточным основанием и условием формирования подлинно научного знания. Они могут служить лишь предварительным, операционным условием формирования научного знания, которое на этом предварительном уровне будет выражаться наличием массивом фактов, выделенных отдельных

черт и особенностей, касающихся объекта исследования. Однако ни вместе, ни порознь они не могут претендовать на статус подлинно научного знания.

Сказанное означает, что в научном исследовании при использовании его различных форм и методов моделирование рефлексий ситуативного плана ведет, соответственно, к получению ситуативных же результатов. Это не может не сказаться на достигаемом уровне результатов исследований и их эффективности. Рефлексии в этом плане будут основанием умножения эмпирически фиксируемых массивов фактов или иных данных.

Научное знание в полном смысле слова должно выражать логику процесса, которая адекватно воспроизводится необходимыми, существенными, объективными, повторяющимися связями, присущими объекту исследования. Раскрытие и воспроизведение в знании такого рода связей характеризует возможности теоретического уровня мышления, на котором осуществляются соответствующие рефлексии. Этот уровень мышления формируется в том случае, если отношение к миру строится, например, в исследовании, как отношение целостное, предметно-деятельностное. Такое отношение всегда имеет культурно-исторический характер, оно не может быть адекватно выражено ситуативными системами действий.

Ориентация на культурно-исторический характер осуществляемой деятельности в исследовании предполагает включение в эмпирический, экспериментальный этап, то есть с самого начала исследования, таких условий и контекстов, которые бы изначально не были ограничены ситуативными, конечными и смыслами. Они изначально должны ориентировать на сущностные характеристики бытия, включая и бытие объекта исследования, и бытие самого исследования как такового. В этом плане можно вспомнить пример, задающий контекст анализа не только мироотношения человека, но и его психического состояния. Позволим себе привести этот пример: вдалеке строится храм. На переднем плане два человека, участвующие в строительстве этого храма, катят в направлении к этому храму крупные камни. Некий исследователь спрашивает у первого: что ты делаешь? Первый, уже уставший человек, отвечает раздраженно: «Не видишь, камень качу». Исследователь второму задает тот же вопрос. Второй отвечает с известной гордостью: «Храм строю!» В этом примере хорошо просматривается ситуативная позиция первого строителя, а культурно-деятельностная позиция второго. Рефлексию первый осуществляет, отвечая на вопрос исследователя, также ситуативную. Второй же осуществляет рефлексию, отвечающую культурно-историческому

смыслу деяния - построения Храма. Эти рефлексии, существенно и определяют, и выражают психическое состояние этих людей, а не только характер их личностной мироотношенческой позиции.

Философский уровень мышления и присущие ему философские рефлексии раскрывают и воспроизводят связи, имеющие *всеобщий* характер. Они характеризуют закономерности, которые присущи любым процессам мира. Их познание и понимание имеет особое значение для развития науки в целом и для любых отдельных научных исследований, так как это - значение методологическое. Выявление всеобщих связей выступает основой любого научного исследования, независимо от того к какой сфере науки оно относится. Философский уровень мышления и, соответственно, рефлексии проявляется, если человек или общество осуществляют культурно-историческую деятельность, ориентированную на выявление способов формирования того или иного объекта или процесса в контексте его связей с миром как *целым*.

В определении места и значимости феномена рефлексивности необходимо строго вычленять то, на каком уровне мышления осуществляются те или иные рефлексии. В полной мере это касается психологии. В психологии до сих пор, за редким исключением, не вычленяют различные уровни мышления. Поэтому и рассмотрение характеристик рефлексий и рефлексивности связывают не с различными уровнями мышления, а с тем в каком содержательном плане можно обнаружить их проявления. Такая ориентация ведет к тому, что постоянно за пределами внимания остается сущность и определенность осуществления той или иной рефлексии. Хотя именно способ формирования и осуществления рефлексии как определенного процесса мышления заслуживает первостепенного внимания. Именно он дает конкретизацию того, что можно назвать конституирующим началом как процессов рефлексии, так и смыслов, которые раскрываются и воспроизводятся ею.

Широко распространенным является в психологических источниках градация рефлексий и рефлексивности по следующим видам: кооперативная, коммуникативная, личностная, интеллектуальная, экзистенциальная, саногенная, рефлексия в психологии общения и др.¹ Перечисление этих видов рефлексий показывает, что речь идет о

¹ См.: Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Типы и функции рефлексии в научном мышлении. - В кн.: Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983, с. 76 - 82; Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Проблема предмета и метода психологического

сферах их проявлений и их функциях, а не о том, чем они являются по существу. Если допустить математическое обозначение рефлексии в виде «Х», то приведенное перечисление видов рефлексий будет означать указание на наличие и обнаружение «Х» в различных контекстах, но не на то, чем, собственно, является этот «Х».

Если предпринять анализ описаний, как бы относящихся к конкретизации «Х» в каждом из видов, то можно получить следующее. Так, в рассмотрении *кооперативного* вида рефлексии авторами подразумевается «освобождение» субъекта и его «выход» в новую позицию по отношению к прошлым деятельности. Однако, в этом объяснении остается не выявленным то, что именно, характеризуя рефлексия как таковую, делает возможным «освобождение» и «выход» субъекта на новую позицию. То есть речь идет о том, что можно получить в итоге, и ничего не говорится о том, как это формируется, то есть остается не выявленной суть самой рефлексии, которая может приводить к таким результатам. Иначе говоря, за рефлексией в этом виде остается статус «Х-». Отсутствие выявления сути рефлексии делает ее присутствие декларативным.

Коммуникативная рефлексия, далее, характеризуется как важнейшая составляющая гармоничного развития общения и межличностного восприятия. Рассмотрение «тела» данного «Х» также отсутствует. Вместо этого указываются функции его присутствия и проявления: регулятивная, познавательная и развития. Каждая из этих функций получает характеристики через обращение к уже известным понятиям, в которых характеризуется смысл «гармоничного развития общения и межличностного восприятия». Это понятия - «гармоничности», «общения», феномена «межличностных» процессов, и «восприятия». Остается без ответа вопрос: какие иные, по сравнению с возможностями смыслов, заложенных в этих понятиях, вносит в содержание исследования термин «рефлексия»?

Далее, по поводу *личностной рефлексии* утверждается ее потенциал для человека в изучении собственных поступков, в анализе образов и внутреннего «Я». Кроме того, утверждается, что этот вид рефлексии используется в тех случаях, когда имеет место самораспад личности, требуется коррекция самосознания и построение нового «Я». Здесь опять не обнаруживается раскрытие «Х». Он остается закрытым, но при этом говорится, что он имеет потенциал.

В отношении *интеллектуальной рефлексии* утверждается, что ее

изучения рефлексии. - В кн.: Исследование проблем психологии творчества. М., 1983, с. 154 – 182.

объектом выступают знания, касающиеся определенного предмета, и способы взаимодействия с ним. Подчеркивается, что этот вид рефлексии используется в инженерной и педагогической психологии. За пределами рассмотрения опять-таки остается «загадочный X», так как знания, предметы, способы взаимодействия с ними уже присутствуют в инженерной и педагогической психологии. Введение термина «рефлексия» на это же содержательное поле ничего не конкретизирует. Поэтому напрашивается вывод о, по существу, избыточности его присутствия, о дублированном присутствии его в указании на предмет исследования, связанным с процессом мышления. Либо появляется необходимость отмеченной уже выше конкретизации.

Экзистенциальная рефлексия характеризуется как процесс, объектом которого являются глубинные смыслы личности. Сам же процесс, опять-таки, остается в статусе «X», который лишь обозначается словом *рефлексия*.

Далее, для *саногенной рефлексии* основной функцией считается регулирование эмоциональных состояний и уменьшение страданий и переживаний.

Рефлексия в психологии общения, с точки зрения авторов, подразумевает сложную систему отношений, которые возникают в процессе взаимодействия личностей. В то же время, это «подразумевание» заставляет авторов вводить понятие «рефлексии» (или соглашаться с его введением) помимо уже работающих понятий «отношения» и «взаимодействия» личностей. При этом не объясняется необходимость введения понятия «рефлексия» и не объясняется соотношение и субординация этого понятия, в данном случае, с понятиями «отношения» и «взаимодействия» личностей.

Кроме названных вариантов видов рефлексий, указывают также и такие как *ретроспективная* и *перспективная*. Их характеристиками указываются различия в *использовании*. Так, если ретроспективная *используется* для оценки действий и событий, которые уже произошли, и для осознания собственных ошибок и слабых мест, то перспективная *используется* для обдумывания будущей деятельности, подразумевает планирование и определение конструктивных способов воздействия.

Во всех отмеченных выше видах рефлексии негласно полагается возможность *использования* их в научных целях, в частности в психологии, в качестве «инструмента = X», в отношении которого не определена возможность адекватного понимания, а значит, собственно, и использования. В лучшем случае подразумеваются наборы характеристик, свойств, процессов. Их обусловленность также остается откры-

тым вопросом. Она просто постулируется.

Акцент на *использование* рефлексии в характеристиках ее видов указывает на ее *инструментальное* понимание. Однако, учитывая, что феномен рефлексии в базовом варианте есть то, что характеризует мышление, то в случае ее *инструментального* понимания необходимым будет вывод о том, что речь идет о рассудочном уровне понимания самого мышления, к сфере которого относится и рефлексия. Это, в свою очередь, означает, что последующие интерпретации и варианты использования рефлексий будут также осуществляться на этом уровне. Для науки этот момент важно отметить в связи с тем, как мы уже отмечали выше, что выбор уровня мышления при проведении исследования существенно влияет на его процесс и результат. Научные исследования, как и наука в целом не могут ни адекватным образом ориентироваться на развитие, ни осуществлять процесс развития, ограничиваясь рассудочно-эмпирическим уровнем.

Говоря об инструментальности понимания рефлексии, необходимо не упустить и то, что при допущения такого понимания, возникает ситуация, при которой оказывается «возможным» конструировать позицию отношения и к самому мышлению как инструменту. Констатация этого может выглядеть, например, так: «Не я мыслю, а я *употребляю, использую* мышление». Понятно, что такое конструирование не является сколько-нибудь соответствующим реальной сущности мышления. В нем хорошо видно наличие недопустимой деформации и понимания мышления, включая и рефлексия, и его реального значения в человеческом бытии.

Рассмотрение рефлексий и рефлексивности в целом имеет еще один аспект. Этот аспект выражен попыткой определить рефлексия, соотнеся ее с тем, что может явиться ее основой, которой она принадлежит в качестве свойства или атрибута. Такая попытка содержится в позиции А.В. Карпова, который считает, что рефлексивность – это метаспособность, входящая в когнитивную подструктуру психики, и выполняющая регулятивную функцию для всей психической системы. Рефлексии же – это проявления такой метаспособности. Рефлексивные процессы он характеризует «процессами третьего порядка», считая процессами первого порядка когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные, а второго порядка – синтетические и регулятивные. Здесь, как видим, рефлексивность полностью отнесена к когнитивной подструктуре психики. В то же время он утверждает, что рефлексия представляет собой наивысший по степени интегрированности процесс; она одновременно является способом и механизмом выхода системы психики за собственные пределы, что детерминирует пластич-

ность и адаптивность личности. Он пишет: «Психика тем и уникальна, что в ней (как в системе) заложен такой механизм, который позволяет преодолевать собственную системную ограниченность, постоянно выходить за свои собственные пределы, делая саму себя предметом собственного же функционирования. Иначе говоря, в самой организации психики предусмотрен и реализован высший из известных уровней – метасистемный. Рефлексия же – это и есть процессуальное средство реализации данного уровня»¹. В его позиции остается без ответа вопрос: что же такое все-таки рефлексия, если она, являясь частью психики, в то же время выводит ее за собственные пределы. И далее, если она выводит за пределы, то куда выводит? Что это за «механизм» внутри психики, который выводит всю психику за ее пределы? Постановка этих вопросов позволяет акцентировать недостаточность трактовки рефлексивности как феномена, принадлежащего психике, к которой нельзя свести сущность мышления.

Рефлексия как мыслительное явление осуществляется не без нейрофизиологической и психофизиологической основы, но в то же время к ним не сводится. Именно этот момент «выхода за пределы психики», на наш взгляд, и отмечен выше А.В. Карповым. Мышление как идеальная форма предметно-практической деятельности не сводимо к деятельности мозга, хотя без него также невозможно. Оно формируется и осуществляется вместе с рефлексией как своим внутренним моментом в социально-историческом бытии человечества, которое находится в деятельностно-практическом отношении к миру. В психологическом исследовании нельзя абстрагироваться от этого. В противном случае в нем будет присутствовать множество недопустимых редуций, ведущих, по существу, к аннулированию собственно научных результатов в этих исследованиях. Это будет происходить потому, что совершаемые рефлексии получают определения и интерпретации с точки зрения редуцированного, то есть недопустимым образом деформированного, понимания мышления. Еще до получения результатов изучения рефлексии и рефлексивности деформации коснутся организации экспериментов. В них достаточными будут считаться условия проведения, где будут учитываться лишь нейрофизиологические и психофизиологические условия и характеристики. Вопрос о включение в проводимые исследования содержания социально-исторического контекста не будет рассматриваться, как избыточный. В результате в лучшем случае исследование рефлексии будет строит-

¹ См.: Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. - М.: Институт психологии РАН, 2004. - 424 с.

ся как точно погруженное в «здесь и сейчас», которое будет рассматриваться как полностью детерминированное состоянием человека в ситуативно-физиологической представленности. Деятельностно-практическая сущность мышления для проведения исследований по рефлексии и рефлексивности окажется в ранге избыточного знания, которое будет отнесено полностью к ведомству философии без его сопряжения с психологией и без понимания его принципиальной важной методологической значимости.

Такая позиция является широко распространенной в психологии. Это касается большинства направлений в психологии, в которых не только мышление, но и психика в целом рассматриваются с допущением отмеченных выше редукций, то есть рассматриваются в единственной детерминации нейрофизиологическими и психофизиологическими основаниями. Однако существование и развитие психических функций не абсолютно детерминировано наличием этих оснований. Этот вывод обоснован Л.С. Выготским и экспериментально, и логически. Недопустимость таких редукций также касается и исследования мышления. Мыслит не мозг, а имеющий мозг человек как социальное существо, неотделимое от своей истории и культуры.

В современной психологии существует большое количество направлений. Каждое из них в качестве своей основы определяет те или иные черты исследуемой психической реальности и ведущий подход в этих исследованиях, который эти черты, аккумулирует, обеспечивая создание определенной концепции исследования и создание соответствующего образа предмета психологии как науки в целом. Так, можно вспомнить такие направления в психологии как бихевиоризм, гештальтпсихологию, дифференциальную психологию, когнитивную психологию и др. Бихевиоризм ведущим основанием своей концепции постулирует поведение. Поведение рассматривается по модели «стимул – реакция» (S – R). Все психические феномены в рамках бихевиористской психологии рассматриваются как существующие на основе поведения, как его следствия. Гештальтпсихология из всего множества психических характеристик выделяет наличие структур, которые рассматриваются как некий «строительный материал» психического созревания и проявления человека. Дифференциальная психология делает ставку на различие реакций и отношений, которые присутствуют в человеческом мировосприятии. Когнитивная психология основой исследования психических явлений признает сознание. При этом психика оказывается сферой проявления сознания в различных его формах.

Вместе с выделением в качестве предмета психологических ис-

следований рефлексий осуществлены шаги к формированию институционального статуса рефлексивной психологии в качестве самостоятельного направления. По поводу рефлексивной психологии как о сформировавшемся и достаточно зрелом направлении было заявлено на форуме, посвященном 130-летию Общества психологов России и 95-летию со дня рождения известного психолога Я.А. Пономарева¹. В своем докладе И.Н. Семенов на этом форуме относит институциональное оформление рефлексивной психологии к восьмидесятым годам XX века². Центральным в статусе основания концепции этого направления рассматривается феномен рефлексии. Мотивом вхождения в проблематику центрального места рефлексии в понимании задач психологии, как и мотивом подтверждения правомерности существования *рефлексивной психологии*, Семенов И.Н. указывает необходимость ориентации ученых на запросы практики³. Так, Семенов И.Н. отмечает, что «прогресс общества во многом зависит от внедрения инноваций в социальную практику науки, образования, производства, экономики, управления. Социально значимые инновации порождаются творческой деятельностью человека в современных социально-экономических и социокультурных условиях. Психологическое изучение закономерностей творчества создает научные предпосылки для организационного обеспечения социальных условий в целях его развития и эффективного использования в социальной практике.

Этим определяется актуальность изучения психологии творчества в современном человекознании» При этом, с одной стороны, в качестве возможностей рефлексивной психологии он отмечает вскрытие закономерностей *творчества*, которое он относит к сфере исследований рефлексивной психологии, а с другой стороны, под запросом практики он указывает *организационное* обеспечение социальных условий его (творчества – Н.Г.) развития и эффективного использования в социальной практике⁴.

Особо в этом докладе подчеркивается необходимая перспектива развития человека от состояния «человека экономического» к «чело-

¹ См.: Пономарев Я.А., (Семенов И.Н., Степанов С.Ю.) Рефлексия в развитии творческого мышления // Психологический журнал. 1986. № 6 (7). С. 158-159.

² См.: Семенов И.Н. Взаимодействие Я.А. Пономарева и М.Г. Ярошевского в развитии психологии творчества и рефлексии // Психологический журнал. 2015. № 6.

³ См.: Семенов И.Н. К 130-летию Общества психологов и к 95-летию со дня рождения Я.А. Пономарева: обзор развития секции «психология творчества» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 6. С. 37.

⁴ См. там же.

веку творческому». По мнению И.Н. Семенова, для обеспечения такого перехода необходимо разрабатывать образовательные проекты, моделирующие как социокультурные, так и психолого-педагогические аспекты развития человеческого *капитала* (выделено мной – Н.Г.), в том числе рост знаний и компетенций взрослых учащихся, развитие их способностей, социально-коммуникативных возможностей и рефлексивно-творческого потенциала¹.

В этой позиции И.Н. Семенова присутствует явное противоречие². С одной стороны, говорится о развитии творчества, уход от состояния «экономического человека» к человеку «творческому», но в то же время под содержанием этого перехода подразумевается создание условий и проектов развития «человеческого капитала». «Человеческий капитал» - это сфера существования как раз «экономического человека», который выражается процессами и результатами вовлеченности человека в экономическую сферу. Смысл этой вовлеченности, который конкретизирует понятие *человеческого капитала* состоит в том, что все способности и возможности человека должны быть включены в экономический процесс, результатом которого должна быть прибыль. Творчество, о котором пишет Семенов И.Н., здесь оказывается не причем, если конечно его не понимать, как увеличение действий, приносящих прибыль тем или иным способом.

В реальном экономическом контексте существенно деформируется понимание таких явлений как творчество, развитие, понимание самого человека. Они становятся элементами (как привходящими, так и последующими) процессов, ведущих к *овецнению* человеческих отношений.

Обращает на себя внимание то, что в докладе, Семенов И.Н. дает своего рода классификацию «методологий» в человекознании, основывая ее указанием на различие типов наук³. Выделяя три коренных вида наук – естественных, общественных и технических – Семенов И.Н. говорит, что в соответствии с этим дифференцировались три основных научно-методологических ориентации.

Однако, надо заметить, что допущение некоего множества «методологий», соответствующих различным типам наук, уже само по себе вызывает недоумение, так как методология – это не то, что определяется наукой или науками. Методология – это то, что определяет и

¹ Там же, с.31.

² См.: Семенов И.Н. Творчество и человеческий капитал: рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Мир психологии. 2010. № 2

³ См.: Алексеев, Семенов, 1978.

выражает основания самих наук. Она есть сфера всеобщего философского знания, реализуемого в специально-научных исследованиях, независимо от их специфики и направленности. В этом плане она не может быть множественной, так как всеобщность как таковая едина.

При постановке вопроса о обратном отношении науки и методологии, заключающемся в обусловленности наукой методологии, а не наоборот, Семенов И.Н. переходит к подтверждению этого. Так, характеризуя человекознание как комплекс наук о человеке, он указывает, что познание человека этими дисциплинами ведется в различных научно-методологических ориентациях. Далее же следует смещение. Вместо комплекса наук о человеке, И.Н. Семенов говорит об ориентациях именно в психологии, упоминая авторов, труды которых можно отнести к этим направлениям. Так, он отмечает, что при естественно-научной ориентации *психологии* (выделено мной – Н.Г.; именно психологии, а не всех наук о человеке) исследуются свойства нервной системы¹ и нейрофизиологические механизмы природных нервно-психических процессов², а при гуманитарной – сознание, деятельность, поведение и развитие личности³ в их культурно-исторической обусловленности⁴. После этого смещения И.Н. Семенов опять возвращается к наукам, которые он относит к человекознанию. И вот здесь оказывается, что психология попадает в разряд гуманитарных наук. «С учетом этого человекознание также дифференцируется на следующие виды: естественнонаучное (антропология, биология, физиология, нейронаука и т.п.), техническое (кибернетика, системотехника, эргономика, семиотика, информатика), социальное (лингвистика, социология, экономика, юриспруденция), гуманитарное (культурология, филология, психология, персонология, акмеология, педагогика и т.п.)⁵.

Это обращение к докладу, посвященному «становлению рефлексивной психологии» показывает, насколько неоднозначным является отношение к самой психологии в контексте знаний и наук о человеке

¹ В. Вундт, И.М. Сеченов, Ч. Шерингтон, И.П. Павлов, Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, Е.А. Климов (1995), В.С. Мерлин.

² В.М. Бехтерев, Н.П. Бехтерева, А.Р. Лурия, Е.Н. Соколов

³ С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев.

⁴ Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, А.Г. Асмолов, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко и др.

⁵ См.: Семенов И.Н. К 130-летию Общества психологов и к 95-летию со дня рождения Я.А. Пономарева: обзор развития секции «психология творчества» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 6. С. 68-69.

даже у психологов. Эта неоднозначность многократно увеличивается, когда дело касается собственно исследований и его методологических основ¹.

В этом смысле институциональное оформление нового направления в психологии – рефлексивной психологии² не отменяет и не решает тех проблем, которые давно присутствуют в психологии и квалифицируются как состояние ее кризиса. В вопросе о выходе из кризиса рекомендации Л.С. Выготского не потеряли своей актуальности и сегодня. Л.С. Выготский писал, что «для понимания пути выхода из кризиса необходимо критическое согласование разнородных данных, осмысление и проверку результатов, прочистку методов и основных понятий, определение фундаментальных принципов³. Все это – сфера философско-методологической и теоретической работы, без которой эмпирические исследования сами по себе не дадут желаемого эффекта - выхода психологии из методологического кризиса, который присутствует даже несмотря на появление в ней все большего числа направлений и попыток заменить огромными массивами получаемых новых эмпирических данных реальное движение к пониманию сущности человека и к пониманию сущности его психики.

¹ См.: Гусева Н.В. Философско-методологические аспекты исследований в психологии: к анализу концепции Л.С. Выготского // В.С. Возняк, Н.В. Гусева. Диалектика духовной реальности. Философско-методологические исследования и воспоминания как точки духовных перспектив. Усть-Каменогорск: МЦМИиИП при ВО КФК, 2016, с. 243-300

В целях координации ставших актуальными на переломе эпох исследований рефлексивности творчества при Международной академии гуманизации образования (президент – академик РАО и МАГО М.Н. Берулава) в 1995 г. был создан Институт рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования (директор – академик АПСН и МАГО И.Н. Семенов).

³ См.: Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский. Собрание Сочинений. Том 3. М.: Педагогика, 1983, с. 93.

3. ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ И СЛЕДСТВИЯ ЭМПИРИЗМА И РАЦИОНАЛИЗМА

Развитие психологической науки во многом зависит от того как понимаются ее основания. Это касается любой науки, а не только психологии. Часто вопрос о рассмотрении оснований заменяется обсуждением вопроса о предмете науки. При этом считается, что именно определение предмета науки полностью фокусирует на себя все возможные вопросы к ней, возникающие и «до» начала исследования выделенного предмета и «после» завершения проведенного исследования. Особое внимание к предмету науки считается оправданным, так как именно в нем обнаруживаются возможности уточнения проблем, связанных с областью исследования и проблем, связанных с допустимыми методами и методиками исследования. В этом не случайно видится и перспектива развития науки, и ожидаемые результаты.

Отношение к предмету психологии является существенным параметром понимания ее способов и перспектив развития. Это вполне подтверждается имеющимися в истории психологии изменениями в понимании ее предмета. В тоже время определение предмета науки не является исходным и исчерпывающим. Выявление предмета науки само имеет основание. Если такое основание не рассматривать, то выявление и формулирование предмета науки будет иметь случайный, произвольный, во многом субъективный или даже субъективистский характер. Такое положение не может рассматриваться как положительное в существовании любой науки. Это касается и психологии.

Обращение к предмету психологии как науки может выявить некоторые особенности и влияние подходов, которые используются при определении в той или иной форме ее предмета. Выделение влияния используемых подходов способно прояснить меру адекватности выводов, по которым определяется предмет психологии. Такой анализ можно осуществить в отношении понимания психологии уже касаясь древности. Так, Аристотель рассматривал психологию как науку о душе. В трактате «О душе» Аристотель формулирует понятие о способностях и их иерархии как функциях души, а также понятия такие как восприятие, память, воображение, психические образы, ассоциации как связь между представлениями, понятия характера, мотивации и др. Душа рассматривалась Аристотелем не как самостоятельная

Впервые опубликовано в: «Вестник Казахстанско-Американского Свободного университета». Научный журнал. Выпуск 5. Вопросы психологии. Личность. Образование. Общество. – Усть-Каменогорск, 2015, с.3- 14.

сущность, а как форма, способ организации живого тела.

Обращаясь к Аристотелю как философу, надо подчеркнуть, что, рассматривая характеристики души, он все же главное внимание уделял рассмотрению *природы* души. Это означает, что его взгляд на душу акцентировал не просто ее как предмет рассмотрения. Акцент переносился им на то, что порождает душу и лишь затем, в зависимости от этого, на то, как она может характеризоваться и структурно, и функционально в том или ином исследовании. Речь, таким образом, у Аристотеля идет не столько о душе как предмете рассмотрения, сколько о том, что выступает ее основанием, что обуславливает затем ее и как предмет исследования.

Проблема оснований психологических исследований в последующие периоды - в Средние века и Новое время - специально не рассматривается, если не считать наличия признания в одном случае Божественной субстанции, а во втором – механических закономерностей, характерных для мира. В обоих случаях есть указания на связь с этими основаниями, но собственно психологические знания выражают лишь негласные констатации результатов этой связи, а не процесс ее влияния и порождения того, что становится затем предметом психологического исследования.

В Новое время с развитием естественных наук возникает представление о сознании как предмете психологического исследования, под которым понимается способность думать, чувствовать, желать. Начиная с Декарта, происходит поворот в понимании предмета психологии от души к сознанию. Основные методы изучения в этот период:

- самонаблюдение (интроспекция, внутреннее зрение);
- и описание фактов.

Декартовская концепция сознания опиралась на открытие рефлекса, и связывала процессы осознания с тем, что именно через рефлекс происходит фиксация актов осознания и фиксация цепи актов его самонаблюдения (интроспекции). Рефлекс рассматривался как реакция высшего живого существа, присутствие их констатировалось как данность в функционировании сознания. В этом виде – в виде такой константы - он вводился в обиход исследования сознания. Именно в этом виде позже в концепции бихевиоризма возникает версия исследования сознания и психики в целом по модели, которая воспроизводит структуру рефлекса, в виде соотношения «стимул – реакция».

Дополняющим такой подход в понимании предмета психологии в этот период надо рассматривать вклад Лейбница, который отмечал наличие «малых перцепций» (неосознаваемых восприятий). Осозна-

ние последних трактовалось как осуществление простой перцепции (восприятия), к которой присоединяется апперцепция (внимание и память). Включение неосознаваемого в круг исследования явлений, важных для психологии, показывает присутствие вектора ее развития, указывающего возможность выхода за пределы доступности, определяемого механистическим подходом. Оба этих вектора были ориентированы на постижение сознания и неосознаваемого на основе самонаблюдения. При этом большое значение придавалось методам и тому, как они могут помочь познавательному процессу. Очевидность, сомнение, правила для руководства ума тщательно исследовались.

Эти феномены характеризуют ближайшие познавательные контексты, благодаря которым состоялось формирование психологического знания. Ближайшие контексты имеют в себе характеристики как эмпирического, так и рационалистического плана. Кроме этого, они представляют собой историческое явление, которое вплотную подвело к пониманию недостаточности ограничения познания лишь ближайшими контекстами рассмотрения. Познавательная коллизия при этом замыкалась тем, *что* и *как* понималось контекстом рассмотрения изучаемых явлений. Работа с психологическим объектом с позиций как эмпиризма, так и рационализма планируется однотипно: с помощью методов как особых инструментов. Различие эмпиризма и рационализма как основания могло проявляться лишь в плане формы предъявленности их присутствия: либо в качестве эмпирического факта, либо как мыслимого. В том или другом случае это присутствие оказывалось в статусе фактов самой психологической реальности: в виде фактов эмпирических, или в виде фактов мыслимых. И вот здесь возникает вторая группа привлекаемых к исследованию методов, которая упоминалась выше. Речь идет об описании фактов и соответствующих ему методах. Методы описания должны подчиняться формальной логике, и методы проведения исследования могли вступать в противоречие с последними.

Образ предмета психологической науки в этом плане оказывался очерченным следующими востребованными усилиями ученых: самонаблюдение за сознанием (и неосознаваемым, по возможности) и описание того, что в процессе самонаблюдения оказывалось выявленным, зафиксированным, определенным. Этот проблемный круг требовал соответствующего ему понимания и предпринимаемых усилий. В их числе: разработка исследовательских методов и методов описания; или: разработка методов описания как методов исследования; определение субъекта и объекта исследования, в которых должна найти свое выражение конкретизация возможностей их взаимодействия, влияю-

щая на результат исследования и т.д. Весь этот проблемный круг оказывался полностью помещенным в границы, определенные пониманием предмета психологического исследования, возникшего в этот период.

В современный период происходит аналогичная ситуация. Она выглядит следующим образом. Учитывая большое многообразие трактовок предмета психологии, в каждом из вариантов таких трактовок проблемный круг всякий раз становится формой, ограниченной той или иной концептуальной канвой. Именно она выступает определяющим вектором, согласно которому осуществляется исследование. Можно обратиться кратко к некоторым вариантам, представленным в современной психологии, которые вполне определенно демонстрируют и наличие проблемного круга, и наличие ограничительной концептуальной канвы, в которой вынуждены помещаться психологические исследования, принадлежащие к различным направлениям.

Пожалуй, одним из наиболее вариативно представленным направлением, является поведенческая психология. Именно поведение получает в этом направлении статус предмета психологической науки. Так, один из основателей бихевиоризма - американский психолог Дж. Уотсон писал, что с точки зрения бихевиоризма подлинным предметом психологии (человека) является поведение человека от рождения до смерти. Он не отрицал наличие сознания, но исключил его из предмета психологии. Бихевиористы считали, что человек - реактивная система, которая имеет своей моделью поведения – модель «стимул-реакция». Поведение может и должно, с точки зрения бихевиоризма, управляться внешней средой. Отсюда вывод о том, что система поощрений и наказаний имеет решающее значение. Именно она позволяет человеку добиваться того, к чему он стремится.

Вариацией поведенческой психологии можно считать и позицию так называемой объективной психологии. Основатель объективной психологии (А. Пьерон) поведение рассматривает как единство регуляций, психической и исполнительной двигательной стороны во взаимодействии с окружающим миром. В этом же ряду находится и функционализм, который предметом психологии считает приспособительное поведение и роль в нем тех или иных психических функций. Далее, Мак Даугалл - английский психолог в США, определяет психологию как науку, задача которой заключается в исследовании и объяснении поведения человека с целью успешного его регулирования и приспособления к меняющимся условиям обстановки. Поведение мотивируется и ориентируется умственной или психической структурой. Отсюда делается вывод о том, что психолог должен изучать

строение и функции психической структуры. В психической структуре он выделяет два аспекта: побудительно-мотивационный и познавательно-исполнительный. Эта позиция характеризует так называемую гормическую психологию. «Горме» означает стремление к определенной цели. При этом речь все же идет о поведении.

Варианты трактовки поведения как предмета психологии как науки, примеры которых мы отметили, оставляют в стороне вопрос о том, что является основанием выделения поведения для построения некоего отдельного психологического учения. Так же в стороне остаются вопросы об обусловленности самого поведения, о его статусе в жизнедеятельности человека. Отсутствие интереса к данным вопросам характеризует подход, который можно назвать абстрактным, то есть отвлеченным. В то же время его можно назвать и эмпирическим. Он также отвечает модели рационалистического подхода. Отсутствие интереса к выявлению оснований, на которых только и можно определить предмет науки является выражением поверхностного подхода. Он позволяет в обычных бытийных условиях обнаружить внешним образом феномен поведения и взять его в качестве самостоятельного и самодостаточного предмета исследования и практически (точнее: эмпирически), и концептуально. «Обычные бытийные условия» в данном случае вполне соответствуют тому, что подразумевается, когда характеризуют эмпирический подход. Смысл эмпирического подхода при этом усматривается благодаря значению слова «эмпирио», которое переводится как «опыт».

Далее, осуществляется обычная редукция. Она касается уже того, как понимается опыт. Традиция развития эмпиризма Нового времени также проявляет свое влияние. В результате «опыт» понимается как то, что дано непосредственно. Отсюда следует, что если нечто происходит из опыта, то оно не требует обоснования или не делает необходимым обращения к основаниям. В итоге, обращение к эмпиризму и рационализму как основанию делает «легальным» формулирование предмета психологии, исходя из обнаружения того или иного объекта, выражающего что-либо (а в данном случае: поведение), который находится в непосредственном бытии. Такой объект, в свою очередь, находится в поле «беспроблемного» обнаружения, и нуждается только в фиксации его теми, у кого есть на это время и желание. Не удивительно поэтому, что в психологии существует очень много различающихся трактовок предмета ее как науки. В качестве вывода подчеркнем, что эмпирический и рационалистический подходы не требуют обращения к основаниям и, соответственно, к обоснованию. Достаточно лишь выделять различное, лежащее на поверхности и придавать

ему статус предмета психологии как науки. Непосредственное обнаружение того, что может быть взято в статусе предмета исследования на уровне непосредственного опыта, сразу же оказывается достоянием мыслительного манипулирования, столь же не требующим погружения в основания. Благодаря последнему, из материала непосредственного опыта легко конструируются любые модели рассматриваемого объекта. Они при этом не теряют произвольного характера. Но могут быть использованы в случае востребованности.

Помимо бихевиоризма в психологии существуют и другие позиции. Так, с точки зрения Пьера Жана предметом психологии является человек в его связях со вселенной и другими личностями. Далее, говоря о связях, Пьер Жане указывает на то, что ими выступают человеческие действия. Он подчеркивает, что психические явления нельзя отделить от поведения, действия, движения. Он считает необходимым психику считать неотъемлемой частью деятельности, поведения. Анализ же поведения надо считать, по его мнению, способом изучения характеристик и свойств психики, а не предметом психологии, как это представлено у бихевиористов. Это в итоге позволило ему прийти к выводам о социальной обусловленности памяти и психики личности.

Эта позиция требует рассмотрения статуса действий. Пьер Жане говорит, что психология является наукой о человеческих действиях, которые выражают его отношение к миру и насыщены психологическим содержанием. Обращаясь к рассмотрению действий, он как будто осуществляет выход за пределы круга налично данных феноменов опыта. В то же время остается открытым вопрос о том, что понимать под действиями. Ведь выделение действий в качестве предмета психологии также является актом достаточно произвольным. Этот акт отвечает признакам абстрактного, эмпирического подхода и вполне может «рационализироваться» в форме вариантов манипуляций, теперь уже, системами действий. Здесь опять-таки не выявляются основания, на которых можно действительно обоснованно утверждать, что выбор именно действий в качестве предмета психологии как науки верный. В современной социальной науке имеется большое количество вариантов трактовки действий, которые предлагается понимать как основания конструирования тех или иных социальных феноменов. Наиболее ярко эта позиция представлена у Макса Вебера. Напротив, есть основания утверждать, что действия в отличие от деятельности, всегда имеют ситуативный, конечный характер, а значит ими невозможно обосновывать без допущения известной произвольности постулируемую Пьером Жане социальную обусловленность памяти и психики человека.

Подчеркнем, что социальная обусловленность как таковая не может выражаться системами конечных ситуативных действий, так как это было бы основанием невозможности понять, объяснить культуру и общество, и, как минимум, их исторический характер. Если остановиться на выделении действий в качестве предмета психологии, ориентированной на понимание социальной обусловленности, то возникает неразрешимая коллизия, которая разрушительно будет влиять на состояние психологической науки. Поясним это утверждение.

Ситуативность и конечность действий присуща отдельным индивидам в отдельные промежутки времени и места. Если исходить из этого и далее пытаться подойти к вопросу о социальной обусловленности человеческой психики, то это будет означать, согласие с пониманием общества как совокупности отдельных индивидов. Однако такое понимание ведет в тупик и в понимании науки как социального феномена, и в понимании социальной обусловленности психики человека, и в понимании сущности культуры. Неразрешимая коллизия здесь возникает потому, что в данном направлении обращение к действиям как предмету психологической науки берет без рассмотрения то, что представляют собой действия, то, какой статус они имеют в социальной реальности, в реальности отдельного индивида, в реальности личности и др. Такое рассмотрение предполагает обращение к основаниям. Для него совершенно недостаточно выделение действий только потому, что они более весомы, чем поведение. Подчеркнем, что выделение действий – более глубокий вариант в формулировании предмета психологии. Но все же он недостаточен. Можно, например, сравнить смысл того, что может выразить поведение, с одной стороны, а что могут выразить действия, с другой. Если действия ориентированы на результат здесь и сейчас, который подтверждается ими через его достижение, то поведение может выражать или вуалировать цели. Поэтому их статус не может быть одинаково весомым для адекватного понимания происходящего.

Отказ от рассмотрения оснований всегда чреват тупиками и ошибочными версиями происходящего не только в быту, но и в науке. Такой отказ является присущим позиции и эмпиризма, и рационализма, как мы отмечали выше. В данном же случае мы подчеркиваем, что присутствие эмпиризма и рационализма оказывается обнаруживаемым и в трактовке предмета психологии через обращение к действиям и постулированию через них социальной обусловленности психических явлений.

Эмпиризм и рационализм могут проявляться в различных формах. Например, если выделяется, например, структура или функция в

качестве произвольных оснований, то эмпиризм здесь будет присутствовать в виде произвольности и непосредственности перехода от налично данного в явлении (либо структуры, либо функции) к тому, что должно выражать описание этого явления, знание о нем. Рационализм же здесь будет проявляться в том, что все видимое содержание непосредственного произвольного процесса будет моделироваться в мысли и будет далее сопровождать исследователя в качестве уже принятой модели понимания, которой в этом случае будет придан статус концепции.

Далее, обратимся к психологической концепции, получившей название гуманистической. Она возникла благодаря развитию взглядов Адлера, Хорни и Салливана на роль социокультурных факторов в психической деятельности. Казалось бы, прямое обращение к социокультурным факторам должно обезопасить эту психологическую концепцию от присутствия эмпиризма и рационализма. Но на самом деле и эмпиризм, и рационализм в ней присутствует. Это выражается в том, что постулирование социокультурных факторов не выступает достаточным основанием адекватного понимания и общества в отличие от социума, и культуры, которая не должна редуцироваться к определениям цивилизационного характера.

Можно отметить, как писал Л.С. Выготский, что ни в одной науке нет столько трудностей, неразрешимых контрверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии, по его мнению, – самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут.

Развитие современной психологии как науки напрямую зависит от меры освобождения от подходов, ведущих в тупик, а также от развития культуры в целом. Наука как явление культуры не может не развиваться вместе с развитием культуры. Развитие же современной культуры является усложненным процессом, так как на сегодняшний день цивилизационные характеристики общественного бытия преобладают за счет их чрезвычайной акцентированности потребительской ориентацией как главной ценности. Учитывая, что отличие цивилизационной формы организации общественной жизни от собственно культурных процессов в ней состоит в том, что собственно культурные процессы выражают осуществление деятельности, имеющей созидательный, творческий и социально-значимый характер, а цивилизационные процессы в полной мере выражены употреблением, применением, потреблением, тиражированием, обменом и т.д. того, что создано в культуре и культурой.

В отношении науки разделение цивилизационного ее образа и собственно культурного осуществляется также по параметрам деятельности, которую осуществляют люди каждый день и все время своего существования. Эта деятельность может иметь различное предметное содержание, ее суть зависит ее характера. Наука как явление культуры, представлена исследовательской деятельностью, которая имеет характер созидательной, творческой, социально-значимой. Это значит, что исследовательская деятельность не может превращаться в некую систему действий в режиме постоянно повторяющегося алгоритма. То есть она не может превращаться в деятельность манипулятивную, ситуативную и имеющую конечный характер, имеющую смысл только «здесь и сейчас». Если такое происходит, то это означает, что в этом случае научное исследование как таковое прекращается и вместо нее имеет место некий рационализированный поток программируемых действий, которые определенным образом сочетаются с целями принятых научных программ и последовательностями их осуществления. Сочетание манипулятивных систем действий, выходящих на передний план в работе ученого, с целями принятых научных программ и последовательностями их осуществления, может происходить в связи с тем, что в самих программах они предусматриваются. Так, в программах всегда предусматривается создание и использование тех или иных алгоритмов в проведении самой исследовательской работы. Выделяется, например, большое количество времени на подготовительные работы к проведению экспериментов, выделяется время на работу с источниками, на основе которых создается та или иная гипотеза и др. Даже многократное проведение экспериментов по одной и той же методике уже вполне характеризует присутствие алгоритмизации того, что делает ученый в процессе исследования.

Здесь также присутствует соответствие ситуации, в которой производится эксперимент, в котором присутствует ожидаемое его завершение в том или ином цикле и т.д. То есть эксперимент как форма, например, в которой осуществляется деятельность ученого, становится узнаваемо цивилизационной. Понятно, если такая форма была выработана до проведения текущего эксперимента, то она используется с большей эффективностью, так как уже доведена до автоматизма и не требует все новых коррекций. Такая же ситуация имеет место и по отношению к другим формам проведения научных работ. Аналогично, например, наблюдение как форма проведения исследовательской работы, точнее, как метод, который приводит к порождению ее формы, предполагает разработку его программы, в которой должны быть от-

мечены параметры, по которым это наблюдение будет осуществляться в отношении выбранного объекта исследования. После создания такой программы исследование превращается в «процедурный» процесс. То есть он не предполагает созидательного и творческого характера. Всегда происходит аналогично. Так как речь идет об *использовании* методов, форм, которые уже сложились, кем-то были созданы впервые.

По отношению к вопросу о создании методов познания можно обратиться к Новому времени. Именно в тот период создание методов было явлением культуры, так как они были результатом процесса творческого, в котором раздвигались границы познания – познания возможностей движения к новому знанию, к его открытию. Далее, они получили статус инструментов, которые можно *применять, использовать*, то есть они стали вполне цивилизационным явлением. Цивилизационные явления, такие, как методы, средства, технологии исследования и т.п., позволяют совершенствовать исполнительскую часть исследовательской деятельности, делают ее более эффективной и комфортной. Однако, они не становятся ведущим содержанием исследовательской научной деятельности, они не становятся выражением ее сущности.

Что же остается за пределами досягаемости для методов, средств, технологий исследования? Остается главное. Образно выражаясь, главным является «погружение» в то, что исследуется. «Погружение» означает создание возможности познать объект через него самого и через тот контекст, в котором он возникает и существует.

Более поверхностным по отношению к погружению является процесс выявления того, как функционирует объект исследования. Функционирование предмета означает его проявление в том или ином плане, контексте, процессе и т.д. Понятно, что функционирование любого предмета будет различным, если это функционирование будет осуществляться в различных контекстах или обстоятельствах. Это значит, что предмет познания будет другим, если мы его будем рассматривать в различных контекстах или обстоятельствах. Контексты могут быть вызваны и внешними обстоятельствами. В этом случае формируемое знание предмета будет относиться не к нему самому, а к обстоятельствам, которые создали контекст и соответствующее проявление исследуемого предмета.

Понимание такого «переноса» смысла исследования с главного на инструментально-техническое может означать лишь трансформацию, не способствующую сохранению и актуализации цели, ориентированной на творческое деяние. Для внутреннего состояния науки это означает потерю своего энергетического потенциала развития. Цель

использования матриц, трафаретов и т.д. не может сравниться по своему «энергетическому» статусу с целью созидания нового, целью осуществления творческого деяния. Научное сообщество, в котором произошла такая трансформация становится тоже цивилизационным феноменом и теряет возможность быть воплощением процесса развития культуры. Для развития науки как явления культуры необходимо сохранять созидательно-творческий потенциал. В развитии любой науки важным является понимание того, на каких основах можно осуществить исследование. К числу исходных оснований относится адекватное определение его предмета, а также то, как именно этот предмет исследования можно познать.

Эмпиризм и его антипод - рационализм - в современном процессе научного функционирования и в научных исследованиях активно выступают в роли «добротных» оснований. Более того, на них сегодня строятся многочисленные концепции не только теоретического, но и методологического плана. Однако, при ближайшем рассмотрении такое положение должно рассматриваться как анахронизм, который не только не допустим сам по себе как архивное явление, но и вреден настолько, что выступает условием торможения всякого исследования и концептуального осмысления возможностей будущего развития науки.

Эмпиризм и рационализм родом из XVII века. Они имеют вполне положительные черты как философские концепции. В числе положительных черт можно отметить рассмотрение ими возможностей человека в познании, которые они связывали именно с тем, что человек как отдельное существо имеет изначально от природы. Здесь имеется в виду наличие у человека органов чувств и возможности осуществлять мышление, благодаря наличию мозга. Наличие этих природных характеристик у человека характеризует его физиологическую определенность. Здесь не может быть никаких возражений.

Однако, если физиологическую определенность рассматривать как определенность познавательного, а также и психического, процесса, то в этом случае должно быть осознано присутствие недопустимой редукции. Она состоит в том, что собственно физиологические характеристики в этом рассмотрении безосновательно квалифицируются как гносеологические, или в другом варианте: как психологические. Затем делаются далеко идущие выводы, касающиеся уже теории познания, логики познавательного процесса или предмета психологической науки. Объективности ради надо отметить, что как эмпиризм, так и рационализм в рассмотрении познавательных процессов уже в XVII веке столкнулись с недостаточностью своих концептуальных позиций.

Так, эмпиризм оказался неспособным вывести и объяснить появление всеобщего и необходимого знания. Таким знанием, как известно, является знание математическое, философское и в целом знание закономерностей. Рационализм же, чтобы объяснить наличие такого знания, вынужден был прибегнуть к постулированию (утверждению) наличия врожденных идей, которые, якобы, делают из идей ощущений, то есть из плодов чувственного воспроизведения мира, всеобщее и необходимое знание. Сегодня допущение наличия врожденных идей не подтверждается ни физиологически при исследовании мозга младенцев, ни психологически. В философском же плане такое допущение также является несостоятельным.

Хождение идей эмпиризма и рационализма в современном функционировании науки и в осуществлении научных исследований, как правило, выражено ориентацией на **терминологическое** значение названий этих философских концепций. При использовании эмпиризма, как принимаемой концепции, ориентация осуществляется лишь с опорой на то, как переводится корень в его названии. Корень слова «эмпиризм» означает – опыт. А корень слова «рационализм» означает – «рацио», то есть рассудок или разум¹. Понятно, что никакой уважающий себя ученый, или просто мыслящий человек, не будет отрицать роль разума или опыта в любом процессе познания и в развитии любой науки. Однако такое отношение к опыту и разуму вовсе не должно означать признания эмпиризма и рационализма основой развития современной науки в целом и научных исследований, которые проводятся под ее эгидой. Дело в том, что рассмотрение эмпиризма и рационализма в качестве ориентиров, помимо терминологического ракурса, имеет и собственно концептуальный итог. Терминологический и концептуальные ракурсы очень отличаются друг от друга и порождают очень различные следствия.

В рамках рассмотрения эмпиризма и рационализма в качестве концептуальных основ научного исследования или развития науки в целом необходимым образом на первый план выдвигаются коррекции в понимании предметов исследования, способов и методов исследования, способов институционального оформления результатов исследования и др. Эти коррекции существенным образом меняют логику научного исследования и понимание логики развития науки в целом.

Обратимся к некоторым итоговым коррекциям, обусловленным

¹ До немецкой классической философии понятия рассудка и разума по существу не различались. Под «рацио» понималась некая отсылка к тому, что осуществляется мышлением.

признанием эмпиризма или рационализма основой процессов, имеющих место в науке. Но прежде подчеркнем, что и эмпиризм, и рационализм, как мы отмечали выше, исходят из возможностей отдельного человека, индивида, характеристики которого в полной мере обусловлены природным образом. В понятиях «опыта» и «рацио» в их трактовке эмпиризмом и рационализмом абсолютизируется¹ принадлежность их характеристик отдельному индивиду.

В то время как человеческий опыт и человеческий разум (и даже рассудок) не может сформироваться только как индивидуальный² феномен. Они формируются как явления социального порядка. Это подтверждается всем развитием человеческой культуры. Вся история философии после XVII века, а также развитие науки на ее классическом этапе, доказывают недопустимость абсолютизации индивидуального подхода, как со стороны эмпиризма, так и со стороны рационализма. Уже Лейбниц считает необходимым вводить понятие Предустановленной гармонии для характеристики поведения и имеющихся возможностей монад. Спиноза также указывает на природу как причину самой себя и этим подчеркивает несамостоятельность индивида в лоне природы, его зависимость от характеристик самой природы. Иначе говоря, в философии уже Нового времени имеет место понимание концептуальной недостаточности как эмпиризма, так и рационализма. В немецкой классической философии это направление мысли специально рассматривается. В частности, концептуально обосновывается необходимость присутствия всеобщего основания для любого отдельного явления. У Канта – это Трансцендентальный Субъект, у Гегеля – это Абсолютный Дух или Абсолютная Идея. В философии К. Маркса и Ф.Энгельса таким всеобщим основанием, но понимаемым материалистически, рассматривается общество. Через исследования в области философии открывается суть недостаточности позиций и эмпиризма, и рационализма. Эта недостаточность проявляется всякий раз, когда возникает попытка базировать понимание или построение процессов познания на основе концепции либо эмпиризма, либо рационализма.

Во-первых, это касается выделения и понимания предмета науки. Попытка определения предмета науки, осуществляемого исходя из возможностей отдельного человека, будет означать, что большая группа наук, уже имеющих место в современном обществе должна потерять свой предмет. К ним можно отнести все социальные науки,

¹ Абсолютизируется – значит недопустимым образом преувеличивается.

² Индивидуальный феномен – значит явление, принадлежащее одному индивиду, или порожденное одним индивидом.

так как все они не могут строиться на понимании общества как явления, моделирующего особенности отдельного индивида. В отношении естественных наук также произойдет потеря своего предмета, так как современные естественные науки опираются на данные о природе, которые фиксируются далеко не только и не столько с помощью органов чувств отдельных людей.

Во-вторых, это касается рассмотрения способов и методов исследования. Понятия «способ» и «метод» характеризуют то, каким образом происходит связь субъекта познания с тем, что познается. Такая связь, если она мыслится в виде характеристик атрибутов отдельного человека, с самого начала оказывается не способной воспроизводить то, что характеризует реально связь человека с познаваемым объектом. Дело в том, что связь субъекта и объекта познания с самого начала всегда обусловлена контекстом, в котором она осуществляется. Поэтому, чтобы эту связь правильно, точнее: соответственно, понимать и конструировать, воссоздавать в виде новых и эффективных способов и методов, - необходимо сам контекст и то, как именно связан с контекстом сам познающий, как пребывает с ним в единстве, - был понят и интерпретирован. Признание чувственного опыта в качестве основы понимания и интерпретации контекста связи познающего и познаваемого ведет в тупик. Это происходит потому, что сам контекст, хотя и реально существует, не может быть сведен к характеристикам чувственности субъекта познания, как моделирующего познавательный процесс основания. В то же время сохраняется проблема зависимости от субъекта того, что в результате оказывается результатом познания. Здесь тупик имеет статус методологического. Это означает, что понимание процесса, в котором формируется знание, искажен и требуется переосмысление. В противном случае тупик останется и следствия его будут неуклонно сохраняться и тиражироваться в отношении любых наук и любых проблем внутри них.

Аналогично обстоит дело и с вариантом, в котором постулаты рационализма принимаются в качестве основы связи субъекта и объекта познания. Таким постулатами выступают представления о роли рациональной мыслительной деятельности – мышления на уровне рассудка в познании. К их числу можно отнести:

- мысль о роли знания, которым уже обладает человек. Здесь оно оказывается в роли определяющего дальнейший ход познания, даже в том случае, если это знание оказывается ложным или искажающим;
- наличие сомнений и вытекающих из них вариаций понимания того, что предстает как объект и способ или метод познания;

- наличие мысленной модели хода познавательного (исследовательского) процесса как версии наилучшего способа или метода его осуществления вне зависимости его от ее (модели) оснований, который имеется и предпосылается самому исследованию;

- понимание рациональности как могущественного инструмента познания, так как его понимание, как правило, соотносится с образом все понимающего разума, все воспроизводящего мышления.

Однако, каждый из этих постулатов нуждается в дополнительном рассмотрении. Итак, первый постулат указывает на особую роль уже имеющихся знаний для дальнейшего исследования. Уповать на наличное знание в научном исследовании крайне недостаточно, так как не всякое имеющееся знание способно помочь исследованию. В том случае, если имеющееся знание представлено в виде информации, то есть в форме знания «готового», а потому статичного, - то в этом случае оно в исследовательском процессе не впишется в процессуальную форму самого исследования. Будет в этом смысле ему противостоять. Конечно, это противостояние будет наблюдаться только в том случае, если проводимое исследование не будет представлять собой конгломерат еще и других форм готового знания, которыми «исследователь» манипулирует путем проб и ошибок, наугад ожидая хоть какого-нибудь результата. Упование на имеющееся готовое знание как мыслительная установка является не только определенной данью рационализму как философской концепции Нового времени, но и является данью эмпиризму. Последнее обнаруживается тогда, когда подразумевается необходимость и обязательность использования готового знания, включение его в чужеродном виде (в готовом виде) в процессы. В данном случае в исследовательские процессы. Такое включение покажется вполне оправданным с точки зрения расхожего представления о знании, не различающемся в любой форме (включая и готовое знание, то есть информацию). Вспомним в этом плане яркую версию такой позиции, высказанную в Новое время Ф. Бэконом: «Знание – сила». При этом нельзя забывать, что знание может быть выражено и выражать то, что вряд ли будет подтверждать этот тезис. Например, для иллюстрации: знание того, что такое инфляция не дает возможности ее преодолеть. Или знание о том, что есть психология, не обуславливает решения ее проблем и т.д. Иначе говоря, не всякое знание есть сила.

Второй постулат, который можно отнести к позиции рационализма – это признание положительного смысла наличия сомнения как такового и вытекающих из него вариаций понимания того, что представляет собой объект, способ или метод познания. В современный

период обращение к постулату сомнения является также расхожим выражением приверженности к позиции рационализма. В современной интерпретации: этот постулат интерпретируется как фактор приверженности к рациональному отношению. Он указывает на то, что в мышлении исследователя присутствует модель ситуации выбора (или определения приоритетности), который необходимо совершить между уже имеющимися вариантами знаний, оценок состояний, моделей, методов и проч. Недостаточность здесь выражается, прежде всего, в том, что для исследователя попадание в ситуацию выбора означает фактически *выпадение* из ситуации осознанного, целенаправленного познавательного процесса. Это означает, что его включение в исследовательский процесс носит характер достаточно внешний, неосознанный, поверхностный, ориентированный на случайность, а не понимание его закономерностей.

Третий постулат, предполагающий использование имеющейся модели, которая предпосылается познавательному процессу, как мыслительная схема, калька и т.п. также можно отнести и к традиционному рационалистическому и эмпиристскому варианту. Со стороны указания на наличие схемы или модели, которая присутствует в мышлении, этот постулат можно вполне отнести к позиции рационализма. Со стороны же использования этой схемы как матрицы, как того, с чем можно «орудовать» через системы действий, - с этой стороны данный постулат вполне вписывается в позицию эмпиризма.

Четвертый постулат, характеризующий рациональность как могущественный инструмент познания, который соотносится с образом все воспроизводящего мышления, имеет все признаки, подтверждающие его прямое отношение к традиции рационализма как философской концепции. И все же при ближайшем рассмотрении этот же постулат выступает и формой подтверждения позиции вполне отвечающей духу эмпиризма. Поясним данное утверждение. Во-первых, в данном постулате «рациональность» прямо указывает на присутствие «рацио» как центральной характеристики того, что определяет процесс познания. Во-вторых, характеристикой рациональности оказывается соответствие определенной последовательности, нормам, требованиям, заданным признакам, установленным регламентам и т.д., которые предпосылаются рассматриваемым процессам.

В нашем случае это процессы исследований. Предпосылание исследованиям заданных образцов переводит их в сферу поверхностного осуществления. Точнее: в сферу эмпирического осуществления. В науке, как известно, такая сфера называется эмпирическим уровнем исследований. Для него характерно как раз следование процедурам, к

числу которых всегда относятся: сбор данных об исследуемых объектах, обработка этих данных, систематизация и классификация обработанных данных и, заключительной частью этих процедур является осуществление интерпретации того, что получено в результате первых трех процедур. Данные процедуры эмпирического уровня научного исследования сами по себе не являются выражением эмпиризма. Они лишь указывают на наличие эмпирического уровня в научном исследовании. Однако, если их статус сублимируется, то есть если их статус чрезмерно возвышается и отождествляется с собственно научным исследованием как таковым и при этом не указывается, что данный эмпирический уровень не является единственным, если не учитывается, что кроме него есть еще и теоретический уровень, то в этом случае возникает позиция абсолютизации эмпирического уровня познания, а значит возникает и подтверждается позиция эмпиризма.

Развитие философии после XVII века прошло большой путь. Его нельзя игнорировать. Но в то же время склонность рассматривать науку и процессы, происходящие в ней, на основе эмпиризма и рационализма, являются анахронизмом. Они проецируют такие процессы в науке, которые делают исследования абстрактными, неэффективными, деформирующими образ науки как таковой.

Для адекватного научного исследования необходимо учитывать логику его развития. Она не совпадает с представлениями о непосредственном характере знаний, предметов наук. Так же как она не совпадает с представлениями о возможностях мыслительных операций на рассудочном уровне для проведения исследований и понимания их подлинных результатов.

Реализация философского подхода к рассмотрению науки является условием понимания ее сущности и перспектив развития на всех этапах человеческой истории. Познавательная практика человечества всегда была предметом исследования: и в прошлом, и в современный период. Значимость такого исследования состоит в том, что благодаря выводам, которые человечество научается делать, проводя такие исследования, становится возможным понимание логики процесса развития науки. В свою очередь, установление закономерностей в развитии науки способствует перспективному прогнозированию ее реальных шагов и возможностей и преодолению абстрактных подходов в осознании предметов и задач этих наук.

Абстрактность может быть преодолена только путем рассмотрения объектов исследования этих наук с точки зрения процесса их формирования и развития. Эти «требования» характеризуют реализацию диалектического способа мышления, являющегося, в то же вре-

мя, способом реализации методологии как сферы всеобщего. Речь, таким образом, идет о необходимости философского уровня рассмотрения оснований наук. При этом сама философия не должна рассматриваться как сфера знания, в которой запечатлены лишь мнения людей о самых разнообразных вещах и явлениях.

Философское мироотношение выражает закономерности всеобщего порядка, в котором отражаются способы становления мира как целого. Именно эта ориентация на понимание мира как целого доминирует в классической традиции, присущей мировой философии. В современный период сохранение классических философских ориентаций в то же время является условием выхода из методологических тупиков, проявляющихся в социально-гуманитарном знании в целом и в психологии, в частности; тупиков, которые порождены сведением рассмотрения актуальных проблем к рассудочным схемам связи «Человек – мир», абсолютизирующим утилитарно- прагматическое мироотношение.

Литература

1. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
2. Danziger K. The methodological imperative in psychology // *Philosophy of Soc. Sci.* 1985. N 15. P. 1–13.
3. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности / А.Н. Ждан .– М., 2002.
4. История общей психологии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rrc.ysu.ru/resource/network/doc21/m3.htm>
5. Козлов В.В. Седьмая волна в развитии психологии // Тр. Ярослав. методол. Семинара «Предмет психологии». - Ярославль: МАПН, 2004. С. 185–206.
6. Петровский А.В. И др. История и теория психологии/А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский – Ростов-на-Дону, 1996.
7. Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Тр. Ярослав. методол. Семинара. Предмет психологии. - Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
8. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Наука, 2000.
9. Шрейдер Ю.А. Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания // Психологические механизмы регуляции социального поведения. / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. - М., 1979. - С. 103-127.
10. Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 5. - С. 35–47.

4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Для понимания развития психологического знания требуется специальное рассмотрение ряда ключевых моментов, характеризующих, с одной стороны, развитие знания как процесса, включая знание психологическое. С другой стороны, требуется уточнение сущности развития. По отношению к определению процесса развития психологического знания, в свою очередь, потребуется уточнения смысла и соотношения таких понятий как «развитие психики» и «развитие человека», который обладает психикой. Любое психологическое исследование не может осуществляться без этих уточнений, так как смысл этих уточнений представляет собой некий концептуальный «каркас», или точнее: контекст, в котором только и может обрести свою почву психологическое исследование. От того, каким окажется этот концептуальный «каркас», или контекст, будет зависеть получаемый итоговый результат психологического (да и всякого иного) исследования, его трактовка и, соответственно, выводы.

Надо отметить, что в истории культуры проблеме развития всегда уделялось большое внимание. В концентрированном виде человеческие искания, попытки осмыслить сущность процесса развития, представлены в диалектике как учении о развитии и всеобщих связях. Углубление в сущность развития выражено в трёх исторических этапах развития самой диалектики. Первый представлен в философии древних. Второй – в немецкой классической философии. Третий - в материалистической диалектике Маркса и его последователей. Именно в диалектике разработаны понятия, воспроизводящие различные моменты развития, где бы оно ни происходило. Так, например, источником развития, с точки зрения диалектики, признается диалектическое противоречие. Здесь речь идет о диалектическом противоречии, которое нельзя путать с противоречием формально-логическим. Последнее, как известно, выражает наличие субъективной ошибки, а не источник развития, который обнаруживается через обнаружение диалектического противоречия. Поэтому понятие противоречия, конкретизированное в диалектике, может быть чрезвычайно полезным для осмысления развития человека. В том числе может быть полезным и для специальной организации развития индивида, скажем, в учебном процессе. Диалектическое противоречие, как понятие, моделирует исход-

ное начало изменений, приводящих к новому. Оно всегда выступает в связке с такими явлениями, которые выражаются в понятиях тождества, различия, противоположности. Эти явления носят объективный характер. Поэтому анализ понятий, их фиксирующих, полезен для осознанного построения процесса, в котором программируются нужные изменения, то есть планируемое развитие.

Развитие психики и развитие человека - существенно отличающиеся проблемы психологического исследования. Выявление их специфики возможно лишь на основе рассмотрения сущности психики, с одной стороны, и сущности человека, находящегося в процессе развития (от детства к взрослости и далее), с другой. При этом рассмотрение психики в качестве самостоятельной проблемы с самого начала будет конкретизироваться учетом принадлежности ее человеку в том или ином возрасте и в том или ином контексте социального существования. Если этот контекст не рассматривать, то исследование психики сразу приобретает абстрактный характер. Традиционно знания, умения и навыки человека рассматриваются, как моменты, характеризующие его развитие. Однако их наличие далеко не всегда соответствует присутствию процесса развития. Известны ситуации, когда обладающий ими человек оказывается неспособным решать возникшие задачи, изменять жизненную ситуацию к лучшему и т.д. Именно поэтому в современных науках о человеке с особой остротой ставится вопрос о сущности развития, как вполне особого явления и процесса, который имеет свою специфику и несводим к любым имеющим место изменениям.

Осознание процесса развития психологического знания не может осуществляться, если психолог-исследователь полностью «выключен» из сознательного отношения к контексту, в котором он осуществляет свое исследование. Это, как правило, происходит тогда, когда предмет исследования абстрагируется от реальных процессов, в которых он непосредственно и опосредованно пребывает, находясь в обычной ситуации, т.е. ситуации за пределами исследования. Исследователь намеренно актуализирует свое внимание на выделенном фрагменте реальности, придав ему статус объекта или предмета своего исследования. Это означает, что существующие реальные связи этого фрагмента, ставшего предметом рассмотрения, отсекаются или перестают фигурировать в качестве содержательных моментов, продолжающих его определять, как таковой в самом психологическом исследовании. «Отсекание» предмета исследования от контекста его реального существования является недопустимой процедурой, которая носит редуционистский характер. Следствием такой процедуры оказывается

деформация понимания исследовательской ситуации, что само по себе обуславливает существенные перекосы в постановке исследовательских целей, задач, в выборе исследовательского «инструментария» и т.д. В частности, это выражается в формировании представления о предмете исследования как о том, что имеет внутри себя все возможные факторы обуславливания. Такое понимание предмета исследования означает, что задачей исследователя будет полное сосредоточение на его специфике как конечного продукта предшествующих изменений. Основания предшествующих изменений окажутся за пределами рассмотрения, приобретут статус несущественных определений, которые не имеют отношения к раскрываемым характеристикам или особенностям предмета (объекта) исследования.

Сказанное означает, что развитие психологического знания прямо связано с необходимостью серьезного внимания к контекстам формирования предмета исследования и недопустимостью абстрактного отношения к выбору темы исследования, к выделению его объекта (предмета) и т.д. Абстрактное отношение, при этом, будет выражаться изолированным положением объекта исследования по отношению к контексту его возникновения или формирования. Показательным в этом плане является широко распространенная ситуация, касающаяся исследовательских проектов в психологической науке, когда предметом исследования признаются некоторые «явления», которые при ближайшем рассмотрении собственно явлениями не оказываются. Вместо явления, выражающего какую-либо реальность, исследованию подвергается некий «фантом», заместивший собой некую, в данном случае не определенную реальность. В таком исследовании формируемое психологическое знание также будет иметь «фантомный» характер. Его формирование не будет иметь сколько-нибудь серьезного значения и смысла. Такое психологическое знание будет иметь статус некоей вариативной абстрактной модели, не отражающей реальные процессы, происходящие в человеческой психике и в человеческой жизни.

Ситуация с «фантомными» предметами психологического (также как и всякого другого) исследования может воспроизводиться тогда, когда происходит подмена, или замещение, реальности тем или иным абстрактным представлением о ней, - замещение, которое получает статус реального предмета исследования. Этот момент становится показательным в качестве проблемы развития любой науки, в том числе и науки психологической. Такое замещение часто провоцируется использованием традиционно незрелого понятийного аппарата науки. В этом случае то или иное понятие, присутствующее в аппарате науки,

становится проводником выбора «фантомного» предмета исследования. Исправить такое положение может лишь серьезная работа с самим понятийным аппаратом науки, а не отказ от такой работы. Для примера, можно вспомнить ситуацию с психологическим исследованием воли, где воля, рассматривается в качестве выделенного предмета специального психологического исследования. В соответствии с этим статусом, она должна рассматриваться как самостоятельный и в этом смысле обладающий определенной целостностью и сущностью объект. Однако, по существу, воля есть атрибутивная характеристика человека как социального и индивидуального существа. Атрибутивность воли (несамостоятельность, принадлежность человеку) предполагает иной подход к ее исследованию по сравнению с тем случаем, когда она рассматривается в качестве самостоятельной реальности, определяющей человека. Налицо существенная деформация исследовательской ситуации, которая ведет за собой столь же существенную деформацию смысла получаемых в таком исследовании результатов, а также практических выводов и рекомендаций.

Данная ситуация с замещением предмета исследования, ведущая к деформациям всего исследовательского проекта, может быть рассмотрена с двух позиций:

- во-первых, с точки зрения вскрытия реального несоответствия феномена воли со значением его понятия, принятого в традиционной психологической науке. В этом случае следует исследователю вскрыть эти несоответствия с тем, чтобы выработать новый смысл исследуемого реального феномена и внести коррективы в понятийный аппарат собственной науки;

- во-вторых, имеется в виду рассмотрение ложного замещения предмета исследовательского проекта с точки зрения отказа от рассмотрения соответствия понятий, используемых данной наукой с той реальностью, которую эта наука призвана исследовать. Это будет означать отказ исследователя заниматься коррекцией понятий своей науки, считая это делом несущественным и не имеющим практического значения. Такая позиция является методологически неверной, так как она строится на представлении о том, что понятийный аппарат науки не имеет серьезного значения, что он не оказывает серьезного влияния на процесс исследования и его результаты. Однако вся история науки показывает ошибочность такого представления.

Сложность вопроса состоит в том, что само признание расхождения понятий и реальности не является процессом, раскрывающим их соотношение. Кроме того, осознание наличия такого расхождения не является залогом легкого решения о необходимой коррекции существ-

вующих понятий в пользу их возможно большего соответствия реальности. Сложность состоит в том, что данная проблематика выходит за рамки специально-научного (в данном случае психологического) исследования. Она носит философский, методологический характер.

В этом плане, считаем справедливым отмеченный профессором психологии МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Иванниковым вопрос о соотношении понятий, с одной стороны, и тех явлений реальности, которые они призваны выражать, с другой, как важной для решения внутренних проблем развития самой науки проблемы. Однако, на наш взгляд, вывод, делаемый из этого, не является правомерным в необходимой мере. Так, рассматривая волевые процессы, В.А. Иванников, пишет: «Я не понимаю, почему психология с таким упорством тратит время и силы на объяснительные понятия, которые вводились не для обозначения какой-либо реальности, а для объяснения, например, определенных особенностей поведения человека. Для меня очевидно, что исследованию подлежат как раз эти особенности поведения и механизмы его обеспечивающие, а не понятия, которыми мы пытаемся объяснить эти особенности»¹. Данная точка зрения на смысл соотношения понятий и реальности основана на позиции устранения их несоответствия за счет отказа от его признания, за счет объявления его несущественности для психологического исследования. На самом деле соотношение понятий и реальности является существенным и «судьбоносным» для психологического исследования. Это определяется его неустранимостью. Неучет этого обстоятельства ведет к новому кругу недопустимых замещений и деформаций смыслов исследуемых процессов.

Обращаясь к данной проблеме необходимо подчеркнуть, что ключевым моментом для понимания пути развития науки и ее дальнейшего развития является, во-первых, рассмотрение того пути, который совершен этой наукой с точки зрения выявления основных смысловых связей на различных этапах. Во-вторых, ключевым моментом является также определение способов исследования, их содержательной направленности и присутствия внутреннего соответствия их логике исследуемых процессов, а также связи существующих понятий с той реальностью, которую они призваны выражать.

Говоря о развитии психологического знания, имеется в виду развитие психологии как науки. Необходимо определять связь исследуемой реальности с теми понятиями, которые функционируют в данной

¹ В.А. Иванников. Психологические механизмы волевой регуляции. 3-е издание. - М.: Питер, 2006, с.10.

науке, и рассматривать специально вопрос об их соответствии. Обращаясь к данной проблеме необходимо подчеркнуть, что всякая наука в своем развитии не может отказаться от работы с собственным понятийным аппаратом. В нем отражается и история этой науки, и путь, которым она осуществляла свое развитие. В этой позиции просматривается необходимость отличать фиксирующую роль понятия от его функционального осуществления как словесно закрепления знания или понимания.

Еще одним примером подхода, ведущего к деформации предмета исследования можно считать рассмотрение самосознания. Самосознание есть рефлексивная способность человеческого Я, то есть она атрибутивна, так как принадлежит человеку. Эта способность может проявляться по-разному и на различных уровнях. В этом смысле объяснимо то, что явления человеческого сознания и самосознания исследуются целым рядом наук о человеке, начиная от психологии и заканчивая физиологией высшей нервной деятельности человека. Специальные науки о человеке обращаются к рассмотрению самосознания человека с точки зрения обнаружения характеристик его проявлений, соответствующих профилю той или иной науки. Далее, в качестве исследовательской цели выступает создание собственной специфической модели, в которой выявленные характеристики соединены в некую систему связей, сопряжений и взаимодействий. Затем эта модель предпосылается исследуемому объекту – человеку и реализует свой потенциал в создании знаний о человеке определенного аспекта и типа: физиологического, психологического, социологического, педагогического и т.п.

Гуманитарные специально-научные исследования в основном ориентированы на идею человека как целостного существа. Однако далеко не всегда эта ориентация реально осуществляется. В итоге такое положение приводит к формированию мозаичного знания о человеке, позволяющего построить абстрактную модель знания. Это означает, что наука о человеке в целом оказывается неспособной решать задачи, связанные с развитием человека, хотя и имеет большие массивы информации по тем или иным характеристикам в различных областях человеческого существования. Рациональная систематизация информационного поля гуманитарных наук, хотя и постоянно осуществляется, но не может означать достижения единства (целостности) знания о человеке и его атрибутах. Умножение информационного поля как гуманитарных, так и, по сути, других наук не обеспечивает их качественного изменения, которое бы характеризовало осуществляемый процесс развития.

Альтернативой такому состоянию – состоянию все большей кумуляции знания без наступления качественных изменений, - является реализация иных мировоззренческих и методологических оснований в развитии науки. Здесь речь идет об изначальной ориентации на целостное рассмотрение человека, на процессуальное единство его сущностной и атрибутивной сфер. Такая ориентация является методологической.

Методологический подход предполагает исследование на уровне всеобщности. В контексте классической философской традиции под всеобщностью понимается такое рассмотрение исследуемого, при котором ведущим становится вопрос о способе формирования исследуемого в области его связей с миром в пространстве реального становления. При этом пространство реального становления предполагает открытость миру как целому. То есть пространством реального становления исследуемого не может считаться любой абстрактный контекст существования, так как в этом случае исследование будет воспроизводить отдельные характеристики и даже определенные частные способы их связи, имеющие также абстрактный статус. В этом случае в качестве результата исследования будет частичное, несовершенное знание, лишь внешне касающееся исследуемого явления, процесса или объекта. О таком знании в свое время М.М. Бахтин отмечал, что это знание «об» объекте, а не знание самого объекта.

По отношению к исследованию самосознания методологический подход предполагает, во-первых, рассмотрение его в *контексте* целостности. Это означает, прежде всего, необходимость усмотрения принадлежности самосознания к реально существующей целостности, которая его и может не только определить, но сформировать, и лишь затем определить. Самосознание не может быть определено в качестве самостоятельного, то есть целостного объекта рассмотрения. Самосознание существует не само по себе. Оно есть самосознание человека. Поэтому в процессе исследования самосознания необходимо выявить то пространство, в котором подтвердится его атрибутивный статус. В данном случае можно говорить о пространстве человеческого Я, которому принадлежит самосознание. При этом понятие пространства человеческого Я само требует уточнения, в котором должно быть обеспечено недопущение отождествления его с телесностью человека.

Во-вторых, методологический подход с необходимостью требует раскрытия того, как осуществляется *связь* с миром того пространства, в котором формируется и пребывает исследуемое явление, в данном случае, - самосознание. В этом плане может быть спроецирован раз-

личный контекст рассмотрения самосознания человека. Каждый из них в качестве обуславливающего основания будет определять то или иное содержание человеческого отношения и его осознание не только к миру, но и к самому себе, то есть – самосознание. Рассмотрим основные варианты:

- человек как существо, которое связано с миром через органы чувств;

- человек как существо, имеющее опосредованную связь с миром, которая осуществляется через переработку данных органов чувств, и которая формирует абстрактный образ мира;

- человек как существо, имеющее предметно-действенную связь с миром, обуславливающую приспособление к присутствующим условиям и стандартам;

- человек как существо, имеющее деятельностно-творческую связь с миром, которое создает мир культуры, которое преобразует его в соответствии с законами развития.

В каждом из этих вариантов атрибутивный статус самосознания человека проявляется особым образом.

В первом случае «наполнение» самосознания будет полностью отвечать содержанию чувственного отражения определенной ситуации, в которой может находиться человек. Содержание самосознания человека на этом, условно выделяемом, уровне будет выражать телесно-организменное, самостное отношение к миру.

Во втором случае самосознание человека будет своим содержанием иметь первоначальные рефлексии над тем, что будут доставлять ему органы чувств. Границы этих рефлексий будут определены текущими, ситуативными, конечными обстоятельствами, в которых будет в этот момент находиться человек. В этом случае речь пойдет о рефлексивно-конформистском самосознании человека.

В третьем случае самосознание человека будет своим содержанием иметь вполне утилитарные образы мира и самого себя в контексте насущных ситуативных, конечных потребностей.

В четвертом случае самосознание человека будет содержать картину мира (определенной части мира), которую он практически осваивает, и в которой он осуществляет созидательный, творческий процесс, важный для всех, осуществляя преобразующую деятельность. Самосознание человека будет не просто включать в себя эту картину мира. Оно будет центрировать ее. Иначе говоря, самосознание человека содержательно будет «конструироваться» вокруг субъектной позиции человека, будет выражать ее. Содержание самосознания человека здесь реально будет выходить за рамки его телесности, а

также будет выходить за рамки ситуативных связей с внешним миром, то есть за рамки просто абстрактного отношения и за рамки утилитарного отношения к миру. В этом случае самосознание человека будет включать в себя содержание того мира, который он осваивает и преобразует. Такое включение не будет иметь признаки чужеродности для самого человека, то есть непринадлежности содержания мира человеку, его Я. Напротив, человеческое Я с его самосознанием, будет «расширено» и «углублено» до масштабов осваиваемого и преобразуемого им мира. В содержание самосознания человека будет в этом случае включаться проблематика мира, актуальные и потенциальные вызовы, которые требуют вмешательства, собрания сил, и может быть, жертвенности от человека. В этом случае, речь пойдет о самосознании человека как субъекта творимой истории.

Рассмотрение особенностей формирования и развития самосознания человека данного уровня невозможно без серьезной конкретизации феномена общественной преобразующей деятельности человека как субъекта культуры. Методологическими основаниями для исследования самосознания человека как субъекта исторического процесса при этом будет:

- осознание единства человека и общества;
- осознание единства духовного и материального в человеческой деятельности, в формах и процессах которой человек вступает в связь с природой;
- осознание единства сознания и бытия человека и др.

Пример из социальной психологии

Формы и способы существования человеческого мира не предзаданы. Они обусловлены особенностями общественного и природного состояния. При этом собственно общественное состояние и характеристика его связи с природой находятся в зависимости от того, какой уровень развития и какую специфику имеет то, что является реальной связью человека с природой и основой собственно человеческого существования... Формой и способом связи человека с природой является... человеческая деятельность»¹.

Человеческая деятельность не характеризует индивидов внешним для них образом. Она не выступает в роли посредника, привнесенного в ситуацию опосредования извне. Она является имманентно развив-

¹ Гусева Н.В. Культура. Цивилизация. Образование. Социально-философский анализ оснований развития человека в контексте цивилизации и культуры. – М.: Экспертинформ, 1992, с. 8.

шимся, выработанным в процессе исторического становления, вышедшей за пределы так называемого «животного активизма» формой и способом собственно человеческого жизнеобеспечения, жизнеполагания и развития¹.

Деятельностное отношение человека к миру имеет первостепенное значение. Независимо от этнической или национальной принадлежности именно в деятельности люди (человечество) создают все необходимое для своего существования и развития. Поэтому деятельностная связь с миром имеет структуру являющуюся универсальной. Эта структура не зависит в основных чертах от вида деятельности. Зависимость социальных состояний прослеживается лишь в отношении распределения функций в рамках той или иной деятельности. В этом плане выделяют два основных варианта, модели осуществления деятельности: модель целостной деятельности и модель разделенной деятельности. Модель целостной деятельности характеризует отношение к миру, в котором человек или группа людей совместно осуществляют постановку цели (1), выбор средств (2), исполнение (3) и получение результата (4) в рамках той или иной деятельности. При этом их положение друг по отношению к другу является достаточно равным. Эта деятельностная модель не приводит к появлению частичных, частных интересов. Напротив, она характеризует такую деятельностную ситуацию, при которой формируется единый интерес, объединяющий тех, кто проявляет себя в рамках целостной деятельности.

Вторая модель - модель разделенной деятельности характеризуется расчленением структурно-функциональных блоков (с 1 по 3) и закреплением каждого из них за отдельной группой лиц. При этом получение результата в условиях разделенной деятельности оказывается прерогативой первой группы. Проблема разделения труда как родового понятия, и в этом смысле как деятельности, в наиболее адекватной форме разработана в работах К. Маркса. Она раскрывается в его творчестве различными своими гранями: как основа и элемент отчуждения, как момент теории общественно-экономической формации, как общий историко-философский принцип, как основа классовой структуры и как историко-экономическая категория в конкретном описании возникновения и развития капитализма².

Необходимо отличать в рассмотрении деятельности ее «структу-

¹ См.: Там же.

² См.: К Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд. Т.42; К.Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Там же, т.3; К. Маркс Капитал. Первый вариант первого тома.

рирование» по указанным выше моделям и по видам, характеризующим содержательное наполнение или направленность деятельности. В то же время надо подчеркнуть, что характеристики деятельности, выделяемые в соответствии с ее моделями, имеют более существенный характер и последствия для формируемых на их основе социальных отношений, чем это происходит в соответствии с выделениями различных ее содержательных видов. Это объясняется тем, что сама деятельность приобретает черты не столько в соответствии с ее содержанием, сколько в соответствии с ее внутренней структурой.

Каждый вид деятельности может осуществляться по-разному в зависимости от реализуемой модели. Условия капитализма актуализируют разделенную деятельность, делая ее ведущей формой организации социальных отношений. Модель целостной деятельности реализуется в рамках творческих сообществ, групп и имеет ограниченный характер распространения.

Понятие «разделение деятельности», как известно, надо отличать от понятия «специализация». Наличие различных видов деятельности по содержанию соответственно корректирует отношение людей к миру. Так, человек, деятельностно специализированный на способах художественной деятельности, будет отличаться в своем отношении к миру от человека, специализация которого будет, например, выражена земледельческой деятельностью или деятельностью строительной и т.п. Ведущее отношение к миру (в этих примерах) будет определяться в соответствующих понятиях. В первом случае к числу этих понятий будут относиться эстетические понятия. Во втором – понятия, связанные с сельскохозяйственным производством. В третьем – понятия, функционирующие в строительной отрасли. Однако выделение различных видов деятельности как таковых не служит основанием для выявления причин возникающих противоречий между людьми или между группами людей в той же мере, как и не служит основой для появления самих этих причин.

Разделение деятельности означает, что внутри каждого вида деятельности (по содержанию) возникает структура распределения полномочий в соответствии со следующими функциями: функция постановки цели, функция выбора средств деятельности, исполнительская функция. Осуществление разделенной деятельности ведет к формированию соответствующих разделению на функции деятельности групп интересов, каждый из которых закрепляется за группами лиц, выполняющих ту или иную функцию. Иначе говоря, возникает групповой интерес целеполагающей группы, отличный от группового интереса части разделенной деятельности, которая занимается выбором средств

деятельности, и, затем, возникает групповой интерес исполнителей как особой функциональной группы деятельности.

Еще раз подчеркнем, что в условиях разделенной деятельности, возникающие групповые интересы лиц, закрепленные за различными структурно-функциональными блоками деятельности, оказываются той основой, на которой возникают противоречия. Несовпадение интересов в этом плане можно проследить как в отношении микрогрупп, так и в крупных социальных группах сообщества как объекта исследования. Если в качестве микрогрупп или крупных групп сообщества выступают группы, имеющие различные этнические признаки, то в этом случае ведущим основанием возникновения противоречий является не их принадлежность к тому или иному этносу, а принадлежность к определенному структурно-функциональному блоку деятельности ими осуществляемой.

В то же время различие их интересов, как правило, объясняется именно принадлежностью к различным этническим группам. Это объясняется тем, что легче усматривается то, что лежит на поверхности и не требует дополнительных усилий для понимания. С другой стороны, в условиях политизации общественной жизни объяснение наличия несовпадающих интересов и возможность их столкновения за счет этнических различий обладает дополнительной возможностью еще большей политизации. Это тот случай, когда со ссылкой на различие этнических интересов проводят политику разъединения стран, политику национальной вражды и в итоге политику захвата власти. Последнее сейчас актуально в свете событий на Ближнем Востоке, Северной Африке и др.

Разделение деятельности в масштабах общества усиливает процесс его атомизации. На этом фоне возникает и усиливается социальная напряженность, возникает угроза социальных взрывов и, в предельных случаях, возникает угроза гражданской войны. Именно это описывал Томас Гоббс, когда писал о «войне всех против всех». Адекватное осознание последствий масштабного разделения деятельности должно приводить к реализации соответствующих масштабных программ совершенствования социальных отношений. Однако в условиях политизации общественной жизни проекты такого рода оказываются мало востребованными. Политический вектор реализации социальных сил предполагает решение любых проблем на основе усиления разделения деятельности, в частности усиления его целеполагающего структурно-функционального блока, дополненного действиями силовых структур. Речь идет в этом случае не о снятии, по возможности большего, груза социального разделения (расслоения) деятельности, а

о том, чтобы выработать такие меры, реализация которых может обеспечить блокирование проявлений уже назревших или назревающих противоречий частных (частичных, соответствующих различным частям разделенной деятельности) интересов. Блокирование противоречий не есть их разрешение. Оно не может дать устойчивый положительный результат. Проекты разрешений таких противоречий, в свою очередь, оказываются невостребованными, так как они с самого начала ориентированы на снятие разделение деятельности как основного принципа совершенствования социальных отношений и их развития. Снятие разделения деятельности как принцип решения социальных противоречий не соответствует интересам тех социальных групп в мире, которые в условиях установившегося разделения деятельности занимают ведущее положение. Декларация заинтересованности в сохранении разделения деятельности как принципа организации социальных отношений заменяется поиском возможных причин социальных противоречий и коллизий. В этом плане указание на факт наличия этнических различий между людьми становится приемлемым «основанием» для объяснения социальных противоречий и коллизий.

Этно-исследования с точки зрения современных социальных проблем и обострения социальных противоречий, которые явно просматриваются в современной политической ситуации в мире, должны учитывать такое возможное основание исследования как феномен разделения деятельности. Это означает, что при планировании и при проведении этно-исследования необходимо особым образом вычленять те деятельностные структуры, в рамках которых организована жизнь тех или иных этносов в мировом сообществе. Если рассматривается отдельная страна, то необходимо вычленять деятельностные структуры, в рамках которых организована жизнь тех или иных этносов в данной стране.

Речь идет о распределении функций разделенной деятельности как внутри исследуемого этноса, так и в рамках либо страны, либо мирового сообщества: в зависимости от масштабности этноисследования. Вычленение принадлежности лиц к тому или иному структурно-функциональному блоку разделенной деятельности и ее фиксация сделает возможной составление своего рода карты, где будут указаны слабые места социальных состояний как в исследуемом этносе, так и в исследуемом социальном сообществе. Количественные и временные параметры, зафиксированные в этноисследовании, в свою очередь, будут указывать на меру социальной напряженности, порожденной разделением деятельности, но принявшей образ национально-этнической проблемы.

Программы

При составлении программ стандартом является определение целевых установок данной программы, которые конкретизируются в некие совокупности сформулированных задач. Постановка цели и выявление задач должно подчиняться необходимости решения возникающих трудностей в развитии науки и социальной практики. Установление трудностей как отправной точки составления программ представляет собой установление противоречивости развития данной сферы. Это значит, что нельзя начать составление программы, не выявив базового исходного противоречия, характеризующего ситуацию в науке, либо в социальной практике. Это базовое противоречие в переносе на осмыслительный уровень выступает основополагающим, исходным требованием концептуальности программы. Это объясняется тем, что концепция выражает логику погружения в сущность исследуемого явления, процесса. Исследуемый процесс при этом, как выражение какого-либо развития не может не порождать в себе собственную противоречивость, которая и должна быть выявлена при погружении в процесс исследования. Именно поэтому в качестве исходного выступает историческое развитие.

Концептуальный уровень составляемых программ должен обнаруживать все моменты, которые позволяют проявляться и разворачиваться исследуемому противоречию. В их числе наличие самоотждествленности, по отношению к которой составляются программы, наличие в ней определенного массива содержания поляризации и возникновения искомого противоречия. Отсутствие хотя бы одного элемента в программе будет означать, что она составлена не достаточно корректно. Неадекватность характеризуется тем, что программа по своим проектируемым целям и задачам не способна даже на уровне проекта отразить ни существующие противоречия, ни способы их разрешения.

К требованиям концептуального уровня составления программ относится необходимость четкого определения этапности проводимых работ в соответствии с возможностями при выполнении каждого этапа демонстрировать более высокий качественный уровень по сравнению с предыдущим. Концептуальной моделью можно считать категориально представленное соотношение, с одной стороны, меры, с другой, качественно-количественные показатели.

Понятно, что переход на новый этап с т. зрения качественных определений невозможен, если мера, характеризующая следующий этап не преодолевается. В этом случае декларация нового этапа не правомерна.

Мера - это интервал, в рамках которого сохраняются смыслы и значения данного этапа, характеризующиеся в тех или иных качественно-количественных показателях.

Следующим ориентиром, при составлении программ концептуального уровня является определение значимости планируемых работ, их направленность на изменение объективно возникшей ситуации в науке или социальной практике. Определение направления или ориентации программ не должно быть узко ситуационным, даже, если программа с самого начала посвящена какой-либо точечной проблеме.

Всякая программа должна ориентироваться на полноценную вписанность в проектируемое решение в контекст развивающегося социального бытия. Такие ориентации позволяют определить, охарактеризовать степень актуальности не только на частном уровне.

Определение актуальной ориентации, выходящей за пределы частных установок, должно являться самой замечательной частью для новых программ, если же нет, то, значит, программа носит конечный характер, т.е. автор не видит перспектив в той сфере, в которой он работает. Смысл программы в этом случае значительно понижается, т.к. конечное дело менее ценно, чем дело, имеющее перспективу.

Вывод: стандарты составления программ с точки зрения концептуального уровня, полностью ориентированы на отслеживание существенных моментов развития, которое происходит, должно происходить, или проектируется предъявляемой программой. Требования концептуального уровня прямо указывают на существенные характеристики развития, процессуально отражаемые диалектикой.

Формы проявления концептуальности выявляются в связи с различными моментами, характеризующими структуру процесса развития. Например, выявляя в структуре развития ее источник, мы тем самым показываем момент, который в мыслительном плане будет выступать существенной формой проявления концептуальности. При этом промежуточными формами являются определения исходного тождества различия и противоположности, характеризующие моменты развития либо объекта исследования, либо предмета какой-либо программы. В данном примере обнаруживается то, что концептуальность проявляется не только в исходной и заключительной фазах отражения объекта исследования или предмета программ, но и на промежуточных между ними интервалах. Эти промежуточные формы (предметности) концептуальности показывают, что последняя не является чужеродной, одномерной, разовой, внешне привнесенной характеристикой объекта или предмета программы. Концептуальность выступает «несущей конструкцией», в которой сосредоточены суще-

ствующие условия бытия как исследуемого объекта, так и разрабатываемой программы.

Учитывая, что выделение концептуальности прямо связано с выявлением логики развития чего-либо, можно сделать вывод о том, что законы диалектики характеризуют опорные конструкции концептуальности.

Особыми формами проявления концептуальности выступают модели разворачивания процессов осмысления, происходящего в мире развития. В данном случае, речь идет о философских принципах, выработанных в историческом развитии человеческой культуры. Каждый из них позволяет под особым углом зрения выявить существенное определение рассматриваемой реальности. Такой подход с его ориентацией на сущностное определение позволяет создавать проекты, в которых последующие цели будут снабжаться адекватными проектами шагов для их достижения. Мера адекватности, таким образом, обуславливается мерой, реализуемой концептуальности той или иной программы.

К задачам концептуального анализа программ можно отнести:

- Выделение в программах уровня обоснованности существующих культурно-историческими смылосодержащими характеристиками реальности.

- Определение меры адекватности налично данному состоянию социальности.

- Определение адекватности структуры последовательности этапов программы логике разворачивания целевой установки.

- Определение соответствия целевых установок программы требованиям концептуального рассмотрения их содержания.

- Определение способов достижения цели, присутствующих в данной программе, может быть признано неадекватным, если эти способы не вытекают из задач воспроизведения логики развития программного содержания.

Значение концептуального анализа программ состоит в возможности апробации проекта программ на мыслительном уровне до того, как она даст положительные или отрицательные результаты в практике явления.

Концептуальный анализ программ может давать разные вариации моделей, при которых построение самой программы может осуществляться по различным стандартам. Иначе говоря, стандарты реализации программ осуществляются по одним и тем же логическим схемам, которые между собой могут различаться. Это связано с тем, что вопло-

щенная в той или иной программе концепция не может не отразиться на формах, по которым анализируется эта программа.

Интеллект

Понятие интеллекта характеризует воспроизведение действительности как процесса конструирования ее через массивы ситуативных, конечных действий. Это одинаково касается как конструирования мыслительного, так и конструирования практического. Исследованию интеллекта посвящено ряд работ известного советского психолога – Л.С. Выготского¹.

При таком конструировании реальность оказывается представленной структурами, имеющими внешнее, « мозаичное » отношение друг к другу, не способствующее достижению реальных качественных преобразований, совершенствованию действительности и не приводящее к ним. Иначе говоря, реальность оказывается « разорванной » на те части, которые затем воспроизводятся и закрепляются в виде отдельных действий, как во внешне-действенном, так и во внутренне-психическом плане в статусе интеллектуальных процедур, осуществляемым индивидом или группой.

5. К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДА: СПОСОБНОСТИ, ОДАРЕННОСТЬ, ДИАГНОСТИКА И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Заметка 1. Феномен развития и возможности его исследования

Развитие психики и развитие ребенка - существенно отличающиеся проблемы психологического исследования. Выявление их специфики возможно лишь на основе рассмотрения сущности психики, с одной стороны, и сущности человека, находящегося в процессе развития (от детства к взрослости и далее), с другой. При этом рассмотрение психики в качестве самостоятельной проблемы с самого начала

¹ См. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.6. Научное наследие. Под ред. М.Г. Ярошевского. - М.: Педагогика, 1984, с.9 и др. (С. 86-87)

Впервые опубликовано в: Вестник КАСУ. Научный журнал. Выпуск 5. «Вопросы психологии». Личность, образование, общество. Усть-Каменогорск, 2010. - (191с.), с. 59-67.

будет конкретизироваться учетом принадлежности ее человеку в том или ином возрасте и в том или ином контексте социального существования. Если этот контекст не рассматривать, то исследование психики сразу приобретает абстрактный характер.

Понятие развития как мыслительная форма имеет исторический характер. Оно изменялось и изменяется в той мере, в какой человечество или отдельный человек оказывается способным на осознание его специфики как особого процесса, несводимого ни к процессу движения, ни к процессу изменений. Понятие развития по отношению к психике или по отношению к человеку, обладающему психикой, является существенной формой, обуславливающей движение мысли и самого исследовательского процесса.

Традиционно развитие представляется лишь количественным нарастанием изначально данных качеств.

Рассматривая детское развитие, а также развитие детской одарённости нельзя не заметить, что от того, как мы понимаем само развитие, зависит ход мысли и планы наших действий. Например, если мы считаем, что развитие – это любое изменение, которое происходит в ребенке, то нас не будет специально заботить характер, черты, направленность возникающих в ребенке изменений. Любое изменение сразу будет получать статус развития, являться его выражением и показателем.

Если под развитием понимать изменения, носящие сугубо положительный характер, то тогда встанет задача, во-первых, установления того, какие именно изменения надо считать для ребёнка положительными. Во-вторых, как обеспечить их закрепление и т.п.

В традиционно считается, что знания, умения и навыки ребёнка рассматриваются, как моменты развития. Однако надо иметь в виду, что далеко не всегда их получение соответствует развитию. Известны ситуации, когда обладающий ими человек оказывается неспособным решать возникшие задачи, изменять жизненную ситуацию к лучшему и т.д. Именно поэтому в современных науках о человеке с особой остротой ставится вопрос о сущности развития, как вполне особого явления, особого процесса, который имеет свою специфику и несводим к любым имеющим место явлениям изменения.

В истории культуры проблеме развития всегда уделялось большое внимание. В концентрированном виде человеческие искания, попытки осмыслить сущность процесса развития, представлены в диалектике как учении о развитии и всеобщих связях. Углубление в сущность развития выражено в трёх исторических этапах развития самой диалектики. Первый представлен в философии древних. Второй

- в немецкой классической философии. Третий - в материалистической диалектике Маркса и его последователей.

В диалектике разработаны понятия, характеризующие различные моменты развития, где бы оно ни происходило. Так, например, источником развития, с точки зрения диалектики, признается противоречие. Поэтому понятие противоречия, конкретизированное в диалектике, может быть чрезвычайно полезным для осмысления развития, как ребёнка, так и взрослого. В том числе может быть полезным и для специальной организации развития ребенка, скажем, в учебном процессе. Отметим, что речь идет не о противоречии, которое возникает в качестве результата чьей-либо ошибки, незнания, недоразумения. Речь идёт о другом. О том, что и как порождает процесс изменения в явлениях, людях, обществе. Противоречие, как понятие, моделирует это исходное начало изменений, приводящих к новому. Оно всегда выступает в связке с такими явлениями, которые выражаются в понятиях тождества, различия, противоположности. Эти явления носят объективный характер. Поэтому анализ понятий, их фиксирующих, полезен для осознанного построения процесса, в котором программируются нужные изменения, то есть планируемое развитие.

Для примера можно также указать на то, что в диалектике конкретизированы такие черты развития, как его «механизм» и направленность. Каждая из них через систему понятий может выступить своего рода матрицей, позволяющей по определённой модели строить реальный процесс реального развития детей. В этом случае надо, однако, заметить, что достижения человеческой культуры, выраженные в диалектике, нельзя использовать в качестве готового трафарета. Реализация возможностей диалектики требует особого подхода. Он получил название диалектического. Отказ или неспособность диалектически подходить к развитию, где бы оно ни проявлялось, приводит к подмене исходной задачи. Таким образом, вопрос о развитии снимается.

Такая ситуация часто имеет место тогда, когда исследователи ставят задачу диагностирования, например, состояния детей, не предваряя её серьёзным анализом того, что есть и в чём может быть представлено развитие ребёнка. В этом случае диагностика не даёт никакого представления о том, имеет место развитие или нет. Её результаты носят автономный характер и ни в коей мере не соотносятся с проблемой развития данных детей.

Понятие развития и явления развития могут быть исследованы только через осмысление изучаемых процессов в их целостности. Это значит, что развитие нельзя ни выделить, ни констатировать, рассмат-

ривая лишь одну или группу каких-либо отдельных характеристик изучаемого явления. Диагностика же фиксирует, как правило, отдельные параметры, характеристики состояния изучаемого явления. Поэтому традиционные диагностические процедуры не обеспечивают возможности исследовать развитие.

Реальные возможности исследования развития, в том числе и развития детей, развития науки и т.д. открываются на путях освоения культурной, исторической, диалектической традиции. Именно на этом пути открывается возможность и создание нового типа диагностики – диагностики развития человека. На этом пути открываются возможности и иной организации образовательного процесса, позволяющего достигать развития индивида, а не ограничиваться обеспечением его определённой суммой знаний, умений и навыков.

Заметка 2. Развитие и одаренность человека

Принято говорить об одарённом человеке в тех случаях, когда он проявляет какие-либо способности или возможности, заметно отличающие его от других. При этом отличия объясняют особенностями био-физиологической организации данного человека, иначе говоря, природой. Связь способности с природной данностью просматривается и в самом термине «одарённость», где корнем слова является «дар». Дар - это то, что человек имеет, но что не является его заслугой.

Понятие одарённости указывает на наличие характеристик, которые принадлежат человеку, в этом смысле они являются его атрибутами. Надо подчеркнуть, что атрибут – это то, что принадлежит объекту или явлению. Этот акцент важен для того, чтобы расчленить содержание того, что принадлежит человеку и того, что он есть сам по себе. Такое расчленение необходимо, в свою очередь, для уточнения установочной части проблемы развития: развитие того, что принадлежит человеку или развитие самого человека является проблемой для исследователя?

Существует позиция, согласно которой нет необходимости подразделять эти моменты человека, что человека надо рассматривать «в целом». Автор этих строк является приверженцем целостного подхода к человеку. Однако признание целостности не отменяет необходимости дифференцированного подхода к моментам целостности, к выявлению специфики каждого из них. Без этого не открывается возможность конкретизации процессов, происходящих в человеке и с человеком. То есть, без этого нет возможности исследования человека, которое было бы ориентировано на открытие новых горизонтов его развития.

Характеристики одарённости человека проявляются в его жизнедеятельности. Они определяются местом, временем, содержательностью, структурой, формой организации самой жизни человека. Речь идёт о том, что одни и те же био-физиологические основания и механизмы, которые оказались принадлежностью человека от рождения, могут проявлять своё действие в различном социальном содержании. Социальное же содержание, в свою очередь, находится в зависимости от развития культуры в какой-либо данный исторический период, от типа социальной организации человеческой жизни, соответствующего этому периоду. Сказанное означает, что вопрос об одарённости нельзя приравнивать к вопросу о том, что принадлежит человеку «от природы». Указание на заданную природой био-физиологическую определённую человеческой телесности не тождественно содержанию проблемы одарённости. В проблеме одарённости на первый план выступают не собственно био-физиологические характеристики, а то, как они наполняются, реализуют то или иное социально-исторически выработанное содержание. В качестве примера можно указать следующее.

Абсолютный слух у ребёнка или у взрослого – это физиологически обусловленная возможность слухового аппарата, но статус абсолютного эта возможность слухового аппарата приобретает только в связи с наличием в человеческой культуре музыки, музыкальных звуковых рядов, по отношению к которым делается утверждение о работе слухового аппарата и квалификация его, как абсолютного или, напротив, – нет. Вне соотношения с наличием и историко-культурным развитием музыки, как социального явления, вопрос о музыкальной одарённости и об абсолютном слухе просто не может возникнуть. Аналогичным, по сути, является и рассмотрение других био-физиологически определённых возможностей индивида в соотношении с вопросом об одарённости. Сюда можно отнести особенности зрения, работу конечностей, голосового аппарата и др. Особенности их био-физиологических характеристик сами по себе не выражают одарённость в полном смысле слова. Но без них проявление одарённости также невозможно. Строго говоря, био-физиологические характеристики человека – есть необходимое, но недостаточное условие о постановке вопроса об одарённости, в этом плане пример, который приводил известный советский философ Э.В. Ильенков, хорошо демонстрирует суть рассматриваемого соотношения. Он писал, что живописные шедевры Рафаэля невозможны были без кистей, красок и холстов. Однако наличие их совсем не означает наличие живописных шедевров. Действительно, кисти, краски и холсты – необходимое условие появления живопис-

ных полотен. Однако картина – это нечто иное, чем необходимые для её появления условия. Параллель очевидна: проявление особых возможностей человека, именуемого проявлением его одарённости, не может иметь место без наличия био-физиологической основы. Однако, её наличие, в то же время, не означает равенства с содержанием, присутствующим в понятии и явлении одарённости. Одарённость – это выражение определённой социально-культурно сформированной возможности человека на основе имеющихся у него био-физиологических характеристик.

К сказанному надо добавить следующее. Био-физиологические характеристики индивида могут изменяться в сторону совершенствования и в сторону деградации. Это зависит от того, как организована и что требует жизнь от данного человека. Это значит, что развитие одарённости и с био-физиологической точки зрения обусловлено социальным содержанием человеческого бытия.

Заметка 3. Соотношение одарённости и способностей человека

Проблема соотношения понятий «одарённость» и «способность» возникает при необходимости определить научную задачу – задачу исследования либо одарённости, либо способности. Действительно, порой бывает затруднительно строго расчленить границы «влияния» этих понятий. Отсюда возникает двусмысленность в определении исследовательской задачи. Например, если стоит задача исследования одарённости ребёнка, то в какой мере можно обращаться к исследованию способностей ребёнка и динамики их развития? На этот вопрос необходимо ответить для того, чтобы исключить возможные спекуляции и искажения исходной исследовательской задачи.

Учитывая то, что понятие одарённости было рассмотрено в предыдущем параграфе, обратимся к понятию «способность». Традиция его рассмотрения, сложившаяся в современной философии, психологии и смежных с ними науках демонстрирует два основных подхода к пониманию сути способности. Первый подход заключается в акцентировании природных задатков, которые рассматриваются в качестве неких «зародышей» способностей. С этой точки зрения, способность – это разворачивание уже заложенного природой. Отсюда следует, что типы способностей обусловлены био-физиологическими основаниями, передаваемыми по наследству. При этом подходе вопрос о способностях сливается с вопросом об одарённости, если последняя отождествляется с качествами, заданными био-физиологически.

Второй подход, в противоположность первому, признавая наличие био-физиологических различий между людьми, смысл способно-

сти обнаруживает в связи с имеющимися и формируемыми способами деятельности. При этом понятие «способность» оказывается полностью обусловленным социальным планом, то есть тем, какова жизнь человека в обществе, тем, какой деятельностью он занимается или вынужден заниматься. Способность выступает выражением способа деятельности или способа действий. Деятельность же человека по сути и содержанию носит именно социальный характер. Она связана с человеческими устремлениями и ни в какой мере не может быть отождествлена с био-физиологическими процессами, происходящими в человеке, в тех или иных его органах. Об этом надо помнить, например, тогда, когда стоит вопрос, кто мыслит: мозг или человек, обладающий мозгом? Или ещё: кто, (что) рисует? Человеческая рука, держащая кисть или человек, обладающий и рукой, и кистью? Эти примеры можно продолжать и далее. Однако вывод будет одним: содержание человеческой деятельности и способы её осуществления – это совсем не то же, чем являются те или иные био-физиологические органы человека, при посредстве которых осуществляется та или иная деятельность, формируются те или иные способы её, а также и способности человека.

С точки зрения второго подхода, формирование способности в полной мере обусловлено формированием способов деятельности. Например, способность к рисованию, художественному творчеству не может проявиться, если человек в своей жизни не «столкнулся» с возможностью или необходимостью художественной деятельности. Наличие в человеческой культуре уже выработанных способов деятельности характеризует содержательность социального бытия. Это выступает реальным условием и основанием для того, чтобы новые поколения людей начинали своё развитие не с нуля, а с вхождения в мир уже укоренённой культуры.

Точка зрения, согласно которой ребёнок начинает развитие с нуля, с опоры только на собственные био-физиологические основания исходит негласно из отрицания первостепенной роли культуры в жизни любого человека и в становлении ребёнка. Такая точка зрения опровергается результатами «эксперимента века» (И.А. Соколянский, А.И. Мещеряков, Э.В. Ильенков). Речь идёт об эксперименте, целью которого было развитие психики детей в процессе формирования поведения, а также развитие личности их в условиях их социальной жизнедеятельности. Эксперимент показал, что даже самые элементарные способности детей формируются благодаря наличию «культурного запроса». Действия рукой, умение видеть, слышать и т.д. по-человечески – всё это обусловлено наличием социального, культурно-

го контекста существования. Именно он наполняет содержанием биофизиологические реакции человека. Этим содержанием оказывается содержание его человеческого бытия, а не самостоятельное бытие его тела.

Проблема соотношения одаренности и способностей человека, с точки зрения второго подхода переводится в полной мере в план социальных определений. Здесь соотношение можно установить в виде различий планируемого, видимым образом формируемого и неожиданного, стихийно, спонтанно возникшего и проявившегося. Формируемое видимым образом, которое можно охарактеризовать по этапам становления, а потому и спланировать, в этом смысле получает статус способностей. А то, что своим процессом формирования было и осталось «не отслеженным», но проявилось, как некая готовая способность – получает закрепление в термине «одарённость». Наличие связи способности и одаренности усматривается традиционно, по различным видам. Это, в свою очередь, подтверждает их генетическое (то есть по происхождению) родство. Однако, признание их «родства», как правило, не сопровождается уяснением того, что они есть *одно*. *Одно*, которое проявив путь и этапы формирования, получило определение способности, а проявив не путь и этапы, а сразу результат, - получило название – одаренность.

Заметка 4. Диагностика развития ребенка как проблема

Традиционно бытует мнение о том, что диагностические процедуры имеют особое значение для построения и реализации программ детского развития. Поэтому принято в диагностических программах едва ли не центральное место отводить описанию используемых диагностических методик, делать установки главным содержанием планируемых работ.

Оправданность такой позиции может быть подтверждена лишь тогда, когда, во-первых, планируемая диагностика с самого начала не ориентирована на дробление атрибутивных характеристик ребенка (или человека взрослого, подвергаемого исследованию); во-вторых, когда уже имеются основания ставить вопрос о совершаемом развитии. В противном случае исследовательская программа, замыкаясь на идею диагностирования развития, будет существенно подменять собой искомую программу развития индивида. В таких программах позитивная часть, призванная моделировать процесс развития, на самом деле оказывается представленной перечислением планируемых мероприятий с участием индивида, на которого она рассчитана. Связь участия индивида с его планируемым развитием, как правило, не выявля-

ется. Далее следующая диагностика приобретает роль единственного свидетеля, говорящего о том, что же произошло или не произошло с индивидом в результате его участия в том или ином мероприятии или цикле мероприятий.

Таким образом, основная часть программ развития ребенка в приведенном варианте, по сути, отсутствует. Поэтому диагностированию отводится центральная роль определителя наличия или отсутствия искомого процесса. Данная ситуация напоминает не собственно исследование, а некую игру, в которой пробы, ошибки, случайные попадания и т.п. заменяют строго выверенную реализацию концепции развития. На наш взгляд, время «слепого» («методом» проб и ошибок) вхождения в проблему развития уже давно прошел. Поэтому существование практически реализуемых диагностических «программ», заменяющих собой программы развития, являются анахронизмом.

Справедливости ради надо отметить, что порой авторы программ основную часть, в которой представлены мероприятия, обеспечивающие, на их взгляд, развитие сопровождают эти мероприятия изложением целевых установок, способов проведения мероприятий и т.п., рассматривая это сопровождение достаточным основанием и обоснованием программируемых мероприятий, искренне считая их тем, что обеспечивает развитие индивида. Диагностика этапов и шагов, которыми осуществляются планируемые мероприятия, приравнивается к этапам и шагам самого развития.

На наш взгляд, именно в этом пункте и обнаруживается те проблемы как самих программ, так и планируемого ими развития, которые должны специально обсуждаться и не подменяться акцентами на проводимых диагностических исследованиях. Если такое обсуждение, - а точнее: концептуальная проработка, - отсутствует, либо носит формальный характер, то в этом случае результаты диагностики нельзя считать тем, что в достаточной мере характеризует развитие индивида, достигаемое в связи с этими мероприятиями. Промежуточным состоянием этого плана можно обозначить такое, при котором концептуальная проработка программы не отвечает адекватно на вопрос о сути развития. Следствием этого выступает конкретизация целей и задач программы не адекватная, опять-таки, тому, что действительно является развитием. Однако, учитывая, что любая эмпирически фиксируемая реальность может быть выражена в тех или иных рядах параметров, всегда остается возможность измерить имевшиеся или полученные ряды параметров исследуемого объекта или индивида. Поэтому диагностика в программах, посвященных исследованию или осуществлению развития детей или взрослых, все равно производится,

не может. При этом гарантией того, что такая диагностика что-либо может сказать о действительном процессе развития индивида, - вовсе нет. Более того, их и быть в такой ситуации не может. Это объясняется тем, что если не «схвачена» суть развития как некоего цельного явления, то и в диагностике это будет не «схваченным».

Попытка обойти проблему сущности развития и без ее адекватного решения все же создавать программы развития, внедрять их, - делает проблему диагностики развития индивидов нерешаемой. Параметры же состояний индивидов, их изменения при их измерении, установлении показывают всякий раз нечто иное, которое на поверку развитием может даже и отдаленно не являться. В этом плане надо подчеркнуть, что понимание развития как некоего множества изменений состояний индивида не выдерживает критики. На это мы обращали внимание в первом параграфе данного текста. Не спасает ситуацию и обращение к определению направления изменений, так как такое обращение означает возврат к постановке проблемы сущности искомого в исследовании – сущности процесса развития. Направление изменений параметров атрибутивного в человеке нельзя рассматривать в качестве достаточного свидетельства происходящего его развития.

Адекватная диагностика развития индивида требует, во-первых, определения его как перехода имеющейся, в той или иной мере цельной мироотношенческой позиции, к новой или существенно корреktированной в сторону совершенствования старой. При этом совершенствование должно быть выражено в появлении или усилении позитивно-культурных определений изменяющейся мироотношенческой позиции. Они известны при кратком изложении как определения Разума, Добра и Красоты. Связь этих определений адекватно может быть выражена только понятием Единства. Это означает, что диагностика этих определений в собственно количественном переложении всякий раз будет приводить к искажению результатов действительного развития индивида, если таковое будет иметь место. Количественное переложение параметров сразу же переводит их из плана реального существования Разума, Добра, и Красоты в план большого или меньшего массива знаний о них, которые имеются у индивидов. Выше мы рассматривали различие знания реального процесса и знания о процессе. В данном случае диагностика может «схватить» состояние развития индивида только тогда, когда она будет воплощать картину реального существования Единства Разума, Добра и Красоты для индивида, как его собственной мироотношенческой позиции. Это означает, что подлинная диагностика развития человека может быть проведена самой жизнью.

Для исследователей при этом все же остается возможность сознательной и заведомой ориентации. Она заключается в отыскании единства определений мироотношенческой позиции человека как таковой, включая возрастные изменения, а также в отыскании «контекстных» условий существования человека, которые фиксируют или изменяют ведущие установки человека в его отношении к себе подобным и к миру. Сказанное означает, что существующие методики диагностики, исходящие из понимания развития как приобретаемого набора свойств, знаний, навыков человеком, должны быть признанными несоответствующими явлению, которое они «диагностируют». В этом плане подчеркнем еще раз и то, что развитие индивида - это процесс, изменяющий человеческое Я, всё глубже входящего в Мир. Как таковой этот процесс несводим к субъективным качествам человека, качествам, которые принадлежат ему, являются его атрибутами, и не затрагивают суть его Я, суть его отношения к Миру.

*Заметка 5. Специфика эстетического и его значение
в развитии индивида*

Упомянутое выше расхождение знания «о» явлении и знания самого явления сохраняет свою актуальность и при рассмотрении вопроса о значении эстетического в развитии человека. Современное человечество накопило достаточно знаний «об» эстетическом. Оно регулярно предлагается к усвоению в самых разнообразных программах обучения и воспитания. И всё же формирование реально-эстетического отношения человека к миру остается в статусе проблемы, которую необходимо решать. Это решение предстоит осуществлять как отдельному человеку, так и обществу в целом. Постоянное «предстояние» проблемы выработки реально-эстетического отношения к миру не означает, что к её решению не прикладываются серьёзные усилия. Напротив, такие усилия «прикладываются» соответствующими образовательно-воспитательными институциональными структурами, отдельными людьми, стремящимися расширить горизонты возможностей человека, ответственность за которого они несут: будь то учитель, родители, экскурсоводы и др. Почему же проблема формирования реально-эстетического отношения к миру попала в ранг актуальных проблем развития индивида? Ведь имеются апробированные подходы к эстетическому воспитанию, есть серьезные программы обучения на различных уровнях по циклам эстетических дисциплин. Иначе говоря, все «технологично» в этом плане обеспечено и, казалось бы, нет особой необходимости актуализировать вопрос о специфике эстетического и его значении для развития индивида. Гладкая, беспро-

блемная на первый взгляд, ситуация в понимании эстетического и отношения к нему «взрывается» наличием в характеристиках социальной практики, в характеристиках имеющихся отношений людей к природе и себе подобным особенностей, недвусмысленно показывающих реальное отсутствие сколько-нибудь эстетически окрашенного колорита, регистра и т.п. Рассуждение о том, что не все должны, не всем дано иметь эстетическое отношение к миру, что достаточно того, что этим занимаются и это могут профессионалы-эстеты, - эти рассуждения базируются на сознательном или неосознанном признании правомерности ограничения универсальности человека теми функциями, которые он выполняет в имеющемся разделении социальных ролей. Понятно, что этот подход с самого начала снимает вопрос о развитии человека как проблеме, которую хотят решать. Если же проблема развития человека реально признается как практическая социальная проблема, то это означает необходимость иного взгляда на значимость эстетического.

Определение значимости эстетического всегда зависит от его понимания. Если, к примеру, эстетическое рассматривается в системе сугубо «рыночных» координат, то эстетическое может получить определения усиливающие или нейтральные по отношению к стоимости товара, об эстетике которого говорится. Отсюда как следствие вытекает вопрос о надобности специально выделять и обеспечивать присутствие таких характеристик товара, которые могут хоть в какой-нибудь степени признаны имеющими отношение к тому, что по сути является эстетическим. «Красота» товара как выражение присутствия связи с эстетическим может либо увеличить, либо быть нейтральным, либо уменьшить стоимость товара. От того, что именно происходит на рынке с товаром, обладающим определением «красоты» и решается вопрос о необходимости этих определений, о том, что они становятся предметом заботы бизнесменов.

Потребительский подход, как видим, лишает определения «красоты» собственной значимости, подчиняет их иным символам. В данном случае мы специально не останавливаемся на разборе того, что может считаться красотой. Движение к некоему собственному смыслу явления красоты в рамках потребительского подхода полностью исчезает. Усиление потребительского подхода и перенесение его на область отношения людей к природе, к себе подобным - вопрос о сущности эстетического заменяет вопросом о том, какие внешние черты характеризуют наиболее предпочитаемое, в этом смысле «потребное» в данный период в том или ином отношении. Надо отметить, что именно на этом смысловом поле появляется феномен моды, как на-

правления «предпочитания» присутствия тех или иных групп внешних признаков, выделяющих и отличающих друг о друга потребляемые товары. В этом смысловом поле модное считается красивым, и диктат моды исходит из рыночных ориентаций, в которых гармония, соразмерности и т.п. как символы истинной красоты, не играют ведущей роли.

Красота как образ эстетического наполняется вполне «рыночным» содержанием и вместе с ним само эстетическое в таком облике перестает иметь существенное значение для определения жизненной позиции человека. Признание эстетического как средоточия особых определений бытия человека и мира заменяются принятием эстетического как меняющегося массива характеристик внешнего плана, мода на признание которых, хоть и формальная, но всё же остается в обществе. В число таких характеристик входит и мода на знание, которое должен проявлять преуспевающий в бизнесе индивид. В этом плане речь может идти о моде на знание направлений в музыке, живописи, театральном искусстве и др. Точнее: требование иметь эти знания относится к тем, кто относится к категории «образованных людей». С бизнесом же эта категория оказывается более всего связана потому, что отвечать этим требованиям приходится именно людям, которые активно включаются в процесс «рыночного» функционирования. Именно поэтому требования моды они испытывают на себе не в режиме «проявления на досуге», а в режиме «проявления имиджа», непосредственно влияющего на осуществление «рыночного» функционирования, независимо от сферы функционирования (образование, производство коммерция, наука, художественная деятельность и др.). Последнее положение нуждается в пояснении. Речь идет именно о функционально-манипулятивном проявлении индивидов в названных и иных сферах. Содержательная деятельность в этих же сферах по определению не ориентирована на внешние требования, то есть на то, что заложено в «понятии» имидж.

Перемещение акцентов с содержательного на внешне-манипулятивный аспект необходимо иметь в виду, когда стоит практическая задача осуществления программ эстетического воспитания. Если программа эстетического воспитания реализует в отношении воспитуемого внешне-манипулятивный образ эстетического, то это означает потерю для этих индивидов (посредством этих программ, а может быть и вообще) возможности сформировать собственное реально-эстетическое отношение к миру, то есть означает потерю возможности обрести параметры полноценного человеческого бытия в мире. Альтернатива «быть» или «иметь» здесь проявится вполне, но на стороне

«иметь».

Внешне обнаруживаемым «обиталищем» эстетического, как известно, является искусство. Поэтому оно избирается в качестве сферы-поставщика обязательных к усвоению определенных массивов внешних характеристик эстетического, признанных обязательными для поддержания имиджа индивидов, выступающих функционально-ролевыми единицами, соответствующими «стандартам образования». Усвоение знаний о произведениях искусства и их авторах, умение ими воспользоваться для подтверждения, обозначенного выше имиджа, считается достаточным критерием эстетически воспитанного человека.

Произведения искусства выступают сферой воплощения эстетического опыта их авторов. Они являются результатом этого опыта, имеющем определенную форму. Усвоение знаний об их результирующих формах эстетического опыта авторов произведений искусства теми, кто осуществляет программное «эстетическое воспитание» или «эстетическое обучение», не обеспечивает выработки собственного эстетического к миру у тех, кто должен усваивать эти знания. Объясняется это тем, что формирование эстетического отношения к действительности не является процессом формального перенесения усвоенных знаний в те или иные жизненные ситуации. Усвоенные эстетические знания при их переносе на события индивидуальной жизни не обеспечат проявление собственного эстетического отношения к миру того, кто эти знания усвоил. Может иметь место лишь подражание во внешнем плане, основанное на использовании готовых стандартов, стереотипов поведения, выбора приоритетов, психологических портретов т.д. Подражание выступает формой переноса ситуаций, описанных или изображенных в произведении искусства, в жизненный контекст, в котором находится человек, использующий эти знания. Ярким примером может служить мода на цитирование произведений Ильфа и Петрова в ситуациях, которые в определенной мере напоминают описанные ими. Удачное (к месту) использование цитат может доставлять удовольствие, моделировать эстетическое переживание, связанное с мироотношением человека, действительно чувствовавшего окружающее в данном эстетическом ключе. Однако, как и всякое использование готового знания, использование цитат не свидетельствует о наличии самостоятельного, собственного эстетического мироотношения. Отсутствие его означает обедненную жизнь с точки зрения мировосприятия, с точки зрения возможности получения осознанной радости, духовной полноты бытия, возможности противостояния «зашоренности» и сохранения способности к творчеству.

Эстетическое, как таковое, нельзя сводить к атрибутам красоты или безобразности, выраженных через вещи. Поэтому обладание вещами, которым присущи такие атрибуты, не означает получения гарантии формирования эстетического отношения к миру. Вхождение же в сферу возможного эстетического опыта через эти атрибуты может происходить только в случаях, когда человек оказывается способен «погрузиться» в мир собственного существования тех субстанций, которые данные атрибуты обнаруживают. Это означает, во-первых, необходимость признания того, что возникновение сферы собственного эстетического опыта у человека прямо связано с выходом «за пределы вещей», с происхождением «через них», «сквозь них» в сферу субстанционального бытия мира. Причастность именно этому бытию мира, возникающую у человека, можно характеризовать как формируемое эстетическое отношение к действительности. Оно способно объять любые измерения существующего вещного мира и в то же время оно никогда не будет ему тождественно. Более того, вещный мир в контексте эстетического мироотношения человека будет обнажать свои «плоскостные» параметры, будет обнажать свою смыслодержательную недостаточность. Поэтому эстетическое мироотношение, сформировавшись, станет гарантом, не допускающим потерю человеком своего Я, личной позиции, не допускающим потерю своего неповторимого мира, своей вселенной «изнутри» человеком означает достижение человеком уровня собственно человеческого развития. Такой уровень качественно отличен от любого пользовательского, то есть качественно отличен от сформирования у индивида способности манипулировать в соответствии и к месту тем, что является результатом чужого, в том числе и эстетического, опыта. Это новое качественное состояние есть шаг к невозможности отступить от пути развития. Это шаг к невозможности «машинизироваться» ни при каких вынуждающих обстоятельствах. Сказанное означает, что, работая над проблемой индивидуального развития человека, исследователям и практикам надо особо отличать явления обретения собственного эстетического опыта от явлений приобретения знаний об имеющемся чужом эстетическом опыте. Пока это не будет достаточно осознано и реализовано до тех пор эстетическое воспитание будет формальным, для «галочки», а мы будем свидетелями и участниками проявления животных страстей, роботических представлений о мире и машинообразных, поточных отношений между людьми, которые превращают жизнь и каждый день в серое отбывание срока пребывания, отпущенного нам.

6. КОНЦЕПТЫ И РЕДУКЦИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Концепты в развитии научного знания имеют не формальный статус. От их наличия или отсутствия зависит направление понимания смыслов открываемых знаний, фактов. От них зависят способы и направленность проводимых систематизаций, полученных эмпирических данных, осуществляемые интерпретации, обзоры состояний и т.п. Концептами являются исходные смысловые конструкции, включающие в себя существенные определения позиции, характеризующей отношение познающего к познаваемому. При этом в концепте это отношение представлено в структурированном виде. Это значит, в нем уже выделены основные элементы, их возможная субординация, выражающая некие предполагаемые способы связи познающего с познаваемой реальностью, а также некие уже принятые познающим стандарты, нормы и правила понимания и допустимые подходы к рассмотрению познаваемого. Рассмотрение исходных концептов в той или иной науке может означать постановку задачи и возможное ее решение, связанное с пониманием состояния исследований, их глубины, определения адекватности методологической ориентации, а также прогноза ожидаемых результатов, меры их соответствия логике развития научного знания и определения актуальности необходимого переосмысления текущего состояния.

Названный круг позиций, на которые «завязано» рассмотрение имеющихся концептов, характеризует центральные узлы формирующейся содержательности в любом исследовании. Поэтому рассмотрение концептов должно иметь статус необходимого и первоначального поля изучения, которое предстоит исследованию собственно эмпирической реальности в качестве определения его основы. Сама эмпирическая реальность в исследовании будет выделена, определена тем или иным способом, и затем будет подвергнута изучению, в зависимости от принятого концепта. В то же время нельзя не отметить, что наличие концептов далеко не всегда является для ученого областью специального рассмотрения. Часто происходит обратная ситуация, которая свидетельствует об отсутствии адекватного анализа принимаемых в качестве исходных положений, на которых строится дальней-

Впервые опубликовано в: Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Научный журнал. Выпуск 5. Вопросы психологии. Личность, образование, общество, Усть-Каменогорск, 2014, с. 3-11.

шая исследовательская работа ученого. В этом случае на первый план выходят положения, заменяющие наличие концептов. Как правило, в качестве таких положений выступают фиксированные формы эмпирического знания, выраженные в эмпирических же по своему статусу утверждениях. Последние оказываются функционально связанными с определенной научной школой, в которой были получены эмпирические свидетельства положительного присутствия того, что подтверждают усматриваемые положения. Дальнейшее исследование прямо ставится в зависимость от этих фиксированных положений (утверждений). Отсутствие концепта или его замена теми или иными эмпирически фиксируемыми положениями (утверждениями) для дальнейшего исследования означает такое его проведение, которое лишено существенных ориентиров. Оно обрекает исследование на случайный подбор вариантов, использование «метода» проб и ошибок, на проявление интуиции как главного фактора успешности исследования и т.п.

Формирование концептов в развитии научного знания характеризует такой уровень в развитии науки, при котором оказывается возможной и доступной рефлексия над логикой ее развития. Это означает, что достигается понимание сути того, что происходит не только в исследовательском процессе как таковом, но и в сфере познавательного отношения современного человечества к миру в рамках развития самого мира. Рассмотрение концептов в научном исследовании означает осуществление рефлексии, имеющей философско-методологический характер. Обращение к философско-методологическому рассмотрению сути научного исследования, ее логики, а также и к рассмотрению сути и возможности выделения концептов развития научного знания, - не может и не должно характеризоваться в рамках *эмпирического* подхода, являющегося сегодня одной из самых известных линий трактовки методологии в западной философии науки¹. Эмпирическая трактовка методологии традиционно связана с присутствием в современном философском сознании редуccionистского варианта понимания самой философии. Редуccionистское понимание философии, в свою очередь, возникло как противостояние умозрительным подходам, в которых логика связи с реальными процессами, требую-

¹ См.: Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ издательство Ермак, 2003; Лакатос И. История науки и ее реконструкции//Структура и развитие науки. М., 1978; Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. М., 1986; Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992; Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000; Эпистемология и постнеклассическая наука. М., 1992; Холтон Дж. Тематический анализ науки. – М., 1981 и др.

щими глубокого понимания, а значит и познания, оказывалась не явно выраженной, что порождало неудовлетворенность и желание поиска более явных оснований получаемого знания. Возникновение позитивистской традиции в XIX веке стало своего рода реакцией на присутствие в философском сознании натурфилософских, идеалистических и др. концепций, характеризующих процессы, происходящие не только в природе, но и в обществе, в самом мышлении с позиции, где ведущее место занимает конструирование понимания. Конструирование понимания означает необходимость воспроизведения связей познающего и познаваемого, а также нахождение возможности их адекватной фиксации для последующего включения в процесс исследования. Задача конструирования понимания не может рассматриваться как задача надуманная, излишняя, чужеродная и вредная для любого познавательного процесса. Напротив, без присутствия ее определенного решения само исследование оказывается в положении неподготовленного и в большой мере безосновательного. Сказанное не означает в то же время, что конструирование понимания будущего исследования, его форм, методов, его предмета, наконец, должно заменить сам процесс исследования.

Формирование концептов, участвующих в создании и осуществлении исследовательских программ, требует глубокого осознания, во-первых, сути исследовательских программ, их ориентаций, ожидаемых результатов. Во-вторых, требует осознания сути самих концептов и способов их включения в исследовательский процесс. В этом плане следует подчеркнуть то, что мы отмечали выше, что концепт не может быть выражением простого эмпирического фиксирования того, что принадлежит к реальности. Принадлежность реальности сама по себе не может иметь статус объекта исследования. Чтобы стать объектом исследования должна произойти некая связь познающего и реальности. Ее характеристики включают в себя и определения того, каким в итоге обнаружится, будет выделен объект познания. Тип, характер и содержательность связи познающего и реальности создает ту конкретность, которая и должна выразиться в концепте в концентрированном виде, в виде логически-смыслового единства. Учитывая, что связь познающего и реальности может варьироваться в диапазоне от внешнего взаимодействия, имеющего характер безотносительного интереса к объекту исследования до интереса глубинного, выражающего ориентацию на вскрытие способа формирования не только выделяемого объекта исследования, но и самой реальности, которой принадлежит выделяемый объект, - учитывая это можно утверждать возможность различной трактовки концептов. В одном случае они будут

выражением безотносительного интереса к объекту исследования, а в другом, напротив, будут выражать ориентацию на вскрытие способа его формирования. Однако, на наш взгляд, можно согласиться с пониманием концепта только в том варианте трактовки, которая ориентирует на формирование и фиксацию сущностного отношения к объекту познания, то есть ту, которая выражает ориентацию на вскрытие способа его формирования.

По отношению к объекту исследования концептом нельзя считать его описание, в котором даны его внешние свойства, получившие при этом фиксацию в виде списков, схем, графиков, матриц, развернутых описаний и т.п. В этом случае можно отметить как раз наличие от внешнего интереса, выражающего некоторую необходимость фиксировать те или иные взаимодействия. Характеристики ориентации на вскрытие способов формирования объекта исследования и реальности как контекста, в котором этот объект определился как таковой, могут служить теми параметрами, которые определяют суть концепта. Если они отсутствуют, а есть лишь более или менее пространственные описания объекта, то в этом случае надо утверждать отсутствие самих концептов. Это означает также и отсутствие реальной, логико-смысловой ориентации автора исследования в будущем исследовании.

Учитывая, что отношение «человек-мир», «человек-реальность» структурируются и содержательно воспроизводятся в процессе деятельности, то и формирование исследовательских концептов также прямо зависит от того, насколько в каждом конкретном случае в исследовательской ситуации или в исследовательской программе присутствует адекватное осмысление параметров такой связи. Попытки рассматривать концепты как просто формы описания объектов исследования являются проявлением недопустимых редукций, которые не помогают, а затемняют, кардинально уменьшают возможности познавательных процессов.

Концепты в развитии научного знания являются существенным условием проявления методологического подхода, где под методологией понимается не действие по заранее созданным схемам, матрицам и т.п., а где под методологией понимается сфера всеобщего философского знания, которое проецируется в реальное специально-научное исследование в реальном процессе мышления, направленном на осмысление способа формирования объекта исследования, на понимание формирования исследовательского интереса, на формирование конкретной сферы реальности с ее закономерностями уже выявленными и которые еще проявляются в виде задач, проблем, парадоксов и т.п. Процесс мышления при этом не может считаться удовлетвори-

тельным, если он имеет матричный, методический, схематичный и т.п. характер. Процесс мышления с этими характеристиками не может сколько-нибудь содержательно сопрягаться с работой с концептами, которая изначально подразумевает уход от схематизма, от признания описательности как высшего, что дает познание. Концепт дает сжатую, концентрированную ориентацию на выявление пути, ведущих к раскрытию, к пониманию способов формирования того, что исследуется.

Исследование концептов в развитии науки и научного знания может и должно присутствовать в любом ее тематическом направлении. Здесь можно подчеркнуть также и то, что в имеющемся тематическом «разбросе» в развитии научных исследований также присутствует некий концепт, характеризующий состояние науки уже в более масштабном ореоле событий в процессах ее изменений, обуславливающих состоявшиеся состояния внимания и выделения аспектов, оказавшихся востребованными со стороны исследователей и направлений, которые они представляют.

В психологической науке концепты могут присутствовать в сфере различных тематических направлений. Это касается проблем развития личности (становление, обучение, профессиональное самоопределение и др.), и проблем развития человеческой индивидуальности (внимание, восприятие, память, сознание, ощущение и др.), и проблем социально-психологических ориентаций социальных групп и др. Существенное место должна занимать в определении значимости концептуального рассмотрения проблематика методологического основания развития самой психологической науки в целом.

Обозначенные группы проблем, решение которых находится в существенной зависимости от наличия и особенностей исследования концептов, лежащих в основе, можно сгруппировать в качестве направлений рассмотрения. Это поможет обозначить проблематику рассмотрения концептов не как частную и узко специфическую, а как имеющую актуальный методологический, то есть всеобщий характер. В данном случае необходимо уточнить смысл понятия «всеобщий» характер. В контексте развития классической философской традиции понятие всеобщности рассматривается как такая мыслительная форма, которая ориентирует в любом исследовательском контексте на выявление способа формирования того, что рассматривается в его связях с контекстом его происхождения, становления, изменения и развития. В классической философской традиции понятие всеобщности существенно отличается от того, что часто характеризуется как «общее» или «наиболее общее».

Поясним: общее характеризует наличие одинаковых признаков двух или более объектов. Их присутствие можно определить путем процедуры сравнения. Эта процедура носит, как правило, поверхностный характер. Она не затрагивает необходимость раскрытия существенных, объективных, необходимых, повторяющихся связей, характеризующих исследуемый (или исследуемые) объект. То есть процедура сравнения не ориентирована на вскрытие закономерностей исследуемой реальности, но она ориентирует на фиксацию некоего данного состояния и возможное его описание объекта в некоей параллели с другим или другими объектами.

Внимание к концептам развития научного исследования и научного знания не может реализовываться на основе процедур сравнения и поиска их общих черт с какими-либо другими процедурами, имеющими внешний характер. Как известно, процедуры сравнения строятся на уже принятых системах действий, ориентированных на исследование, как правило, на эмпирическом уровне. Такие процедуры, если они используются при рассмотрении развития науки, не позволяют приблизиться к пониманию этого процесса. Это вполне может быть отнесено к выявлению возможностей сравнительных процедур, проводимых по отношению к существующим определениям подходов, понятий, фактического материала и т.п. в той или иной науке. Попытки универсализировать сравнительный подход ведет к редукции содержательности к формальному выделению совпадающих или несовпадающих характеристик при анализе понятий, фактов и т.п., уже функционирующих в научном знании.

Обратимся к некоторым, наиболее характерным подходам, которые обсуждаются в области психологической науки, с точки зрения присутствия или отсутствия, качественной представленности концептуального подхода, то есть для определения наличия или отсутствия концептов, позволяющих определять перспективу исследований. Учитывая требования к объему статей, выделим из отмеченных выше тематических направлений¹ одно. Это направление исследования проблемы личности и ее развития. Рассмотрение этой проблемы является одним из основных тематических направлений современных исследо-

¹ Во-первых, это направление, где исследуются проблемы развития личности (становление, обучение, профессиональное самоопределение и др.). Во-вторых, это направление исследования человеческой индивидуальности (внимание, восприятие, память, сознание, ощущение и др.). В-третьих, это направление исследования социальных групп и их социально-психологических ориентаций. В-четвертых, это направление, где исследуются проблемы рассмотрения методологических оснований развития самой психологической науки.

ваний в психологической науке. Имеется большое количество публикаций по проблеме личности, каждая из которых выражает некую позицию, претендующую, как правило, на статус концепта или выражает принадлежность к уже имеющимся вариантам понимания как личности, так и понимания, собственно, концептов. Показательным может являться анализ вариантов понимания личности, представленных в объемной работе Кэлвина С.Холла и Гарднера Линдсея «Теории личности», которая рекомендована Координационным советом по психологии Министерства образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов факультетов психология по дисциплине «Общая психология»¹.

Авторы этой работы, характеризуя, то, что, по их мнению, влияет на понимание личности, указывают на следующие традиции: традицию клинического наблюдения², гештальтистскую традицию, а также влияние экспериментальной психологии³ и теории научения. Эти направления в данной работе охарактеризованы с точки зрения их вклада в развитие теорий личности. В то же время авторы указывают на невозможность выделить единое основание для их интерпретации⁴. Подразумевается, что допустимо множество теорий личности. Такое допущение, само по себе свидетельствует о том, что собственно теория в строгом смысле слова пока ими не обнаружена или не создана, и что наличие множества «теорий» является показателем лишь множества попыток приблизиться к пониманию феномена личности. Кроме того, такое допущение характеризует отсутствие понимания теории как строгой, не допускающей разночтений, формы организации научного знания, существенной чертой которой выступает наличие в ней открытых и зафиксированных закономерностей. Отметим, что теорию характеризует наличие и фиксация закономерностей. Это означает открытие и фиксацию необходимых, существенных, объективных и повторяющихся связей, присущих объекту исследования.

Они выделяют ряд характерных черт, присутствующих в различных «теориях» личности. Среди них: выход за пределы конвенционального мышления и предубеждений относительно человеческого поведения; функциональная направленность «теорий» личности; при-

¹ Кэлвин С.Холл и Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: Психотерапия, 2008. – 652 с.

² См. работы: Шарко (Charcot,J), Жане (Janet,P), Фрейда, Юнга, Мак-Даугалла и др.

³ См. работы: Геймгольца, Павлова, Торндайка (Thorndike, E.L.), Уотсона (Watson, J.B.), Вундта (Wundt W.)

⁴ См. там же, с. 18-26.

знание решающей роли мотивационных процессов; создание теории социального поведения¹; позиция, согласно которой адекватное понимание человеческого поведения возможно только при изучении человека в его целостности². Отмеченные особенности, роднящие, по мнению авторов названной работы, различные «теории» личности, имевшие и имеющие место в психологии, на наш взгляд, не являются достаточными для понимания того, какова реальная картина с присутствием или отсутствием собственно теоретического уровня в исследованиях личности. Поэтому остается открытым вопрос о перспективности их позиций для дальнейших исследований. Так, можно отметить, что понимание каждой из указанных черт, каждого параметра, которые рассматриваются как присущие той или иной «теории» личности, в каждом случае ставит под вопрос наличие концепта. Точнее: показывает его отсутствие. Это означает, что направление исследования в целом в предъявленных вариантах, не ориентированы на вскрытие закономерностей в развитии личности. Они показывают ориентацию на присутствие ситуативных подходов, ситуативных интересов к феномену личности, а также показывает перспективу и возможность ситуативных описаний, полученных эмпирических данных.

¹ «Наиболее важной для социальных наук, - отмечал Мак-Даугалл,- является та область психологии, которая рассматривает источники социального действия, импульсы и мотивы, поддерживающие телесную и ментальную активность и регулирующие поведение; и из всех областей психологии именно эта наименее развита: в ней царит неясность, неопределенность, путаница» - Цит. по: Кэлвин С.Холл и Гарднер Линдсей. Теории личности. – М.: Психотерапия, 2008, с.23.

² См. там же, с. 23.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

1. ПОНИМАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ НАУКИ

Обращение к вопросу о перспективах и путях развития науки сегодня стало чрезвычайно актуальным. Это объясняется тем, что современное развитие, состояние и возможности мышления позволяют делать предметом исследования путь, который совершается наукой. Речь идет о выявлении логики развития науки и научных исследований. Анализ и понимание логики развития науки позволяет сократить время блужданий, попадание в методологические тупики и заблуждения в самих исследованиях. Результаты и плюсы адекватного осмысления основ науки и научных исследований становятся условием раскрытия путей ее дальнейшего развития. Эти возможности прямо связаны с диалектическим мышлением, с диалектической логикой, с диалектикой.

В современном понимании диалектика - философская теория развития природы, общества, мышления и основанный на этой теории метод познания и преобразования мира. Диалектика как логика, теория познания является и методологией, выражающей закономерности диалектического мышления в процессе исследования объективного мира природы и общества. Понимание сути диалектического осмысления оснований научного исследования как методологического феномена и процесс его реализации необходим учёному для того, чтобы не скатываться на путь «проб и ошибок», на путь непонимания происходящего, а значит и на путь непонимания следующих шагов в раскрытии сущности и форм проявления предмета исследования.

Методология как диалектическое, исторически сформированное разумное мышление выступает *связью культуры* с осуществляемыми специально-научными исследованиями. Эта связь не может быть формальной, матричной, «примененческой». Такая связь всегда является деятельностью творческой, созидательной, социально-значимой, воспроизводимой диалектическим мышлением. Диалектическое мышление прошло путь своего становления вместе со становлением и раз-

Впервые опубликовано в «Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки». Монография / Под общ. ред. д.ф.н. Н.В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2017, с. 28-42.

витием культуры и выражает закономерности становления самой культуры.

Однако в современном мире существует не только диалектическое мышление, но и метафизическое¹. В связи с этим понимание исследовательского процесса и методологии, как его основе, является различным. Как известно, основными вариантами существующего понимания методологии являются диалектическое, где диалектика присутствует как логика, теория познания и методология, и метафизическое, которое прямо сопряжено с присутствием и активным распространением в сфере научного сознания эмпиризма, а также связанного с ним позитивизма и его современных форм.

Рассмотрение отличия, с одной стороны, метафизического и, с другой стороны, диалектического понимания мышления и, соответственно, методологии, и их влияния на научные исследования и на развитие науки является актуальным. Так как различные их варианты создают различную же ситуацию как в самом процессе специально-научного исследования, так и в науке в целом. Проектируемый и осуществляемый исследовательский процесс на основе различного понимания мышления и, соответственно, методологии обуславливает получение существенно различных результатов.

В контексте метафизически-позитивистской позиции, характеризующей специфическое понимание исследовательского процесса, методология рассматривается как массив эмпирически-обязательных процедур и действий с методами, готовыми знаниями и сопутствующими объектами в научном исследовании. Мышление, при этом, понимается как «процедурное» сопровождение. Эти процедуры и действия носят либо частный, либо общий характер и в этом виде они применяются в качестве «матриц», образцов и, своего рода, «основ», на которых конструируется исследование. «Матрицы» и образцы предпосылаются исследованию, существуя вне и до него.

При этом возникают проблемы их *применения* и понимания того, что же все-таки представляет собой и чем результируется научное исследование в том или ином случае. Эта проблема заключается, во-первых, в определении границ *применимости* тех или иных методов, имеющихся знаний, процедур и сопутствующих объектов в исследо-

¹ См.: Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. (Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М.: Политиздат, 1980;

Гусева Н.В. Диалектика и метафизика в современном общественном сознании: к постановке проблемы//Сборник материалов XVI Международной научной конференции "Ильенковские Чтения", Москва, 2015, с. 200-208.

вании. Во-вторых, в определении истинности, *объективности* и т.д. результатов исследований, проведенных с использованием определенных процедур и методов. Эта проблема воспроизводится всякий раз, когда имеет место попытка осуществить и интерпретировать научное исследование с точки зрения эмпирического подхода. Отмеченная ориентация в научном исследовании на выбор, и применение готовых методов, матриц, стандартов, готовых знаний выражает ее эмпирическую принадлежность. Эмпирический подход к научному исследованию и к оценке состояния развития науки в целом, выражает повторяемые стандарты *взаимодействий*.

Под стандартом *взаимодействий* подразумевается представление об исследуемом объекте как средоточии на нем и в нем воздействий *внешних* факторов и наличие производимых им (объектом) ответных реакций. *Исследовательским полем* для ученого в этом случае оказываются *внешние* воздействия на объект и его (объекта) определенные ответные реакции на них. Вспомним известную формулу-структуру интерпретации познавательной ситуации: S (стимул) – R (реакция). При этом целостность объекта, его внутренние процессы не становятся предметом осознания и познавательной ориентации. «Логика взаимодействия» оставляет за пределами внимания ориентацию исследования на познавательный процесс, который нельзя сводить к «орудованию» методами, процедурами или готовыми знаниями. Вместо этого основной заботой исследователя оказывается проблема выбора для использования методов, готового знания или процедур, их применение, а затем заботой становится интерпретация и верификация полученных данных.

Такая ситуация в исследовании полностью отвечает характеристикам эмпирического его понимания и эмпирического к нему отношения. Здесь понимание мышления и методологии выражают, соответственно, *способность* и *путь* отношения к исследованию как *выбору* и *применению* систем действий, методов, готового знания, методик и процедур, то есть как к производимой серии достаточно внешних манипуляций.

Утилитарно-примененческие традиции в понимании исследования и его основ, трактуют «методологию» как функционально-методическое явление, как частно-воспроизводимую процедуру, которая зависит только от индивидуальной готовности того или иного исследователя манипулировать, применять шаблонные знания о шаблонных процедурах. Не будем отрицать, что последние также имеют место в научной деятельности, но они не составляют ее суть, а напротив, противостоят ей.

Воспроизведение в мышлении процессов *применения* готового знания, матриц, схем является формой рассудочной деятельности, так как оно полностью представлено манипулятивными, частными, конечными процедурами, основанными на внешних взаимодействиях, с одной стороны, и на имеющихся «методологических» требованиях, а с другой. По отношению к существующим задачам реальных исследований это означает, что требования, как статичные, внешне предпосылаемые явления, предлагается совместить с процессами, которые имеют свою логику – логику развития, а не «логику» предпосылания.

Научное исследование как процесс познания ориентирован на выявление сущности происходящих с объектом процессов. В предпосылаемых требованиях, как формах готового знания, не может быть отражена логика процесса, так как требования по существу статичны. Они могут быть использованы по «логике» *применения*, а не по логике процесса. Применение требований не предполагает процесс их распрямления, установления их глубинной связи с тем, по отношению к чему они применяются. Применение есть создание ситуации, в которой обеспечивается *внешнее взаимодействие* требования с материалом (объектом), который подвергается исследованию. Внешним оно является потому, что требования предпосылаются объекту или материалу исследования, а не порождаются в процессе его освоения. Именно поэтому действие в процессе исследования по образцу, в соответствии с уже известными требованиями не способно вывести исследование на новый уровень, привести к открытиям.

Понимание «методологии», как сферы рекомендаций к применению готовых знаний и использованию методов, означает ее редукцию к эмпирическому уровню. На этом уровне она не может выступать основанием, обуславливающим понимание закономерностей объекта исследования, а форма ее включения в исследование трансформируется до роли *методики*. На этом уровне максимальные достижения укладываются в требования систематизации накопленных эмпирических данных и получение траекторий видимых изменений в рамках проекций на основе уже имеющихся, выделенных в эмпирическом исследовании, данных. В современной западной философии науки¹.

Процесс применения имеющихся знаний в виде требований, методов или методик, уже обретших статус готовых, завершенных, предпосылаемых процессу познания, означает осуществление проце-

¹ См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983, С. 35; Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986 и др.

дурного, внешнего отношения к ним. Внешнее употребление этих «средств» к объекту исследования через их применение по отношению к нему не предполагает получение достоверного знания об их соответствии ему, а значит, не обуславливает получение достоверного знания его сущности, его связей с контекстом его формирования и т.п., то есть не приводит к его глубокому познанию.

Надо отметить, что при процедурном, внешнем отношении к исследованию сами употребляемые готовые знания, методы, методики, схемы, требования имеют статус «вещных» форм, имеющих самостоятельное существование, которыми можно манипулировать независимо от того, что собой представлял путь и контекст их возникновения, формирования. Готовое знание, метод, методика, схема сами как «вещные» формы не выступают предметом интереса тех, кто ими манипулирует, так как целью манипуляции не является выявление логики, контекста их возникновения, формирования. Целями и формами манипуляциями могут быть их передача, сохранение, систематизация, классификация по тем или иным параметрам, а также их использование в проводимых процессах. Проведение исследований по образцу, «трафаретно», по «логике» взаимодействия образца с исследуемым объектом, - не может считаться сколько-нибудь творческим процессом или творческой деятельностью. Они с самого начала имеют статус манипулятивных процедур, выражающихся системами конечных, ситуативных действий. Поэтому отношения к методологии они не имеют.

В условиях, когда «методология» рассматривается как некое расширенное методическое знание, необходимо четко различать феномен методического знания как выражения предпосылаемых систем действий и методологию как диалектического мышления, «работающего» в процессе специально-научного исследования. Такое различие далеко не всегда имеет место. Чаще всего рассмотрение методологии ограничивают использованием *терминологического* подхода. С точки зрения последнего методология – это «учение о методе». Признание достаточности терминологического подхода к пониманию методологии порождает формальное, а значит, и неадекватное к ней отношение. На первое место при терминологическом подходе выходит акцент на то, что это *учение*, то есть определенная система постулатов и дополняющих их данных.

Традиционно в сфере науки функционирует представление о методологии как *учении* о методе. Оно представлено сложившейся системой *готового* знания о методах, которое имеет вполне завершённый вид и характер и не предполагает какого-либо дополнительного рас-

смотрения и уточнения, за исключением включения в него дополнительных *данных о* новых методах, возникающих в процессе развития тех или иных наук.

Признание во многом формального статуса понимания методологии как *учения о методе*, с набором принадлежащих ему положений, сегодня проявляется в виде всем известного и во многом также формального требования, предпосылаемого любой научной работе, начиная от курсовых, дипломных, реферативных работ и заканчивая кандидатскими и докторскими диссертациями. Это формальное требование выражается в обязательности указания на методологические основания, на которых та или иная работа делается. Однако это указание не обеспечивает сколько-нибудь серьезного присутствия методологии как реального способа и основы исследовательского процесса.

При использовании терминологического подхода в истолковании методологии допускается акцент не только на то, что методология – это *учение*, но и на то, что она есть *учение о методе*. Также традиционно считается, что методология как *учение о методе* конкретизируется перечислением и описанием применяемых в научных исследованиях методов, которые представлены массивами сведений о них. Градации по методам, например, к которым, как известно, относят специально-научные, общенаучные и всеобщие, касающиеся принципов формирования и организации научного знания, и др. сопровождаются большим количеством описаний, призванных конкретизировать их особенности и возможности при применении в тех или иных научных исследованиях.

Такие описания всегда носят по существу *функционально-методический* характер, так как касаются сферы *применения* методов как готового *инструментария*. Отношение к методам как *инструментам*, которые можно *использовать, применять* по тому или иному образцу, вполне соответствует существующему подходу к пониманию методологии, которое широко распространено в социально-институциональной сфере науки. Оно изначально замещает собой рассмотрение процессуальной стороны реализации методов в научном исследовании. Понимание методологии как *учения о методе*, то есть как системе постулатов, имеет *внешнее* отношение к процессуальной стороне развития науки и к необходимости осмысления основания процесса исследования, познания.

Понимание методологии как функционально-методического явления сопровождается редукцией сущности исследовательских методов лишь к их *инструментальной* стороне. В этом контексте, подчеркнем, присутствие методологии становится *формальным, внешним*

требованием. Наличие этой ситуации подтверждается всякий раз, когда ученый не считает для себя важным и необходимым до проведения исследования, как, впрочем, и в его процессе, озадачиваться методологическими проблемами и раздумьями над анализом собственного мышления. В этих ситуациях методология реально мыслится или понимается как *учение*, которое существует, но само по себе, за пределами осуществляемой научно-исследовательской деятельности. При этом понимание методологии присутствует как признание наличия неких групп требований, нормативных характеристик, которые должны быть *применены, использованы* в качестве привносимых в научное исследование моделей, инструментов, присутствующих как атрибуты оснащения, соответствующие сложившемуся институциональному статусу науки в определенный период ее существования. Многим, в этом плане, известны главы и страницы, посвященные методологии в учебниках и других изданиях, систематизирующих известное знание о методах, используемых в науке, и их классификации. Именно нахождение во внешнем плане по отношению ко всякому исследовательскому процессу определяет статус «методологии» не более как *учения*.

В современном философском и научном сознании существует достаточно большое разнообразие трактовок методологии, которые строятся на редукциях. Ведущими среди них являются редукции понимания методологии либо к методике, либо к области общих рассуждений, которые лишь уводят от реальных научных проблем. Здесь речь идет о следующих вариантах редукций: всеобщего к частному, процедурному, с одной стороны, а с другой стороны, - к умозрительному, не имеющему оснований в реальности.

Редукция методологии на уровень методики полностью «консервирует» исследование на эмпирическом уровне с преобладанием на нем методического начала, методических подходов как уже ставших *инструментов*. А редукция ее к умозрительному феномену вовсе отрицает необходимость понимания ее реальной значимости. Продуктивным для научных исследований и для развития науки является отказ от этих редукций.

Не редуцированное понимание методологии как диалектического мышления (идеальной формы предметно-практической деятельности, имеющей созидательный, социально-значимый и творческий характер), присутствующего в процессе специально-научного исследования, может осуществиться, если обратиться к рассмотрению того, что в реальности лежит в основе всякого исследования. В этом рассмотрении в итоге закономерно возникнет вопрос: методология – это способ деятельности или действий, осуществляемый в мышлении и затем

в исследовательской практике? Обратимся к некоторым соображениям по этому поводу.

Всякое научное исследование осуществляется определенным способом. Способ выступает тем, что конструирует процесс исследования. Он выражает не только отношение к объекту со стороны исследователя, но и определенную конфигурацию первоначального понимания объекта и того, каким образом надо его познавать. Если у исследователя отношение к объекту нейтрально-поверхностное, то способ его исследования будет соответственно ограничивающим глубину познавательной задачи. При поверхностном отношении к объекту исследования и к самому процессу исследования познавательная задача оказывается ограниченной лишь уточнением поверхностных свойств объекта, проявляемых им *здесь и сейчас*, и необходимых для его узнавания и отчленения при сравнении с другими.

Способ исследования здесь будет выражать устремление закрепить внешние его характеристики, отличающие его от других объектов. При этом способ будет считаться удовлетворяющим задаче, если он будет характеризоваться операциями (*действиями*), позволяющими уточнять и закреплять те или иные свойства объекта, чтобы в итоге получить его описание, достаточное для отличия от других. Способ, ориентированный на выявление внешних характеристик объекта, включает в себя *действия*, выделяющие данный объект от других, отчленяющие одни свойства данного объекта от других его свойств, а также действия, регистрирующие различия выделенных свойств и их совокупности и т.п. Такого рода *действия* обусловлены ситуацией и после их завершения не требуют продолжения. В этом плане они имеют ситуативный и конечный характер.

Если же задача исследования – выявление сущности объекта, то способ, ведущий к получению лишь описания объекта, будет недостаточным и потому невостребованным, а при, все-таки, его использовании он будет приводить к тупикам и ложным выводам по отношению к задаче познания сущности объекта. Способ исследования, который мог бы быть удовлетворяющим задаче выявления сущности объекта, должен быть ориентирован на выявление *способа его формирования*. Это означает, что такой способ должен воспроизводить условия существования объекта исследования в том контексте, в котором он существует как таковой, его связи с этим контекстом, его целостность, внутренние противоречия и т.п. Такой способ должен быть *деятельностью*, в которой исследователь будет двигаться по логике исследуемого объекта.

Деятельность в отличие от действия (или системы действий)

представляет собой целостность, несводимую к совокупности ее частей. Для яркости понимания этой несводимости деятельности к совокупностям действий, можно вспомнить образ художника Рафаэля, пишущего свою Мадонну. Так, чтобы написать картину, он должен был осуществить множество действий: подготовка холста, красок, кистей и т.п. Но все они вместе не есть то, что определяет его написанный шедевр. Они здесь все вместе выражают необходимые системы действий Рафаэля. Но они ни вместе, ни порознь не характеризуют его художественную целостную деятельность, в процессе которой он создавал и создал свой шедевр. Иначе говоря, деятельность нельзя отождествлять с системой действий.

Характеристики целостности деятельности обусловлены не просто ее собственной структурой, в которой имеется цель, выбор средств, исполнение и получение результата. Определения целостной деятельности обусловлены характером ее обращенности к объекту и контексту его реального существования (включая и познаваемый объект). Так, все элементы структуры целостной деятельности (цель - выбор средств - исполнение - получение результата) обращены и наполнены характеристиками объекта тоже как целостности. Это значит, что объект при деятельностном отношении и интересе к нему исследователя не выступает для него изначально просто набором свойств, которые надо зафиксировать. Напротив, объект изначально рассматривается как целостность, которая имеет свой способ существования, свои основы, свои противоречия, свои связи с миром, в контексте которых, собственно, и появляются его свойства и иные определения. Целостное деятельностное исследовательское отношение не «обрезает» все существенное, определяющее объект, в пользу выделения и фиксации только его внешних свойств. Целостное деятельностное исследовательское отношение не сводит познавательную задачу к процедуре и результату, которые способствуют лишь узнаванию и отличению данного объекта от других. Целостное деятельностное исследовательское отношение к объекту и процессу его познания никогда не остается лишь ситуативным и конечным. Оно всегда имеет в себе созидательный, социально-значимый и творческий потенциал. Это объясняется еще и тем, что целостное деятельностное исследовательское отношение к объекту и процессу его познания не остается в рамках некоей частной, заданной ситуации.

Раскрывая способ формирования объекта (его сущность), исследователь в той или иной форме отвечает на востребованность знания, отражающего ранее неизвестные характеристики самой реальности, не вырванные из контекста существования исследуемого объекта, то

есть имеющие не абстрактный статус в виде отделенных от него групп его свойств, а конкретный статус для своей науки, общества. Знания с характеристиками, отражающими способ формирования, конкретность, целостность объекта исследования, всегда являются социально-значимыми, а потому востребованными. В них всегда присутствуют результаты совершенного творческого, созидательного отношения ученого к объекту и процессу исследования, так как раскрытие способа формирования невозможно, если оставаться лишь на уровне фиксации внешне определяемых свойств. Раскрытие способа формирования объекта исследования уже по своей задаче требует осуществления целостной творческой деятельности, не по штампу, не по образцу.

Таким образом, способы, которые имеют различные ориентации (на описание или на сущность) имеют различную суть. Первые – представляют собой действия или системы действий, имеющие ситуативный, конечный, а потому манипулятивный характер. Вторые – представляют собой целостную деятельность. Целостная деятельность всегда является творческой, созидательной, социально-значимой. Это важно отметить, так как существуют трактовки деятельности как системы действий. В этом случае речь идет, по существу, о деятельности разделенной. Разделенная деятельность выражает группы систем действий, каждая из которых имеет свою специфику в зависимости от того, какую часть разделенной деятельности она выражает. Это могут быть системы действий в рамках функции целеполагания, или в рамках функции выбора средств, или в рамках исполнительской функции. В любом из этих случаев системы действий не являются тождественными тем или иным вариантам целостной деятельности и не могут заменить ее.

В рассмотрении вопросов понимания связи *способа, метода и методологии* есть еще один аспект. Он касается их соотношения и характера знания, в котором это соотношение может быть запечатлено. Обратимся к этим характеристикам.

Способ, которым осуществляется исследование, не является просто методом. Методом способ становится тогда, когда он получает закрепление в *знании «о» способе*, или в *знании способа*. Иначе говоря, чтобы стать методом, способ должен перейти из статуса *действий* (совокупности действий) или из статуса *деятельности* в статус *знания*.

Методы, которые характеризуют схемы ситуативных конечных действий в определенных узких границах, являются *частными*. Если они выражают схемы действий в ситуациях более широкого спектра распространения, то они получают название *общих*.

Если рассматриваются методы, которые выражают знания *о способах деятельности*, то в этом случае они имеют статус абстрактно-всеобщих. А если эти методы характеризуют *знание способов целостной деятельности*, то в этом случае они имеют статус конкретно-всеобщих, то есть философских, а точнее: они имеют статус диалектико-логических методов или диалектико-логических принципов.

Способы действий или способы деятельности как основа и структура исследовательского процесса могут осмысливаться с точки зрения сформированного знания о них, то есть речь идет о знаниях «*о*» методах. В этом случае будет актуализироваться вопрос о *применении* методов, то есть вопрос о том, как будет или как должно реализовываться знание *о* них.

Вопросы понимания методов, их систематизацию традиционно относят к методологии как *учению* о методах, о трактовках которой мы упоминали выше. В акцентах на значения слов-терминов на первое место выходит «логика слова», а не «логика дела», то есть не логика способа деятельности или способа действий. Способ, закрепленный *в знании о* нем, уже есть явление, переведенное в *логику слова*. По отношению к феноменам *знания* вопросы его реализации являются и обязательными, и всегда опосредованными. Опосредования в процессах реализации *знаний*, включая и знания *о* способах и знания *способов*, становятся решающими, то есть они определяют судьбу того, что в итоге реализации будет получено. По отношению к исследованию это также справедливо. А именно: то, как будет реализовываться знание либо *о* способах, либо знание *способов* зависит и процесс исследования, и его результат, то есть от него зависит перспектива проводимых научных исследований, а в итоге и судьба самой науки.

Другой вариант понимания методологии – диалектический – напротив, с самого начала ориентирует по выявлению логики как отдельного исследовательского процесса, так и логики развития науки в целом. Речь идет о *единой* логике процессов взаимосвязей, присущих миру и человеческому бытию, которые отражаются в познавательном процессе, суть которого проявляется и в существовании науки.

Сведение методологии (являющейся на деле процессом диалектического мышления в сфере специально-научных исследований) к матричной трактовке имеет свое существенное следствие по отношению к пониманию процессов, происходящих в науке в целом.

Такое сведение программирует недопустимую «подмену» в рассмотрении *единства* научного знания в научной картине мира вопросом об его *интеграции*. Суть этой подмены заключается в недиалектическом отождествлении феноменов и понятий «единства» и «инте-

грации». Интеграция выражает постулирование *взаимодействий* как основы рассмотрения вместо раскрытия *связей* и *единства* между науками. Установление наличия *интеграции* осуществляется на основе оценки их состояния по отношению друг к другу, в котором обнаруживаются сходные черты и процессы.

Анализ интеграционных процессов, осуществляемый на основе «матричной» трактовки методологии, приводит к вычленению структурно-функциональных изменений в «стыковых» областях наук. При этом проблема *единства* науки и научного знания как таковая остается за пределами рассмотрения. Интегративная тенденция в понимании логики и судьбы науки и научного знания подтверждает присутствие эмпирического подхода.

С точки зрения эмпирического подхода развитие науки в целом получает описательную характеристику. В этом плане в ней оказываются выделенными / представленными исторические периоды на основе установления преобладания использования тех или иных методов и процедур. Совокупность такого рода описательных характеристик никоим образом нельзя рассматривать как выражение подлинной, реальной логики развития науки. Эти совокупные описательные характеристики изменений в науке возникает в результате произвольных актов систематизации и классификации разрозненных данных о совершившихся исследовательских процессах.

Единство наук и научного знания можно установить, если осуществляется выявление *единства* способов формирования объектов исследования и подходов, на основе которых они (эти способы) были определены. Ожидание *единой* научной картины мира не является случайным или несущественным для судьбы всей науки как явления культуры. Речь идет, по сути, о выявлении логики ее развития. Именно она является основанием создания *единой* научной картины мира. К числу задач на этом пути надо отнести конкретизацию сути методологического в контексте развития научного знания. А также определение моделей понимания методологического с тем, чтобы осуществлять сознательный выбор оснований, на которых возможно реальное развитие науки как творческой деятельности, выступающей важным основанием развития не только самой науки, но всей человеческой культуры. Кроме того, учитывая специфику методологии как сферы диалектического мышления, имеющего всеобщий характер, необходима конкретизация позитивного влияния диалектико-логического рассмотрения на решение стоящих перед наукой проблем, выявление способов осуществления ожидаемых и необходимых корректировок процесса формирования специально-научного знания, а также выяв-

ление характеристик исторического и логического в развитии науки, которые определяются как *единство* и выражают *логику* поступательного развития науки¹. Это означает необходимость понимания методологии как явления процессуального, ориентированного на выявление оснований любых процессов, имеющих место в науке в целом и в любой специальной науке.

Научные понятийные системы воспроизводят характеристики феномена всеобщности на частном и общем уровне. При этом часто возникают коллизии, связанные с неадекватностью осознания содержания выработанных понятий, работающих в той или иной науке. Неадекватность, как правило, выражается в несоотнесимости работающих в науке понятий с понятиями целостности и конкретности, выражающими фундаментальные базовые определения бытия, в контексте которых находится и исследуемый объект. Результатом этой несоотнесимости является абстрактность осмысления исследуемого содержания, которое фиксируется в понятийных системах тех или иных наук. Результатом несоотнесимости является также итоговая мозаичность современной научной картины мира. Целостность и конкретность осмысления объекта исследования как реализуемых принципов познания - это единственный путь обнаружения феномена всеобщности. В сфере научного познания рассмотрение оснований более всего ориентирует на выявление конкретности и целостности. В полной мере это прерогатива методологии как сферы всеобщего философского мышления и знания как процесса.

Реализация диалектико-логического подхода к рассмотрению науки является условием понимания ее сущности и перспектив развития на всех этапах человеческой истории. Осмысление, которое относится к сфере методологии, с самого начала выражает деятельность разума и характеризуется процессами осмысления частного с точки зрения его формирования и развития как целостности, то есть с точки зрения логики всеобщего.

Познавательная практика человечества стала предметом исследования с далекого прошлого. Значимость такого исследования состоит в том, что благодаря выводам, которые человечество научается делать, проводя такие исследования, становится возможным понимание логики процесса развития. Установление закономерностей в раз-

¹ «Замечательный характер имеет взаимосвязь, существующая между наукой и теорией познания. Они зависят друг от друга. Теория познания без соприкосновения с наукой вырождается в пустую схему. Наука без теории познания (насколько это вообще мыслимо) становится примитивной и путанной» // Эйнштейн А. Собр. науч. Трудов. Т.4. М., 1967.с.310.

витии науки способствует перспективному прогнозированию ее реальных шагов и возможностей.

2. ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Мыслительные процессы в общественном сознании являются центральным оформляющим различные его содержательные сферы и аспекты влиянием. Поэтому рассмотрение состояния общественного сознания в тот или иной период развития общества находится в существенной зависимости от ведущих для рассматриваемых периодов способов мышления. Построение некоей общей картины мира и в том числе общей картины развития общества задается тем, каковы базовые параметры мыслительной деятельности. В истории культуры были выявлены и достаточно тщательно проанализированы основные параметры мыслительной деятельности. Они представлены в двух противоположных способах мышления: метафизике и диалектике. В контексте современного миропонимания их присутствие также легко обнаруживается. Главной задачей рассмотрения диалектики и метафизики, при этом, оказывается не просто указание на наличие их проявлений, но главной задачей является получение ответов на два основных вопроса. Первый вопрос требует уяснения того, насколько создаваемая картина мира и общественного развития общества и человека является адекватной происходящим в реальности процессам. Второй вопрос затрагивает область необходимых и возможных коррекций общественной жизни, которая оказывается востребованной в соответствии с полученными ответами на вопрос первый. Оба этих вопроса вместе направлены на понимание и возможность необходимых изменений возникающих состояний в общественном бытии в сторону сохранения и развития того, что оценивается положительным для общества и человека и выступает в статусе вывода, который можно получить, давая ответы на эти поставленные вопросы.

Постановка вопросов и предполагаемые ответы на них будут существенно различаться, если эти «действия» проектируются с точки зрения противоположных методов или способов мышления, отмеченных

Впервые частично опубликовано в: Материалы XVI Международной научной конференции ИЛЬЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. Э.В. ИЛЬЕНКОВ: ДИАЛЕКТИКА И КУЛЬТУРА (к 90-летию юбилею). М: 2014.

выше. Речь идет о метафизике и диалектике как способах и методах мышления, или подходах.

Метафизический подход характеризуется жесткой ориентацией мышления, его установок на анализ статичных состояний, имеющих «здесь и сейчас» в той или иной сфере и точке анализируемого содержания. Он оказывается востребованным всегда в тех случаях, когда ведущим выступает некий индивидуальный или общественно-групповой интерес, обусловленный позицией сохранения уже имеющегося, уже состоявшегося в бытии. В этом подходе не присутствует интерес к выявлению закономерностей качественных изменений. Он не ориентирован на прогноз будущих состояний, за исключением тех, которые жестко диктуются продолжением, дальнейшим тиражированием, количественным ростом во времени того, что проявило себя «здесь и сейчас» в качестве того, что удовлетворяет ситуативные запросы.

Диалектический же подход ориентирован на рассмотрение картины мира, общества и человека с точки их развития и с точки зрения ориентации на раскрытие присутствующих в самом развитии закономерностей. Поток общественных интересов, чтобы отвечать мыслительной ориентации на продолжающееся развитие, должен совпадать с практическим подтверждением и соответствующим ему осознанием хода объективных процессов. Ориентация на объективность, один из центральных параметров, миропонимания, характеризующего реализацию диалектического подхода в мышлении. Однако в общественных отношениях присутствуют и активно проявляются интересы не только дальнейшего и осознанного развития, но и интересы, которые характеризуют позицию сохранения, желая зафиксировать и сделать неизменяемым положение уже достигнутого состояния благополучия, стабильности и т.п. определенной части социума.

Различие диалектики и метафизики как мыслительных подходов может быть охарактеризовано как отношение противоположности. Эта противоположность выражает наличие сферы общественных интересов, где, с одной стороны, проявляется понимание и стремление реализовать логику развития, где осознается необходимость и закономерность качественных переходов на новые уровни, а с другой стороны, проявляется нежелание понимать и принимать правомерность и необходимость качественных изменений. Исходные позиции диалектики и метафизики как способов мышления и подходов к пониманию происходящего в этом плане прямо и всегда связаны с действующими общественными и групповыми интересами, влияние которых, в свою очередь, распространяется на интересы отдельных индивидов.

Существующие общественные формы осознания происходящего, как в природе, так и в реальности общественного бытия, сохраняют свою содержательную специфику, соответствующую исторически сформировавшимся и выделившимся в человеческой культуре качественным сторонам человеческого мироотношения. К ним, как известно, традиционно относят такие формы общественного сознания, как философия и религия, мораль и политика, право, искусство и наука. Всякая попытка осмыслить состояние, закономерности и особенности общественного бытия в аспекте этих форм общественного сознания с необходимостью сопрягается с характеристиками самого осмысления. Различные варианты осмысления, основанные на диалектическом или метафизическом способах миропонимания, закономерно приводят к различным выводам и пониманию происходящего. В полной мере это касается всех названных аспектов: философского, политического, религиозного, эстетического и т.д. В современный период происходит актуализация роли общественного сознания в понимании и решении стоящих перед обществом задач. К их числу необходимо отнести, прежде всего, проблемы выживания человечества. Глобальное и региональное в этом плане, так или иначе, сохраняет смысл стоящих проблем выживания человечества. Взаимосвязь региональных состояний и особенностей решения глобальных проблем становится все более очевидной.

Так же проявляет глубокую внутреннюю связь и то, что принято рассматривать в качестве уровней общественного сознания: идеологического и социально-психологического. В современный период социально-психологический уровень проявления общественного сознания все более идеологизируется. Это подтверждается тем, что массовые выступления последнего периода становятся все более и более «заточенными» на вполне осмысленные идеи, которые получают определенное обоснование, а не просто являются стихийными и эмоционально насыщенными проявлениями толпы. Собственно же идеологический уровень общественного сознания все более оказывается подверженным влияниям идей, порождаемых массовыми движениями. В этом случае речь идет о том, что активность масс все более проявляет свою ярко выраженную идейную направленность. В этом плане возникает ситуация, когда идеологемы порождаются в форме процедур оформления того общественного или социально-группового смысла, который уже вызрел в общественном бытии. Иначе говоря, идеологическое конструирование общественного бытия в современном мире имеет два своего рода способа формирования. Во-первых, это концептуальное оформление интересов крупных корпоративных

сил в глобализирующемся мире. Во-вторых, это концептуальное оформление региональных интересов, связанных с традициями сохранения государственных суверенитетов, национальных культурных традиций и т.п., которые получают активный отклик у различных народов.

Актуальность еще одного обращения к рассмотрению следствий метафизического мышления определяется широким распространением такой формы его проявления как редукционизм, который обуславливает негативные следствия в развитии, как общественного сознания, так и в решении практических задач. О редукционизме можно говорить в том случае, когда принципом в рассмотрении любых процессов становится осуществление трансформации исходного объекта рассмотрения с точки зрения вариативности позиций, выражающих частный, конечный, ситуативный интерес. Широкое распространение и в известном смысле «универсализация» редукционистского отношения к решению любых задач обуславливается современным состоянием в общественных отношениях. Их функционирование моделирует схему ситуативно-потребностных взаимодействий между людьми, которая переносится в качестве стандарта выявления смыслов и значений на массивы объектов, событий, явлений и т.д., требующих определенного понимания, интерпретации, формирования их целостного образа. Универсализация редукции как приема переводит ее из частного метода оперирования какими-либо данными, характеризующими тот или иной объект исследования или рассмотрения, в статус метода мышления. В этом виде редукция проявляет свой негативный потенциал, так как приводит к существенному искажению смыслов и значений того, что рассматривается. Прежде всего, это касается трансформации культурно-исторических смыслов человеческой деятельности, человеческого существования в смыслы, имеющие ситуативный конечный характер, а также процессов, характеризующих общественного сознания в контексте развития культуры. Редукционистское (метафизическое) мышление в корне отличается от диалектического мышления, которое является условием формирования адекватного миропонимания и мироотношения.

Ориентация на опережающее осмысление проблем общественной жизни становится чертой, характеризующей современное общественное сознание. Эта ориентация объясняется высоким интеллектуальным, образовательным и культурным уровнем основной части современного населения планеты. Именно поэтому, сегодня можно ставить вопрос об «эффективности», глубокой смысловой оправданности рассмотрения способов и следствий различных типов мышления: рассу-

дочного и разумного, метафизического и диалектического. Каждый из этих типов мышления имеет внутри себя некое базовое конструктивное начало. Оно всегда присутствует в любом отношении к окружающему миру. Одним из таких конструктивных начал выступает отношение к миру как целостности, с одной стороны, или как некоей совокупности какого-либо множества разнообразного содержания, с другой. Если осмысление производится с точки зрения понимания мира как совокупности многообразного содержания, то в этом случае возникает необходимость остановить взгляд на каждом элементе совокупности. При таком подходе проблема определения природы, сущности целого вообще не ставится. Каждая часть совокупности приобретает самоцельный характер. Возникает ситуация, как мы отмечали выше, «здесь и сейчас» в качестве генерального направления осмысления и понимания происходящего. При таком подходе ведущей становится позиция статики. В масштабе всей совокупности возникает проблема взаимодействия элементов данной совокупности. Этот акцент в осмыслении возникает с необходимостью, так как совокупность предполагает самостоятельное, автономное существование элементов. Она не есть целостность, поэтому вопросы связи ее элементов не рассматриваются в процессе осмысления, но заменяются моделями взаимодействий. Уточним отмеченное по поводу характеристик модели «взаимодействия» при миропонимании.

Взаимодействие, как известно, характеризует такой тип отношений между двумя или более сторонами, при котором каждая из них сохраняет свою самостоятельность. Взаимодействия имеют место в живой и неживой природе, в обществе, в отношениях между людьми. Различают непосредственные и опосредованные взаимодействия. Социальные взаимодействия могут именоваться словом «контакт». В технической сфере, как известно, существует понятие «контакт». В самом исходном виде оно указывает на взаимодействие, которое не приводит к качественному изменению контактирующих сторон, то есть не приводит к перерождению в иное, в котором нельзя было бы обнаружить самих контактирующих, взаимодействующих сторон. Эта особенность сохраняет свое значение при перенесении понятия «контакт» в сферу социальных отношений людей. Можно говорить о контакте между людьми, если их отношения имеют внешний характер. Контакты необходимо отличать от общения людей. Так, например, контакт имеет место, когда человек вступает во взаимодействие с кондуктором, рассчитываясь за проезд в общественном транспорте. В этом случае, как правило, не имеет место глубокое взаимное проникновение личностных характеристик пассажира и кондуктора друг в

друга. Аналогично можно говорить о социальных контактах или взаимодействиях в большом количестве социально-институциональных ситуаций, при которых идет обмен тем или иным содержанием потребностей во внешнем плане. Читатель и библиотекарь взаимодействуют в условиях потребности со стороны читателя в библиотечном обслуживании, а со стороны библиотекаря, - социально обусловленной, ролевой необходимостью обеспечивать процесс обслуживания. Такая же ситуация имеет место в любых организациях, осуществляющих взаимодействия: в магазине, в спортзале, в аэропорту и т.п.

Взаимосвязи, характеризующие отношения, присущие целостности, существенно отличаются от взаимодействий. Они характеризуют такой тип отношений между двумя или более сторонами определенной целостности, при которой определения сторон взаимно переходят друг в друга. В таком взаимопереходе всегда имеет место формирование некоего нового качества, несводимого к первоначальной совокупности участия сторон, входящих в данное отношение. Понятие взаимосвязи может выражать отношения и процессы, происходящие в природе, обществе и человеческом мышлении. Они носят всеобщий и универсальный характер. Выявление взаимосвязей означает процесс обнаружения точек развития, качественных изменений, точек перехода в новые состояния.

Процессы в обществе, в природе, в технике могут не только рассматриваться, но и воспроизводиться и на основе логики взаимосвязей, и на основе логики взаимодействий. При этом итоги отношений в каждом из этих двух вариантов будут существенно различаться. Эти типы отношений определяют форму осуществления всех социальных процессов и процессов их осмысления.

Современное общественное сознание включает в себя варианты реагирования на общественное бытие, в которых ведущим и определяющим выступает, с одной стороны, то, что моделирует метафизический способ мышления и миропонимания, а с другой стороны, то, что характеризует присутствие диалектического способа мышления и миропонимания. Проявления этого можно отмечать, рассматривая различные аспекты осознания общественной жизни: философские и научные, политические и правовые, религиозные, нравственные и эстетические. Масштаб необходимого исследования этого плана чрезвычайно велик. Мы же обратимся к рассмотрению некоторых из таких проявлений, для того, чтобы показать их реальное присутствие и значимость для рассмотрения.

Обратимся к особенностям осмысления происходящего в ряде

направлений общественного сознания. В частности, обратимся к философскому, научному, политическому и нравственному сознанию, как имеющих место в современном общественном сознании.

В философском сознании образ современной эпохи рисуется многочисленными штрихами и красками, которые свидетельствуют о «многоголосице», а не о наличии единства [1]. При этом философский образ современной эпохи может инициировать, во-первых, создание нового материала чувственного реагирования на некоторое бытие, то есть выступать подпиткой разворачивания эмоционально-психологического реагирования масс на имеющееся и предполагаемое в некоторой перспективе бытие. Во-вторых, он может выступать обозначением востребованной тенденции миропонимания, основывающейся на определенных основаниях, характеризующих общественное бытие. В этом случае речь идет о вольном или невольном создании материала для проявлений идеологического уровня в общественном сознании, обретающего формы философских концепций или их подобий.

Однако образ и реальность, послужившая исходным пунктом его создания, не могут совпадать в достаточной степени. Различие существует также и между реальностью и тем, как она может быть осмыслена. Обнаружение различий образа и реальности, с одной стороны, и реальности, и особенностей ее осмысления, с другой, можно рассматривать в качестве двух, во многом параллельных, процедур или задач. Схематичность рассмотрения может иметь смысл лишь в той мере, в какой имеется необходимость дифференцирования образа и понятия. Учитывая, что в современном философском сознании ярко проявляется «склонность» к смешению мыслительного и образного подхода (или отношения) к рассмотрению реальности, необходимость дифференцирования образа и понятия является существенным условием для обеспечения адекватности рассмотрения любых проблем и состояний, как самой реальности, так и общественного сознания. В то же время само дифференцирование образа и понятия будет существенно отличаться от того, какой способ мышления лежит в основе.

В современном общественном сознании метафизический способ мышления реализуется по трем, условно выделяемым, линиям. Первая линия характеризует традиционные его проявления. Вторая линия - это линия реализации метафизического способа мышления. Она представляет собой некое совмещение традиционного и постмодернистского вариантов. Третья линия характеризует проявления, которые можно отнести к позиции постмодернизма, ориентированного на выход из ограниченности собственных постулатов.

Первая линия реализации метафизического способа мышления в его традиционном проявлении закрепляется в философском сознании либо в виде статичных образов бытия, либо в виде мыслительных конструкций, претендующих на системность, завершенность, статичность, эффективную применимость как таковых в различных бытийных ситуациях в качестве «руководства к действию». Руководство к действию при этом, как правило, приобретает статус технологий осуществления самих действий. По отношению к образам создание таких руководств есть переход в сферу технологического манипулирования общественным сознанием с помощью серий образов. По отношению к создаваемым мыслительным конструктам допускается ситуация востребованности и возможности использования в виде идеологем, сопровождаемым ссылками на некие имеющиеся философские обоснования. Использование идеологем также носит манипулятивный характер. Заказчиками процессов манипуляций общественным сознанием с помощью, как образов, так и идеологем выступают общественные силы, проявляющие интерес к определенному ходу социальных изменений, который соответствует их материальным интересам.

Проявлениями второй линии реализации метафизического способа мышления в современном философском сознании является отказ от целостности в понимании того, что рассматривается. При этом основная ставка делается на определение объекта рассмотрения как совокупности определенных частей, на выявление взаимодействий между частями, которые, якобы, способны существовать сами по себе, в отрыве от имеющейся природы объекта как целого и т.п. Объектом рассмотрения, при этом, может быть страна, народ, культура, духовные ценности, традиции и др. В итоге формируется ложное представление об отсутствии необходимости понимания целостности и ее рассмотрения. В общественное сознание вводится образ мира, который, якобы, конституируется из случайных наборов самостоятельных частей, элементов и т.п. Такой образ вполне отвечает названию - эклектический. Эклектика как следствие метафизического способа мышления делает проблематичной адекватное понимание процессов, происходящих в развитии общественного бытия и сознания. Эта линия в реализации метафизического способа мышления в современном общественном сознании прямо связана с провозглашением образа и идеи мира, центральным содержанием которых является идея и образ неупорядоченности. Поэтому считается, что идею упорядоченности, системности как проявление «зашоренности» сознания необходимо разрушать, с тем, чтобы выйти к пониманию того, что есть на самом деле. При этом считается, что снятие именно сознательных стереотипов

обнаруживает массивы неупорядоченного бытия. На этом фоне дается критика системности, упорядоченности. Она характеризуется как результат действия самого человека, его понятий, здравого смысла. Бессистемность рассматривается как «матрица», как базовая модель, характеризующая состояние мира, его декларируемую содержательность. В связи с этим, например, Делез критикует «мнимое опьянение могуществом разума» в современности, в основе которой лежит стремление к представимости мира и его элементов.

Третья линия проявления метафизического способа мышления в современном философском сознании, связанная с развитием постмодернизма, также ориентирована на критику возможностей человеческого разума. Она сопровождается, во-первых, сведением его к формам рассудка, и, во-вторых, сопровождается предложениями обратиться к интуиции. Так, Делез, говоря о недостаточности уровня представлений в миропонимании, как уровня рассудочного, в то же время предлагает перейти не к уровню понятийного, разумного, а предлагает перейти к постулированию сверх-значимости интуиции. По его мнению, нужно мышление, способное к интуитивно-интеллектуальному схватыванию неразложимой целостности мира. Разум Делез склонен отождествлять с рассудком, который останавливается на различии, на дифференциации и не доходит до понимания целостности. «Предчувствие» необходимости схватывания целостности мира и попытка приблизиться к ней через интуицию, показывает слабость рефлексии постмодернизма, показывает, насколько современный постмодернизм отстал от диалектики. Именно в диалектике в процессе ее исторического развития происходило осмысление движения человеческого разума к постижению целостности мира. Классическая диалектика с самого начала различала уровень рассудка и уровень разумного постижения мира.

Распадение целостности образа мира закрепляется в идее «хаосмоса». Для общественного сознания появление этой идеи означает полную трансформацию миропонимания и представления о мире, которые были характерны для всего периода развития человеческой культуры. На фоне предложений отказа от классической культуры, ее образов и идей предлагается обнаружить мир «разрозненности» или различий, скрывающий «истинные объективности, состоящие из дифференциальных элементов и связей, наделенных специфическим «модусом проблематичности». Образы и идеи классической культуры предлагается рассматривать в качестве иллюзий, которые необходимо отбросить.

Постмодернистский вариант истолкования сути общественного

сознания подводит черту и в понимании культуры в целом. В рамках постмодернистского истолкования находит свое выражение такое понимание культуры, при котором ее присутствие либо вообще не обнаруживается, либо обнаруживается ее антипод вместо нее. Отождествление культуры и «массовой культуры» заставляет авторов постмодернизма вопреки первоначальным тезисам о необходимости освобождения от стереотипов сознания делать заявления в пользу нового витка «закрепощения» не только сознания, но и реальности. Это закрепощение осуществляется отсутствием смысла. Потеря смысла объявляется нормой и для самого мышления. По мнению Лиотара, мыслящий разум мыслит для того, чтобы установить правила тому, что еще только будет создано. Но сами эти правила на фоне общего обесмысливания всего и вся, также теряют всякий смысл. Общественное сознание в контексте постмодернистского философствования характеризует наличие «обездушенного» мира (Лиотар). Образ и идея обездушенного мира усиливаются и дополняются специальными рекомендациями. В их числе упразднение целого, как нормативного обрамления для оценки новых технологий и критический масштаб для «выздоровления» культуры. Отмена единых рамок рассмотрения культуры превращается в отмену самой культуры. Провозглашаемый плюрализм, при этом, оказывается удобным способом утверждения правомерности разрушения культуры.

Тенденция в общественном сознании на упразднение понимания и учета целого, целостности проявляется в форме провозглашения идеи мира как хаосмоса - мозаичного явления, которому не присущи закономерности, становление и развитие. Образ «хаосмоса» как ведущий принцип мироотношения определяется моделями неупорядоченности, усматриваемыми в самой действительности авторами, выступающими от имени постмодернизма как одного из явлений философского сознания последнего времени. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наряду с глубоким погружением в стихию метафизического способа мышления, со всеми его следствиями, - в постмодернизме присутствуют также и некоторые суждения об его недостаточности и о необходимости обращения к интуиции для возвращения, все-таки, к пониманию целостности мира. Это «отклонение» от принятой «логики» признания неупорядоченности мира в сторону поиска понимания его целостности, хотя и с помощью рекомендаций обращения к интуиции, является показательным. Оно показывает, что человеческое мышление, не полностью перешедшее на метафизический способ, оставляет за собой возможность понимания недостаточности и отсутствия перспектив в обращении к пониманию мира с точ-

ки зрения ситуативности, частичности, раздробленности, статичности, описательности и т.п. Рекомендация возврата к интуиции свидетельствует об обнаружении явной недостаточности метафизического способа мышления. Однако в случае с постмодернистским «прозрением» дальнейшее движение мысли и миропонимания предлагается не обратиться на уровень разума, а напротив, предлагается вообще уйти из сферы мышления как такового в сферу интуитивного мировосприятия.

Реализация диалектического способа мышления обуславливает выход за пределы непосредственных обозначений рассматриваемых явлений, которыми можно манипулировать, создавая образы, описания, классификации, некие смысловые схемы и т.п. Этот выход осуществляется в сферу осознания реальных «полей», или контекстов, существования того, что рассматривается с точки зрения выявления способов их становления и развития. Осмысление с такой ориентацией существенно изменяет и процесс, и результаты миропонимания, углубляя их, делая их более адекватными реальности. По отношению к уже созданным в общественном сознании манипулятивным процедурам диалектическое мышление обуславливает реальную возможность критического переосмысления их оснований. Это связано с выявлением самих корней заинтересованности в создании и использовании для манипулирования общественным сознанием статичных (деформированных) образов реальности, и смысловых схем (идеологием).

В философском сознании находит свое явное выражение дисбаланс в социальных отношениях, который определяется глобализацией процессов разделения деятельности, дальнейшей атомизацией индивидов и технологизацией человеческих отношений. Эти процессы становятся матрицей мировосприятия и мировоззрения и основным содержанием общественного сознания. При этом продолжаются многочисленные попытки осознания текущей ситуации [2], как в общественном сознании [3], так и в общественном бытии [4].

В научном сознании как существенной области общественного сознания также сохраняется и проявляется различие исходных установок и результатов осмысливаемых реальных процессов с точки зрения метафизического и диалектического способов мышления.

По определению научное сознание выражает широкий круг содержания познавательного отношения к миру. Метафизический способ мышления конструирует модель познавательного отношения на основе воспроизводимых внешних взаимодействий познающего и познаваемого. В классификации этапов развития науки эта специфическая форма закрепления познавательного отношения к миру получила

название классической. Для классического этапа, как известно, характерным является ориентация научных исследований на выявление взаимодействий, происходящих между объектами макромира, которые при этом сохраняют свою самостоятельность, как в процессе взаимодействия, так и после него. Здесь можно отметить большое количество исследований, проведенных в рамках ньютоновской механики. Подчеркнем, что исследуемое взаимодействие не отменяет возможность и необходимость обнаружения влияний друг на друга объектов, которые находятся во взаимодействии. Однако это влияние является достаточно внешним для каждого из них, и именно поэтому объектам удается сохранять свою самостоятельность в контексте происходящего взаимодействия и после него.

Формируемая на основе параметров взаимодействий научная картина мира с периода классического этапа (с периода Нового времени) становится в общественном сознании ведущей формой миропонимания. Классическая научная картина мира создает образ мира, в котором взаимное влияние познающего и познаваемого друг на друга оказывается минимальным. Оно проявляется лишь в виде их взаимодействия в контексте самого познавательного процесса, включая и процедуры выбора объектов исследования. Поэтому в сфере научных исследований вопросы влияния человека на мир, на протекающие в нем процессы считались надуманными для задач познания мира как такового. Образ мира и образ познания носили самостоятельный характер. Эти образы не включали в себя их собственную внутреннюю взаимосвязь. Научное сознание в контексте общественного сознания в связи с этим сохраняло свою «отстраненность» от текущих проблем общественной жизни. Эта «отстраненность» проявлялась в миропонимании, основанном на научных постулатах и принципах, в качестве наличия особого мироотношения, мало доступного широкому кругу людей, занятых обыденными делами. В массовом сознании, совпадающим по времени с Новым временем и последующим периодом общественного развития, а также совпадающим с классическим периодом развития науки (научной картины мира, научным сознанием, научным мироотношением), - наука выступала, в известном смысле, в качестве самостоятельно существующей сферы и, прежде всего, сферы знания. Научное сознание на уровне социально-психологического проявления, выражающего реакции больших масс людей на то, чем является наука и что происходит в ней, аккумулировало в себе особые характеристики (выводы, рекомендации), которые можно отнести к сформировавшемуся в массовом сознании мироотношению и, в известном смысле, миропониманию. К ним относятся:

- Познание, научное исследование - самостоятельный, во многом закрытый процесс.

- Результаты научной деятельности выражают содержание, которое мало или вообще не востребовано в обыденной жизни.

- Знание о мире, которое дает наука, касается неких точек, которые не влияют существенным образом на понимание мира в целом.

- Отношение к миру наука (классического периода) рекомендует осуществлять по модели «стимул-реакция», то есть: воздействуй и получишь результат. При этом воздействующая сторона мыслится как бы находящейся за пределами процесса и результата взаимодействия с объектом, то есть она сохраняет свою самостоятельность, находится «над» процессом, оставляет за собой право изменять ситуацию и распоряжаться ею.

В массовом сознании относительно науки современного периода сохраняется во многом такое представление о науке и о том, что она допускает в качестве рекомендации, характерные для классического периода ее развития. Однако в результате существенных изменений в самой науке, связанных с новыми открытиями, начиная с рубежа XIX-XX веков и по сегодняшнее время, ситуация в общественном сознании начала меняться коренным образом. Научные исследования микромира подтвердили наличие взаимосвязей и внутренней обусловленности сторон познающей и познаваемой. Эти данные о взаимосвязях и внутренней обусловленности стали основой для выделения новых состояний в развитии самой науки. Они выразились в выделении неклассического [5] и постнеклассического [6] этапов в развитии науки. Переход от неклассического к постнеклассическому этапу в развитии науки характеризует углубление подтверждаемой взаимосвязи человека и мира.

Постнеклассический этап, как этап, соответствующий современному состоянию в развитии науки, традиционно характеризуется в самом общем виде тем, что весь исследовательский процесс и получаемые в нем знания понимаются как зависимые от определений человека. Такая зависимость становится решающей как для процесса исследования, так и для статуса формируемых в нем новых знаний. На первый взгляд, является несколько «странным» выделение присутствия человека в процессе научных исследований, который акцентируется при рассмотрении постнеклассического этапа развития науки. Обнаружение этого элемента «странности» объясняется тем, что в любой исторический период процесс научного исследования осуществлялся человеком и, тем самым, его присутствие и влияние на исследование и на его результаты, казалось бы, является «онтологически

заданным», то есть не требует специального рассмотрения и доказательства. Однако эта «онтологическая заданность» присутствия человека в научном исследовании не отменяет того исторического факта, который характеризует изменение в современном общественном сознании понимания процессов познания и историческое изменение понимания статуса получаемых результатов.

Осмысление положения человека в мире, а также осмысление статуса форм его мироотношения, статуса методов познания, его результатов и т.п., - все это, качественно изменяясь, становилось на каждом следующем этапе неким новым основанием, в соответствии с которым смыслы и содержание познания также изменялись. В них в результате этих изменений формировались особые акценты, которые, при специальном рассмотрении могут обнажить характеристики самой человеческой реальности, понимание внутри нее человека, того, чем он является в мире и т.п. К числу таких акцентов, проявившихся в постнеклассической науке, надо отнести представление о постоянной включенности деятельности субъекта в «тело знания» не только средствами и операциями, но и ценностно-целевыми структурами. В научных исследованиях онтологически обнаруживается включенность фактора присутствия человека. В связи с этим возникает необходимость осмысления таких итоговых характеристик научного знания как объективность, истинность и др.

Взаимосвязь как ведущее понятие этого периода ориентирует на более пристальное внимание к процессам становления и самоорганизации, к пониманию отличия статусов процесса и результата научного исследования, к переосмыслению соотношения естественных и социально-гуманитарных наук, к осмыслению глобального влияния человека на природу, которое надо рассматривать не только на внешнем уровне, но и на внутренних уровнях как уровнях макро-мира, так и микромира и в известном случае - на уровне мега-мира. Природные процессы трансформируются в условиях сопряженности с человеческим участием. Сохранение природы сегодня, как известно, является одной из задач человечества.

В сфере научного познания и научного сознания диалектический подход ориентирует на рассмотрение оснований, на выявление конкретности и целостности того, что рассматривается, включая контексты реального существования объектов исследования. В полной мере это прерогатива методологии в ее диалектическом понимании. Однако привычное, преобладающее понимание методологии, постоянно проявляющееся в современном общественном сознании, сводится к признанию наличия неких групп требований, нормативных характери-

стик, которые должны быть использованы в процессе научного исследования в качестве моделей, методов добывания нового знания.

Соблюдения процедур реализации заданных схем действий, схем анализа и т.п. в полной мере относится к сфере методического знания, которое вполне соответствует, в традиционном понимании, требованиям рассудка, то есть подходу, соответствующему метафизическому мышлению. Феномен всеобщего, как выражение диалектического мышления, в сфере научного знания до сих пор является неосвоенной «территорией». В современном научном сознании господствует негласное представление о методологии:

- либо как о методике в обозначенном выше смысле;
- либо как об области общих рассуждений, которые лишь уводят от реальных научных проблем.

В том и другом случае имеет место редукция всеобщего к частному, процедурному, с одной стороны, а с другой стороны, имеет место редукция к умозрительному, не имеющему оснований в реальности. В противовес этому необходимо подчеркнуть, что существование феномена всеобщности является внутренне присущим развивающемуся миру и человеку. Поэтому понятие всеобщности не должно редуцироваться к различным формам схематизма и матричности. Сведение методологии как сферы всеобщего к матричной трактовке программирует «подмену» в рассмотрении единства научного знания вопросом об его интеграции. Суть этой подмены заключается в отождествлении понятий «единства» и «интеграции». Интеграция выражает постулирование «связи» между системами знания, присущими различным наукам, как бы извне, в процессе оценки их состояния по отношению друг к другу. Анализ интеграционных процессов, осуществляемый на основе «матричной» трактовки методологии, приводит к вычленению структурно-содержательных изменений в «стыковых» областях наук. При этом проблема единства научного знания как таковая остается за пределами рассмотрения.

В политическом сознании также проявляется различие исходных установок и результатов осмысливаемых реальных процессов, как с точки зрения метафизического, так и с точки зрения диалектического способов мышления. Основные параметры этих различий выше уже были обозначены.

В политической сфере мироотношенческие проблемы и проблемы политического сознания определяются областью отношений классов, партий и государств по поводу осуществления власти. В современный период содержательным полем или контекстом рассмотрения

особенностей политического сознания является процесс глобализации, охвативший практически все регионы планеты.

Актуальность проблемы глобализации на сегодняшний день обусловлена тем, что в ней находит свое отражение происходящий процесс социальных трансформаций. Он затрагивает все сферы жизни общества, прежде всего экономическую и политическую. Речь идет о существенной интеграции экономической жизни многих стран, имеющих различный уровень развития. Традиционное деление на развитые страны и страны третьего мира не выступает классифицирующим интеграцию основанием по уровням. Это с одной стороны. С другой стороны, происходящая интеграция между странами, находящимися на существенно отличающихся уровнях экономического и иного развития, не приводит к выравниванию их положения. Напротив, имеет место закрепление характеристик ранее достигнутого уровня развития, которое приобретает в контексте интеграции статус специализации той или иной страны. Для стран третьего мира формой такой специализации, например, оказывается роль сырьевых или иных «придатков» более развитых стран. Главным ориентиром социальных трансформаций, происходящих сейчас в мире, является достижение нового порядка распределения и распоряжения имеющимся совокупным мировым богатством. Активизируют это движение к новому порядку те силы, которые более других хотят и могут установить свой контроль над совокупным мировым богатством. Учитывая, что данный процесс затрагивает интересы многих стран и народов, разработана и реализуется концепция глобализации. В ней задается некая группа «универсальных» моделей процесса социальной трансформации. В этих моделях присутствует образ единого человечества, устроившего свою жизнь на разумных основаниях. При этом остается открытым вопрос о том, насколько основания проведения мировой интеграции действительно разумны, а не являются выражением лишь корпоративного интереса ведущих политических элит мира, использующих логику объективных процессов. Как известно, предшественницей концепции глобализации была всем известная идеологическая ориентировка на общечеловеческие ценности под флагом процесса «деидеологизации», которая должна была отвлечь внимание народов и социальных групп от их жизненных интересов и проблем, без решения которых вопрос об общечеловеческих ценностях был бы безнадежной абстракцией, направленной против них.

Выделившиеся подходы к определению сущности процесса глобализации (функционалистский, апологетический, технологический), позволяют по-разному интерпретировать происходящую глобальную

социальную трансформацию. Главным недостатком этих интерпретаций является то, что их потенциал с самого начала ориентирован не на анализ целевых установок осуществления и рассмотрения процесса глобализации, а на собственно «технологии» его осуществления и соответствующие ей результаты. Отказ от анализа исходных целевых установок процесса глобальных социальных трансформаций лишает исследование его смысловых оснований, делает его фрагментарным и не способным дать сколько-нибудь практически значимый результат. Ограничение рассмотрения лишь технологической частью проблемы прямо свидетельствует о присутствии реализации метафизического способа мышления.

Методологически более выверенным, адекватным является ориентация на анализ объективного социального процесса как целого, укорененного в практической деятельности современного человечества, в котором помимо его частей присутствует определенный закон их связи. Именно он должен стать исследовательской доминантой для определения сути тех или иных социальных трансформаций и их интерпретаций, к числу которых относят глобализацию. В этом проявляется ориентировка на реализацию диалектического способа мышления. В политическом сознании такая ориентация своим следствием имеет или может иметь учет логики реальных процессов, которые имеют свои основания и закономерности. Это значит, что и на социально-психологическом, и на идеологическом уровнях политического сознания становится возможной адекватность понимания и деятельности в рамках имеющихся процессов социальных трансформаций, имеющих глобальный цивилизационный и общекультурный характер.

Нравственное сознание. При рассмотрении феномена нравственности и нравственного сознания на основе метафизического подхода возникает существенное изменение, модификация смысла. Трактовка и понимание феномена нравственности становятся тождественными трактовке и пониманию морали. В общественном бытии деформации нравственного мироотношения и переход его в отношение моральное, как правило, происходит в условиях отчуждения. Нравственное сознание претерпевает своего рода «форматирование», говоря языком, выражающим некие информационные технологии. Оно превращается в формы готового знания, приобретшие ту или иную фиксацию. Такими формами фиксации могут выступать нормы, правила, требования, стандарты поведения и т.п. Фиксация «узаконивается» институциональным ведением, или присутствием на стороне приемлемости употребления таких форм фиксации.

Трансформация нравственного сознания в форму морали означа-

ет переход во внешний план всего, что характеризует нравственность. Переход во внешний план сопровождается переносом внутренних личностных нравственных «регулятивов» также во внешний план. «Овнешнение» нравственного содержания указывает на процессы, происходящие в обществе и в его общественном сознании, свидетельствующие о необходимости введения внешней регуляции. Это, в свою очередь, означает известную деградацию человека и человеческих отношений. Формой подтверждения таких процессов и такой логики присутствия деградаций является метафизический способ мышления.

Современное общественное сознание, как известно, включает в себя развернутую структуру морали как формы общественного сознания, включающую социально-психологический и идеологический уровни. При этом нравственное сознание как таковое не исключается, а напротив, становится все более значимым для сохранения и развития культуры.

Для развития культуры чрезвычайно актуальным сегодня становится не только сохранение диалектического способа мышления, но масштабное переосмысление на основе диалектики происходящих процессов, в том числе и процессов деградации, которые имеют место в современном мире. Выявление логики происходящих процессов позволяет создавать проекты необходимых изменений, создавать необходимые условия для восстановления нравственного «поля» человеческого существования, для восстановления реальной субъектности человека в историческом процессе.

Проявление субъектности человеком характеризует наличие личностного развития, которое является основой гуманистического прогноза развития человека и общества в целом. Гуманистический прогноз становится возможным, так как (в отличие от цивилизационного статуса) собственно культурный статус процессов, происходящих в обществе, включая процессы в науке, политике, образовании и др. сферах,- предполагает внутреннее присутствие человека в них. Диалектика - это не только способ мышления, но и способ отношения к жизни.

Диалектика мышления не допускает низведение высшего к низшему, не позволяет потерять собственно человеческие нравственные ориентиры, не доводит самоидентификацию и самоопределение человека до отождествления себя с ролью единицы какого-либо процесса: хоть индустриального, хоть и информационного и т.п.

Решение любых практических проблем, так же, как и определение того или иного отношения к ним, включает в себя присутствие духовного сопровождения. Оно всегда выражено процессами осозна-

ния. Речь идет не только и не столько о возможностях индивидуального сознания человека. Речь идет об огромной значимости присутствия и определенной реализации возможностей общественного сознания. Специфика этих процессов, как мы отмечали выше, может быть весьма разнообразной. От нее зависит не только то, как понимается та или иная задача, ее характер, способы выполнения, но и получение реальных результатов ее решения, то есть следствия.

ССЫЛКИ

1. Речь идет об отсутствии единства, которое можно было бы выразить в виде образа «хора».

2. «Реабилитация посредственности» как тезис появляется у Фуко в связи с фиксацией происходящих процессов с большим количеством атомизированных индивидов. Это процессы, происходящие в индустриальном обществе и информационном обществе. В индустриальном обществе атомизация индивидов происходит на уровне распределения ресурсов, ролей, возможностей и т.п., которыми располагает общество, но которые не могут сосредотачиваться в одних руках. Индустриализация требует совместных усилий людей, распределивших между собой функции по требуемой деятельности. Атомизация индивидов в условиях информационного общества имеет свою конкретику. Она проявляется в присутствии кажущейся независимости информационных агентов от заказчиков информационных процессов и технологий. Статус единицы информационного поля и связанная с ним кажущаяся независимость человека, участвующего в информационном процессе в той или иной роли, формирует представление о возможности самостоятельного движения в информационном пространстве в качестве формы жизни. Однако такое представление является ложным. Фуко специфичным для позиции атомизированного индивида в условиях информационного общества считает проявление воли к знанию. При этом знание рассматривается формой информационного влияния на процессы, в которых человек оказывается заинтересованным, или участия в них. Следующий тезис Фуко прямо связан с представлением о знании и его роли в судьбе человека, обладающего им. Фуко характеризует знание как власть. Такая трактовка имеет узкий коридор возможной интерпретации. Понятие власти берется в смысле возможности влияния на принятие решений, важных для некоторой категории участников информационного процесса. Фуко рассматривает специфический срез проявления смысла понятия власти. Он, в частности, не касается условий проявления власти, без которых даже обладание информацией никоим образом не выразится в появле-

нии властных полномочий. Это означает, что увлечение трактовкой знания как власти является гипертрофированным.

3. Позиция Р. Барта полностью моделирует способы собственно рассудочного, то есть недиалектического, рассмотрения как языка, так и культуры. Культура является исторически сферой творческой, созидательной, социально-значимой деятельности. Культуру как деятельность с этими основными характеристиками необходимо отличать от предметов культуры. В предметах культуры запечатлеваются результаты такой деятельности. Язык же являясь феноменом культуры неотделим как таковой от нее как деятельностного процесса, с отмеченными характеристиками. Если же ставить вопрос о наборах языков, то это означает осуществление недопустимого отрыва. В этом случае язык из явления культуры превращается в систему знаковых средств. Далее Барт отмечает, что изменение в сфере наборов языков достигается с помощью разборки и сборки новых смыслов. При этом опять-таки речь идет о языковой работе с системами знаковых средств. В контексте информационного подхода такой подход к культуре не является чужеродным. Однако он полностью деформирует исторический смысл и содержание культуры. Редукция понимания культуры к манипуляции языковыми средствами не может рассматриваться в качестве допустимого и соответствующего современному социальному запросу шага. С другой стороны, такое понимание как бы претендует на оригинальность, заключающуюся в нивелировке смысла глубоких исканий человечества, эстафетой проходящей через все времена его существования. Отказ от участия в этой «культурной эстафете» манифестирует программу человека-маргинала, безразличного не только к культуре как историческому явлению, поднимающему человека над животностью, но и к собственно человеческим определениям организации жизни сегодняшнего человечества. Культ потребления, отрицающий высшие ценности человеческого бытия, - это то на что обрекает позиция, основывающаяся на сублимации чувственно-потребностного отношения к жизни в ранг жизненной программы.

4. Деррида объявляет человека - бесконечным текстом. Он говорит о разблокировании понимания, о выявлении противоречий текста. Проблема понимания текста, а также понимание всего того, что есть реальность, в которой человек существует, одна из важнейших в человеческом самоопределении. Однако сводить реальность и самого человека к тексту - явное недо-разумение. В качестве гиперболы человек как текст, видимо, должно означать, что человек - носитель смысла, который может быть выражен в языковой форме с присутствием последовательности и связей в том, что через языковую форму подлжит

выражению. В связи с этим необходимо определить логику языкового выражения мысли и логику смысла того, что в этой языковой форме должно быть выражено.

5. Для выделения неклассического этапа в развитии науки важным условием оказалось обнаружение связей данных по рассматриваемым элементарным частицам с данными, характеризующими присутствие приборов. Речь идет об исследованиях квантово-механических процессов, о разработке релятивистской и квантовой теории. На этом этапе присутствует своего рода отказ от объективизма классической науки и возникает необходимость осмыслить связи между сформированным знанием, адекватно отражающим объект (знаниям объекта как такового), и знаниями об объекте, а также осмыслить характер средств и операций в деятельности самого субъекта, которые оказываются включенными в знания, получаемые при исследовании.

6. Постнеклассический этап в развитии науки, имеющий место в современном период, выделяется на основе обнаружения еще более глубоких взаимосвязей, присущих всем процессам. Здесь рассматривается уже присутствие не только прибора и его влияние на поведение элементарных частиц. Здесь речь идет о присутствии человека и о его влиянии на процесс исследования не столько в качестве субъекта познания, как действующей стороны, обеспечивающей внешние организационные условия самого исследования. Имеется в виду, присутствие человека как «онтологической» реальности, влияющей фактом своего присутствия, своего бытия на состояние мира, который исследуется, в том или ином масштабе. Постулирование статуса «онтологической реальности» переводит рассмотрение процесса развития науки как социокультурного явления в план рассмотрения его как полностью процесса природного. В этом случае познающий субъект предстает не в качестве представителя социальной формы движения материи, а в качестве единицы природной, физико-химической, энергетически емкой и т.п. Положительным здесь, на наш взгляд, является подтверждение со стороны естественной науки универсального значения понятия взаимосвязи. Именно на постнеклассическом этапе наука приходит, по сути, к постулированию «онтологического», бытийного статуса взаимосвязей субъекта и объекта познания, которые не противостоят друг другу, благодаря своей самостоятельности, но оказываются на одной стороне текущего состояния мира, независимо от того, что один из них познает, а другой оказывается в роли объекта познания.

3. МЕТОДОЛОГИЯ В СФЕРЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Известно, что методология, с точки зрения значения слова (термина) и входящих в него корней, - это учение о методе. Однако, также известно, что метод можно трактовать по-разному: как форму осуществления либо деятельности в целом, либо отдельных действий. В зависимости от того, что берется за основу (деятельность в целом или группы, системы действий), понятие метода наполняется тем или иным содержанием. В случае, когда речь идет о группах действий, как основе, в которой моделируются представления об определенном методе, то его содержанием оказывается определенная схема распределения и соотношения приемов, операций, включенных в производимые и моделируемые действия, а также и сочетания определенной совокупности действий данного содержания с другими совокупностями. В этом случае они носят характер, определяемый ситуацией их совершения.

Иное значение понимание "метода" приобретает, когда в его основе рассматривается деятельность как целостное явление, которое берется за основу модели будущего созидания. Определяющей чертой деятельности как целостного явления выступает ее «сквозной культурно-исторический» характер. Это означает, что совершение деятельности как целостного явления, по смыслу и значению не остается в ситуации совершения и не завершается в ней. Ее свершение всегда само определяет возникающие новые смыслы и значения, важные для того сообщества, в котором она совершается. Формируемое на такой основе понимание метода также приобретает смысл и значение, выходящие за пределы ситуации. Определение характера деятельности как «сквозного культурно-исторического» не является аллегорией в данном контексте. Напротив, при рассмотрении такого характера деятельности открывается возможность раскрыть новые горизонты понимания метода. Эти горизонты ярко обозначены в историческом развитии диалектики от древности до современности. В то же время переход на качественно новое понимание метода позволяет совершить переход от феномена методического к феномену методологического.

В научных исследованиях феномен методического рассматривается как широко употребляемая, укоренившаяся форма осуществления исследовательских процедур, каждая из которых в итоге получает

Впервые опубликовано в: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Наука и образование в современном мире. Апрель 2011. Выпуск № 2. Усть-Каменогорск - Москва: Федеральное Агентство по образованию МЭСИ, Усть-Каменогорский филиал, 2011, с. 27-36.

свое методическое выражение. В то же время, любая исследовательская процедура замысливается и совершается как последовательность определенных действий, направленных на достижение определенной (конечной) цели. Успешность проведенных систем действий может быть основой для закрепления совершаемого порядка в виде знания, которое может быть рекомендовано и предпослано для проведения следующих аналогичных процедур. Появляющееся в этом случае (случае закрепления) методическое знание может быть употребимо впоследствии неоднократно, но всегда в аналогичных и конечных ситуациях. Вне контекста этих ситуаций оно теряет свой смысл и значение.

С одной стороны, научное исследование невозможно без таких процедур, как сбор данных об исследуемом объекте всеми доступными методами, обработка собранных данных, их систематизация и классификация и проведение соответствующей интерпретации. В то же время, научное исследование не может и не должно ограничиваться этими процедурами, так как сами по себе они не приводят к выявлению необходимых, существенных, объективных и повторяющихся связей, характеризующих познаваемый объект или познаваемую сферу. Процедурные «компоненты» научного исследования соответствуют, по принятой терминологии, его эмпирическому уровню. Способы же выявления необходимых, существенных, объективных и повторяющихся связей, присущих объекту исследования, - характеризуют теоретический уровень. При ближайшем рассмотрении названных спецификаций уровней исследовательского процесса можно сделать вывод о том, что эмпирический уровень вполне допускает возможность использования методических конструктов. Оно будет возможным в том случае, если точки приложения конечного методического знания совпадут с определенными точками осуществляемых процедур.

Иначе обстоит дело с феноменом методологического. В феномене методологического предзаложено понимание метода, качественно отличающееся от того, которое можно рассматривать как воспроизведение ситуативной, конечной системы действий. Обнаружение смысловых контекстов, выходящих за пределы неких данных ситуаций, заставляет ставить вопросы о том, насколько они соответствуют требуемым, ожидаемым, создаваемым, целевым и т.д. обстоятельствам, ориентированным на перспективу развития реальности, в которой оказывается человек, в том числе и исследователь. Осознание перспективного движения и его характеристик является залогом того, что ситуативные, конечные системы действий будут расположены на

нужном векторе, не будут ориентированы в тупик.

Рассмотрение метода в этом случае не может быть никоим образом сведено к некоему набору схем, рецептов. Поэтому понимание метода в этом случае требует особого осмысления, которое затрагивает организацию и способ разворачивания самой культурно-исторической реальности.

Главным содержанием вопроса о методе, возникающем на деятельностиной основе, является раскрытие того, как человек при решении своих жизненных задач, в том числе и научных, может выходить на уровень культурно-исторических смыслов и значений. При этом содержание метода не может иметь рецептурного характера, как тогда, когда речь идет о методе, выражающем способы и системы действий. Невозможность и недостаточность рецептурности методов обусловлена тем, что она задает точечные смыслы и значения человеческих действий, которые не соответствуют масштабам культурно-исторической деятельности и ее творческому содержанию.

Разделение метода с точки зрения различия того, что он выражает (действия или деятельность) приводит к различению учений (знаний) о методе. В первом случае таким учением (знанием) будет методика, во втором - методология.

Понятие методологии предполагает выявление методов, лежащих в основе культурно-исторических форм отражения человеком мира, которые всегда носят всеобщий характер. Поэтому методология как сфера всеобщего, выступает способом формирования деятельности человека (человечества) в мире как целом.

Методология характеризует способы формирования и осуществления деятельности человека универсальным образом. Это значит, что они ориентированы на воспроизведение имеющихся закономерностей развития в любых областях развития мира и человека. Поэтому методологическое знание может реализоваться в любой сфере человеческого бытия, включая и науку.

Наука как сфера человеческой деятельности с ее специализацией на познавательных процессах не ориентирована на воспроизведение ситуативной деятельности ученых (равной осуществляемым ими систем действий), а напротив, она должна содержать ориентацию на статус исследователей как субъектов познавательных процессов и на вскрытие законов бытия, что само по себе имеет культурно-историческое значение и смысл. Культурно-исторический смысл деятельности ученых в этом плане выражается не в совокупности методических процедур как таковых, совершаемых ими. Он заключается и оценивается с точки зрения того, насколько они (ученые) в своей деятельно-

сти приближаются к раскрытию законов бытия, в том, насколько вектор и специфика их деятельности совпадают с логикой самого бытия, насколько в ней выражены универсальные, всеобщие определения самой реальности.

Эти параметры, как известно, присущи феномену методологического и реализуются им. Наиболее приближенными к сути процесса научного исследования являются не описания его как массива исследовательских точек, в которых дается ответ на вопрос: как это подготавливалось, как это делалось в той или иной ситуации и т.п. Напротив, ведущими оказываются вопросы и ответы, воспроизводящие смысл научной деятельности ученых, формулируемые как ответ на запросы практики, общественной жизни людей в тот или иной период. К числу таких вопросов можно отнести следующие вопросы: для чего проводилось исследование? Каковы его цели, согласуются ли они с интересами общества? Куда ведут, что обуславливают полученные результаты в историческом контексте? И др. При этом собственно методологические аспекты присутствуют в форме осознанных проблем и ответов на вопросы: как должны измениться принципы организации, способы существования объекта исследования, чтобы он стал соответствовать запросам практики, запросам, заложенным в научно-исследовательских программах и т.п.

Для конкретизации возможностей методологии необходимо рассмотреть необходимость выхода за пределы ситуативного в процессе научного исследования, совершаемого ученым. Речь идет «о выходе» в сферу осмысления необходимых, существенных, объективных и повторяющихся связей, присущих объекту исследования. Их обнаружение как задача при ее выполнении всякий раз будет выводить ученого за пределы точечных, конечных, ситуативных процедур. Область этого выхода за пределы конечных задач и процедур, осуществляемых ученым, должна быть осмыслена адекватно. Для ее понимания недостаточно будет опираться на рекомендации методического плана. В них не будет найден ответ на вопрос о необходимой ориентировке. Выход за пределы «ситуативного» порождает вопрос: куда же осуществляется в этом случае выход?

Что же существует за пределами ситуации, которая заканчивается, завершается, оставляя за собой некие результаты? С чем же остается ученый, который получил результаты, проведенных (эмпирических) процедур? Можно ли считать исследование законченным, законченным? Можно ли удовлетвориться определенным пояснением, интерпретацией полученных итогов? Являются ли итогами научного

исследования в полном смысле результаты эмпирических процедур?

Эта серия вопросов не является случайной. Результаты эмпирических процедур, выраженные в той или иной системе полученного знания и классификациях, не являются конечным пунктом научного исследования. Так как они не выражают в этом виде закономерности, то есть не характеризуют исследуемое явление как процесс, по отношению к которому должны быть выявлены необходимые, существенные, объективные и повторяющиеся связи. Важно отметить, что без вскрытия закономерностей научное исследование лишь формально может претендовать на статус научного.

Установление необходимых, существенных, объективных и повторяющихся связей, присущих исследуемому объекту является критерием возможности процессуального понимания мира, в котором исследуемый объект выражает специфические черты процессуальности мира. Именно в этом смысле недостаточно останавливаться на конечных ситуативных, эмпирических результатах, которые обуславливают своими характеристиками взгляд на исследуемый объект как статичную точку действительности. В силу своей статичности эта точка полностью соответствует полученному о ней статичному знанию. Согласие с таким положением будет означать, что вектор познания в данном исследовании либо потерян, либо возвращен к точке, из которой он должен был выходить. Это означает, что научный исследовательский, познавательный процесс оказывается заблокированным, потерявшим свое «живое ядро», условие и способ развития.

Выход за пределы ситуативности в научном исследовании может обусловить лишь осознание контекста, в котором оно не потеряет свой смысл. Связь с этим контекстом должна иметь необходимый, существенный, объективный, повторяющийся и всеобщий характер. Таким контекстом всегда является культурно-историческое бытие. Смысл познавательного процесса (и научно-исследовательского вместе с ним) заключается не в нем самом для себя, а в том, чтобы познание раскрывалось как ценность для человечества. Это означает, что само исследование должно осуществляться как деятельность с постоянно актуализирующимися смыслами его содержательности для человеческого бытия. То есть должна сохраняться и актуализироваться социальной востребованностью значимость исследования, его связь со смыслами человеческого существования в исторической перспективе. Эта связь неизмеримо продлевает смысл человеческого существования на века, от поколения к поколению.

Она обеспечивает осознание человеком себя в истории как существенной инстанции, как субъекта творчества, субъекта созидания,

востребованного обществом. Она превращает просто телесное существо, в существо, убеждающее в своей способности мыслить и постигать сущность бытия, не раствориться в бытии в качестве несущественного обстоятельства и т.п. Все это остается неподтвержденным в случае, если познавательный, исследовательский процесс окажется «оконченным», достигшим своего конца не в условиях выявленной и актуализированной социально-значимой связи, а в условиях какой-либо завершенной частной ситуации, имеющей место вне социально-исторических значимых связей и смыслов.

В научном исследовании (при его внешнем рассмотрении - описании) выявляются определенные массивы характеристик. Как известно, в их число входят параметры познавательных процедур, вычленяемые для исследования объектов, вырабатываемые методы работы с материалом исследования, формы организации получаемого в его результате знания. Все эти моменты необходимо рассматривать с точки зрения единого базового основания, который в этом случае будет выражаться исходным принципом. В противном случае вопрос о научном исследовании как таковом превратится в набор отдельных характеристик, которые каждая сама по себе не будет давать вразумительную картину происходящего исследовательского процесса. То есть она не будет содержать в себе смыслы и значения движения к исковой цели и способы ее достижения.

Такое положение будет означать воплощенность «принципа движения путем проб и ошибок». Движение путем проб и ошибок характеризует отсутствие осознания происходящего процесса и не способствует достижению поставленных целей оптимальным способом. Научное исследование в этом случае не выступает формой *погружения* в процесс существования исследуемого объекта.

Научное исследование строится на рассмотрении его как манипулятивного действия. Это понимание предполагает наличие составляющих его элементов: самого объекта исследования; ученого, который будет производить определенные познавательные процедуры; средства, с помощью которых они будут производиться, в широком смысле это инструментарий, условия их возможного осуществления и т.д. Наличие этих основных элементов дополняется версией их связи, которая собственно и характеризуется как «процесс» исследования. Устанавливаются различные версии их связей, которые, будучи выраженными, претендуют на статус либо методик, либо методологии научного исследования. При этом их суть качественно не меняется. Они остаются характеристиками манипулятивной процедуры. Субъектами ее выступают здесь ученые, производящие процедуру «связи» себя и ус-

ловий. Средствами манипулирования - инструменты, методы, условия и т.п., а результатами - ожидаемые научные открытия. На сегодняшний день в современном научном сознании преобладает манипулятивное понимание научного исследования.

Надо отметить в этом плане, что концепцией нельзя считать наличие каких-либо рядоположенных параметров, касающихся данного объекта, так как они принадлежат к числу результатов описательных процедур, направленных на данный объект, и извлеченных из него. Главной отличительной чертой их является отсутствие закономерных связей между собой и с самим объектом. Полнота описания объекта исследования не является ни критерием, ни залогом получения знания объекта исследования, соответствующего требованиям научности. Таким требованиям отвечает лишь знание законов (закономерностей) развития объекта исследования.

Иной подход к научному исследованию может быть достигнут лишь теми учеными, которые, по выражению В.И. Вернадского, сформировали способность входить в "ноосферу"; т.е. сформировали подлинно диалектическое мышление.

Диалектика, как теория развития, раскрывает законы, характеризующие развитие мира как целого. Диалектическое мышление не тождественно знанию этих законов. Диалектическое мышление - это мышление, способное воспроизводить логику развития как таковую. Такое мышление позволяет ученому погружаться в исследуемый объект и, таким образом, исследовать процесс его развития. Погружение в объект, как правило, резюмируется в виде определенной концепции. Ее наличие позволяет связать определенные возможные средства влияния на объект исследования, методы анализа в единый смысло-содержащий уровень понимания того, что в процессе погружения наиболее существенным образом характеризует объект исследования.

Надо отметить в этом плане, что концепцией нельзя считать наличие каких-либо рядоположенных параметров, касающихся данного объекта, так как они принадлежат к числу результатов описательных процедур, направленных на данный объект, и извлеченных из него. Главной отличительной чертой их является отсутствие закономерных связей между собой и с самим объектом. Полнота описания объекта исследования не является ни критерием, ни залогом получения знания объекта исследования, соответствующего требованиям научности. Таким требованиям отвечает лишь знание законов (закономерностей) развития объекта исследования.

Диалектическое мышление, реализующееся в контексте процесса

научного исследования, может быть определено как методологическое. Такой уровень и характер человеческого мышления не является стихийно возникшим. Он является результатом длительного развития человеческой социально-исторической практики, в процессе которой развивались и закреплялись во всеобщей форме существенные черты человеческой деятельности. Их взаимосвязи, смысл и содержание, выражены в законах и категориях диалектики.

Отношение к миру, выражаемое человеком в диалектическом мышлении, принято называть разумным, в отличие от мышления рассудочного уровня. Рассудочный уровень мышления, как известно, остается в сфере воспроизведения конечных, ситуативных форм действительности и систем действий. Разумный же уровень мышления отличается всеобщим характером. Это выражается в том, что познаваемое, осмысливаемое на разумном уровне мышления рассматривается с точки зрения его формирования в контексте его связей с миром в его целостности. Этот уровень мышления открывает для исследователя возможность выхода за горизонты ситуаций и конечных форм и при этом сохраняет следование логике исследуемого процесса.

Закономерности разумного уровня человеческого мышления исторически и логически закреплены в философских категориях, которые в их единстве выражают не только существенные, объективные, необходимые, повторяющиеся, но и в то же время всеобщие связи бытия, выявленные и освоенные в процессе исторической человеческой практической деятельности. Уровень разума, проявляемого человеком, указывает на состоявшееся формирование категориального строя мышления. При этом речь не идет о терминологической подготовке человека. *Знание* терминов, обозначающих философские категории, не означает признания за этим человеком наличия у него категориального строя мышления. Это так же не означает возможности «автоматического», однозначного признания мышления этого человека - диалектическим. Освоение философской терминологии не тождественно освоению мирового человеческого практического опыта, выраженного в диалектическом мышлении во всеобщей форме.

Методологическое мышление не является «трафаретным». Оно не рассматривает категориальное знание как «трафарет», который можно применять в качестве «кальки», стереотипа использования. Диалектическое мышление может реализовать свой методологический потенциал в научном исследовании тогда, когда отношение ученого к миру и исследуемому объекту сформировано на категориальном уровне. Если этого нет, то методологический потенциал в научном ис-

следовании не проявляется вовсе, являясь чистой формальностью, ничего не приносящей для реальной практики.

Существует проблема определения форм существования методологического знания, а также проблема его описания в научном исследовании. В этом плане можно выделить две позиции. Первая выражена представлением о том, что методологические принципы могут выступать в виде готовых матриц, включающих в себя определенный способ связи с научным исследованием, характеризуемый методическим знанием. Матричный подход к методологическим постулатам свидетельствует о том, что в нем не представлена методология как сфера всеобщего. Поэтому обнаружение матриц, использованных в научном исследовании (псевдо-всеобщий характер), превращает само научное исследование в некую заведомо спроектированную манипуляцию с одной стороны матрицами, а с другой стороны объектом исследования и его характеристиками.

Матричный подход свидетельствует о превращении методологии в методику. При этом деформации подвергается и сущность самого научного исследования. Оно получает при этом определение такой процедуры, которая не связана с процессом "погружения" в сам объект. Именно поэтому ученые, проводящие реальные исследования, реагируя на это понимание методологического, как правило, не обращаются в процессе самих исследований к методологическим постулатам, считая их внешним знанием, не связанным с собственно «тканью» исследования и его сутью.

Вторая позиция заключается в понимании сущности методологии¹ как процесса перевода потенциала диалектического мышления в контекст специально-научного исследования. Такой «перевод» есть сфера работы мысли ученого. Эта процедура не требует чисто терминологического философского оснащения, но она с необходимостью должна включать в себя реализацию известных оптимальных способов мыслительного погружения в процесс реального существования объекта.

В процессе научного исследования погружение может иметь точки, в которых проблематизируются моменты развития самого объекта исследования. При этом надо отличать структуру наших произвольных действий с материалами, характеризующими объект исследования, от структуры собственно исследования как процесса погружения в исследуемый объект. В первом случае в структуру будут входить моменты, прямо не связанные с погружением в исследуемый объект, а

¹ как сферы всеобщего.

связанные с характеристиками, например, требуемых компоновок материала. Во втором варианте понимания структуры научного исследования не включены никакие внешне привносимые характеристики. В эту структуру надо включать только то, что реально выступает моментом самого *исследуемого* объекта, но находящегося в состоянии развернутости, демонстрации, собственной процессуальности по отношению к процессу воспроизведения исследователем особенности и закономерностей его развития.

При характеристике научного исследования (как процесса погружения в исследуемый объект) нельзя допускать подмены его смысла. В частности, нельзя отождествлять научное исследование с изучением ранее полученных, имеющихся данных об объекте. Эти данные могут иметь большое значение, однако по отношению к самому научному исследованию они не выступают выражением способов движения исследуемого объекта. Это имеет место даже в тех случаях, когда знания характеризуют сами способы движения. Парадоксальность ситуации объясняется тем, что всякое знание представляет собой результат, в котором «окончен», завершен всякий процесс. Следовательно, *знание о движении* существенно отличается от *знания процесса движения*. Это отличие содержится в нетождественности, с одной стороны, форм воспроизведения полученного и имеющегося знания, его изложения и, с другой стороны, форм развития. Это существенное отличие сохраняется, даже если изложение касается самого развития. Именно поэтому опыт предшествующих исследований, обнаруживаемый в форме изложения, даже, если он касается процессов развития, не может характеризовать сущность самого развития. Это означает, что погружение в процесс развития исследуемого объекта ни в коей мере не тождественно изложению освоения опыта, совершенного кем-либо в исследовании объекта. Более того, выраженный в знании опыт предшествующих погружений в исследуемый объект зачастую содержит в себе влияние заблуждений, мнений, то есть всего того, что Френсис Бэкон называл идолами, преследующими формирующееся знание. Современное человечество не ограждено от влияния бэконовских идиолов, поэтому в процессе научного исследования нельзя переносить ответственность за погружение на какое-либо имеющееся или имевшееся знание об объекте.

Ученый, осуществляя погружение в исследуемый объект, должен сохранять способность отстранения от существующих об объекте знаний, дабы не воспринять вместе со знанием имеющееся в нем заблуждение. Такая отстраненность позволяет ученому осуществлять оценку знаний об объекте, полученных другими исследователями. По отно-

шению же к самим методологическим принципам данная отстраненность выступает в роли открытого пространства, наличие которого обуславливает возможность осуществлять погружение, прообраз которого заложен в данных принципах. Если же исходить из «заполненности» этого пространства массивом знаний об объекте, который предполагает наличие своих собственных принципов построения, то в этом случае происходит ситуация столкновения философского принципа и имеющегося в знании принципа классификации при его изложении, характеризующего некую выбранную последовательность изложения.

В случае если ученый не может отстраниться от логики изложения знания и увидеть в исследуемом объекте его закономерности развития, то происходит мало заметная для него подмена: он сосредотачивает внимание на том, каким образом знание об объекте увидеть реализованным в самом объекте. Здесь возникает отмеченная выше трудность, заключающаяся в невозможности без искусственного влияния обнаружить в исследуемом объекте не присущую ему логику изложения знания о нем. В результате возникает то, что можно было бы назвать проявлением отрыва ученого от действительного предмета своего исследования, которым должен являться сам объект, а не знание о нем.

Методологические ориентиры, выраженные в философских законах, категориях и принципах, во всеобщей форме воспроизводят закономерности развития, как самого объекта, так и процессов погружения в него. Последнее справедливо только тогда, когда не происходит подмены погружения в объект «погружением» в излагаемое знание о нем. Знание, если оно выражает развитие самого объекта, а также погружение в логику его развития в процессе научного исследования, адекватно воспроизводится на всеобщем уровне через философские принципы и законы развития. Именно поэтому философские принципы имеют методологический смысл. То есть их адекватная реализация в процессе исследования обеспечивает вскрытие самой логики развития объекта, т.е. философские принципы выступают как бы априорными ориентирами сознания.

Подчеркнем, что априорность содержания философских принципов обманчива, под ней скрывается многовековой культурно-исторический опыт человеческого практического освоения мира. В философских принципах, законах и категориях этот опыт выражен в концентрированно-всеобщей форме, т.е. он является не случайным, не однодневным и не одноразовым по отношению к любому делу, осуществляемому человеком, включая и научное исследование. Учитывая, что

данный опыт носит сквозной культурно-исторический характер (не ситуативный), открывается возможность проективного видения тех процессов, которые происходят в мире и которые продолжают осваиваться человеком. В этом проективном видении отсутствуют всякого рода мистификации, т.к. оно построено на воспроизведении диалектической модели развития. Моменты этих моделей в рафинированной форме выражены в названных ранее философских принципах, категориях, законах.

Для формирования философского отношения к исследовательскому процессу необходимо освоить способы трансляции (перевода) культурно-исторического опыта освоения мира с уровня всеобщего на уровень особенный. Данный опыт перевода *всеобщего* в *особенное* должен сопровождаться и освоением знаний об имеющихся и имевшихся вариантах попыток такой трансляции. Знание об этих вариантах не должно оставаться в статусе информации. Знание о нем также должно переводиться в знание самих способов, на которых строятся эти варианты. Такая трансляция может сопровождаться реконструкцией знаний о вариантах построения моделей отношения ученого, с одной стороны, и объекта мира как объекта исследования, с другой. В этом случае необходимо познакомиться с ведущими вариантами, произвести их реконструкцию¹.

Философско-методологическое отношение к исследуемому процессу должно включать в себя ориентацию на моделирование и выявление в нем закономерностей, характеризующих, с одной стороны, способ формирования исследуемого объекта, а, с другой стороны, соответствующую ему по структуре и содержанию деятельность исследователя. Сказанное означает, что философское отношение универсально, но не является «пустой формой». Таким образом, философское отношение к рассматриваемому объекту в процессе научного исследования не допускает его проведения на обыденном или эмпирическом уровне. При встрече методолога с эмпирически организованным исследовательским процессом, сразу выявляет ситуацию противоречия, напряжения. Ориентация методолога направлена на сущность исследуемого объекта, тогда как эмпирическая организация исследования выражает направленность на внешние черты этого объекта. Поэтому требование методолога либо разрушает эмпирический уровень, переводя его в ранг теоретического, либо оказываются не реализованными, что означает «застывание» исследовательского процесса на эмпирическом уровне. Эмпирический уровень научного исследова-

¹ См. работы: Фейерабенда, Лакатоса, Куна, Поппера и др.

ния, как отмечалось выше, ориентирован на создание системной, классификационной формы знания, как следствия работы с описанием найденных и зафиксированных массивов характеристик исследуемого объекта.

В процессе профессиональной работы философу, как и психологу, необходимо учитывать особенности реализации философских идей при рассмотрении каких-либо концептуальных проблем, связанных с коррекцией социальных, познавательных и иных процессов. Научные исследования, в которых присутствует философско-методологический уровень, должны отличаться ориентацией на выявление способов формирования, а не описания и систематизации как таковых.

Осуществление же описания объекта исследования, как отмечалось выше, не означает выявление его закономерностей. Описание и адекватное выражение научно-исследовательского процесса как погружения в объект исследования существенно отличаются и по способу их организации. Описание организовывается по «логике» изложения. Организация научно-исследовательского процесса как погружения в объект исследования выражается в форме теории.

По отношению к научно-исследовательскому процессу теория выступает формой организации в том смысле, что она не только воплощает закономерности исследуемого объекта, но и задает логику исследовательского процесса, тем самым определяет уточнения его предмета, этапов, методов и условий, способствовавших осуществлению научно-исследовательского процесса и получению адекватного научного знания. Формирование же теории рассматриваемого объекта возможно лишь в контексте его адекватного методологического рассмотрения.

4. МЕТОДОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Любое исследование осуществляется как процесс не только «оперирования» с исследуемым предметом или явлением, но и как процесс мыслительный, позволяющий определенным образом строить или корректировать отношение исследователя к объекту исследования. От

Опубликовано впервые в: «Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Выпуск 3. Социально-политические и правовые проблемы образования и общества. Усть-Каменогорск, 2006, с. 8-19.

того, как осуществляется мыслительный процесс, зависит и ход исследования, и его результат. Такая связь строится на том, что мыслительный процесс, сопровождающий исследование, всегда содержит в том или ином виде образ исследуемого, определенную структуру предполагаемых актов связи или актов взаимодействий с ним, а также содержит определенный способ понимания его как особого явления, существующего в определенном контексте. Способ и характер мышления не является нейтральным по отношению к исследовательскому процессу. Он запечатлевает характеристики способа деятельности или способа действий, являющихся формами осуществления того или иного типа исследовательского процесса. Существуют стандарты проведения исследовательского процесса. Они известны по названиям выделяемых уровней исследования: эмпирического и теоретического. Выделение этих уровней является «общим местом» при рассмотрении особенностей научного знания. При этом под эмпирическим уровнем, как правило, понимается проведение следующих актов: сбор материала об объекте исследования, обработка этого материала, классификация, а также следующая за всем этим необходимая интерпретация. Интерпретация необходима для приведения знания, полученного в ходе названных процедур, к некоторому общему «знаменателю». Она необходима для получения знания, объединяющего смыслы каждой из отмеченных процедур, и выражающего их связь друг с другом, а также некоторым образом углубляющего знание об объекте исследования. Интерпретация выражает, прежде всего, позицию, уже сложившуюся у автора исследования. В свою очередь, под теоретическим уровнем научного исследования понимается вскрытие необходимых, существенных, объективных, повторяющихся связей, характерных для исследуемого объекта. Каждый из этих уровней является выражением и результатом существенно отличающихся процессов, представленных в исследовании. Осознание этих процессов может означать получение возможности оптимального и в наибольшей степени результативного осуществления процесса познания.

В истории философии выработаны различные «модели», «образы» познавательного процесса. Каждый из них имеет свои основания, границы и присутствующую в нем меру достижения результативности и достоверности итогов. Каждый из них имеет свой «смысловой каркас», свою логику построения и способ осуществления. Осознание исследователем этих черт совершаемого или планируемого познавательного процесса делает возможным его строить и корректировать с точки зрения стоящих задач. В то же время, оно позволяет корректировать и сами задачи, а также разработку исследовательских про-

грамм в целом. Выявленные «модели» или «образы» познавательного процесса, присутствующие в истории философии, являются результатом историко-культурного становления человеческого отношения к миру. Исторически вырабатываемые параметры отношения человека к миру имеют необходимый, существенный и объективный характер. Исследовательский процесс выражает определенный тип отношения человека к миру. Поэтому он также несет в себе его характеристики. Исходя из этого, возникает возможность, с одной стороны, моделирования в происходящем или планируемом познавательном процессе характеристик мироотношения. С другой стороны, открывается возможность внесения коррекций в происходящий или планируемый процесс исследования с точки зрения необходимых, осознанно-желательных ориентаций его осуществления.

Учитывая то, что содержание и структура социальной реальности является определенным образом сформированной, что в ней присутствуют связи, отличающиеся закономерным характером, - учитывая это, необходимо обратить внимание на то, что проявление этих связей происходит «повсеместно», то есть в любых сферах жизни общества и на любых его уровнях. Хотя, говоря о различных уровнях социальной реальности, нужно подчеркнуть, что их различию соответствует различие проявления характеристик человеческого мироотношения. Так, например, на обыденном, «житейском» уровне исторически определенные черты мироотношения человека проявятся в виде неких спонтанных, неотличимых от других, порожденных и, тем самым, присущих другим эпохам характеристик. Иначе говоря, обыденно-житейский уровень не содержит достаточного осознания специфики характеристик мироотношения человека, порожденных и, тем самым, присущих данному историческому времени. Отсутствие осознания специфики мироотношения приводит к недоступности как практической, так и теоретической того, что уже составляет сущность новых форм практики. В полной мере это касается научной деятельности, в которой осуществляется исследовательский процесс. Осознание и учет новых особенностей человеческого отношения к миру являются условиями более совершенного осуществления любых деятельностей, в том числе и деятельности исследовательской. Выделение и осознание новых, порожденных культурно-историческим процессом, практикой, особенностей человеческого мироотношения, в случае их перенесения в те сферы человеческой деятельности, которые еще не получили коррекцию в соответствии с ними, приводит к открытию соответственно новых возможностей. Структура практического мироотношения людей является в то же время структурой любой деятельности, постро-

енной по стандартам достигнутого в рамках некоего данного этапа исторического развития уровня.

Для успешной и осознанной исследовательской деятельности важно дифференцировать эти структуры от тех, которые характерны предшествующим формам исторической практики. Такая задача возникает в связи с тем, что в современном общественном сознании, включая и сознание научное, функционируют мироотношенческие «модели» различных эпох. Отсутствие дифференцировки этих моделей друг от друга приводит к тому, что в сфере их применения возникает путаница. Модели мироотношения, свидетельствующие о достигнутых высших для данного исторического времени образцах, необходимо отличать от тех, которые уже преодолены развитым философским сознанием, но продолжают сохраняться и функционировать на обыденном и на научно-некритическом уровнях сознания и практики. Неучет этого отличия ведет к формированию соответствующего этим уровням способов организации и осуществления процесса деятельности. В полной мере это может проявляться в сфере научно-исследовательской деятельности. Это означает, что воспроизводятся устаревшие «модели» организации и функционирования деятельности, что обуславливает получение соответствующих результатов.

Особое значение имеет вычленение, анализ и определение статуса мироотношенческих моделей для развития социально-гуманитарных наук. Их развитие связано с более непосредственным характером воспроизведения мироотношенческих моделей, так как предметом социально-гуманитарных исследований, по большому счету, выступает сама связь человека с миром, представленная в той или иной форме. В то же время, собственные возможности социально-гуманитарных наук в вычленении мироотношенческих моделей ограничены. С одной стороны, ограничение касается того, что каждая из социально-гуманитарных наук определяет свой предмет, опираясь не на специфику мироотношенческих «моделей», а на группы внешне фиксируемых качеств, определяющих образ однородных процессов, присутствующих в социальной реальности. Так, например, педагогика определяет своим предметом процессы обучения, воспитания, образования; психология - процессы реагирования на воздействия окружающей среды со стороны имеющейся у индивида телесно-физиологической организации. Аналогично обстоит дело и в других науках. Политология определяет в качестве своего предмета процессы, содержание которых отвечает понятию политических отношений. История – процессы, которые характеризуют наличие движений в жизни общества, имеющие свои ритмы, последовательность, известную форму и содержание.

Культурология - процессы существования явлений и предметов культуры. Экономика – процессы функционирования производственных отношений, то есть отношений между людьми в сфере производства, потребления, распределения, обмена и отношения собственности. Социология в ее наиболее широко распространенном варианте определяет свой предмет рассмотрением социальных действий (М. Вебер). Философия – процессы развития природы, общества, мышления и др. В данном обращении к формулированию предметов названных наук мы не ставим задачу рассмотрения вариантов трактовки предметов этих наук, имеющих в них. Нашей задачей здесь является уточнение того, насколько в определении предметов этих наук присутствуют или не присутствуют, во-первых, мироотношенческие модели, и, во-вторых, указание на группы однородных процессов, характерных для каждой из них. При ближайшем рассмотрении подтверждение получает вариант определения предмета той или иной науки, осуществляемый на основе выделения массива однородных характеристик, присущих тому или иному процессу. Определение характеристик мироотношения человека, присущего ему в тот или иной исторический период, постулируется, прежде всего, в виде описаний событийного ряда, ряда авторов, которые эти события фиксировали и интерпретировали. Кроме того, всегда присутствует более или менее успешная попытка построения логической модели, связывающей группы описаний в некую развернутую систему с определенным количеством элементов и понятий, в которых эти элементы выражены. Итоговый образ каждой из названных наук при этом предстает в виде системы знаний, развитие которой выражается образом ее увеличивающегося объема, дополняющегося все большей дифференциацией элементов.

Таким образом, отмеченный ряд социально-гуманитарных наук в определении своего предмета отвлечен от ориентации на рассмотрение вариантов мироотношения человека как своего предмета. Такие варианты с самого начала заменены группами характеристик, присущих неким предполагаемым однородным процессам, составляющих сферу каждой из этих наук. Специфика такого понимания предметов отмечаемых нами наук выражается образом *системы* знания. Всякая *система знания* всегда является завершенным процессом познания, то есть его результатом. При этом проблема развития той или иной науки не совпадает с проблемой развития соответствующей ей системы знания. Выделение мироотношенческой компоненты в определении предметов социально-гуманитарных наук с необходимостью требует процессуального подхода. Это означает, что образ науки как системы знания не может адекватно отражать присутствие мироотношенческой

позиции, связанной с той или иной сферой социально-гуманитарного исследования. Для совершенствования «проектирования» процесса научных исследований необходимо учитывать процессуальную природу феномена исследования, в том числе и социально-гуманитарного исследования. Отсюда следует, что системный подход может быть использован лишь для корректировки, совершенствования и оптимизации системы знания, но не для корректировки, совершенствования и оптимизации научного исследования как процесса. Осознанное отношение, работа с логикой исследовательского процесса требует, в свою очередь, адекватного понимания того, *как* осуществлять эту работу, *как* проявлять это осознанное отношение. Это означает, что в данном контексте актуализируется проблема метода – метода не только самого процесса исследования, но и метода осмысления его адекватности задачам и целям исследования. Учитывая различия логики процесса исследования и логики системной представленности его результатов, необходимо различать также методы воспроизводящие, с одной стороны, логику процесса исследования, а с другой стороны, логику фиксации его результатов в форме системы. В этом плане имеет смысл обратиться к *феномену методологии* и к *феномену методики*.

Методология предполагает определение не только путей исследования, но и определение оснований и путей формирования тех или иных методов, их возможностей и границ действия, обеспечивающих смысловую направленность осуществляемого исследования. Методика предполагает «матричное» понимание работы с методами, так как она задает логику воспроизведения систем знаний в первоначальных или измененных условиях. Логика воспроизведения выступает основой процедур применения имеющихся, или имевшихся, систем знания с помощью методов как инструментов применения или воспроизведения. Рассмотрение методов как инструментов применения знаний, инструментов конструирования его систем, свидетельствует о внешнем их понимании по отношению к познавательному процессу. Метод, в этом смысле, задает возможные границы манипулирования содержанием отдельных элементов имеющейся системы знания. Но он не в состоянии воспроизвести логику процесса, так как любые процессы не воспроизводятся адекватно через систему действий, операций, процедур, по определению имеющих конечный характер. Дело в том, что процесс – это форма разворачивания целостности. Сумма же конечных состояний не равна процессу разворачивания целостности.

В большом спектре социально-гуманитарных исследований проблема выбора, применения методов и проблема методологических оснований всегда являются актуальными, так как от их решения зависят

успешность, адекватность, результативность, достоверность и проводимых исследований, и систематизации получаемого знания. В то же время их осознание как инструментов, которыми можно манипулировать, существенно вредит их собственному, реальному статусу. Это происходит потому, что в статусе инструментов и методы, и методика, и методология претерпевают существенные внутренние трансформации, влияющие на их содержание, смысл использования и результативность. Эти трансформации заключаются в том, что «вхождение» в сферу содержания, на которое оказывается воздействие с помощью таких инструментов, оказывается внешним, то есть не достигает уровня адекватности внутренним особенностям и характеристикам. Итогом здесь является возможность манипуляции с внешне обозначенным содержанием в виде группы фиксированных характеристик, с которыми и взаимодействуют названные «инструменты». Единственным способом избежать в специально-научных исследованиях «ухода» во внешний план проявления исследуемого объекта при использовании методов, методики, методологии как инструментов является проведение этих исследований как процессов, ориентированных на «погружение» в собственную логику исследуемого объекта, а не на использование внешних воздействий на него с помощью методов, дающих образ ответа объекта на воздействие, а не образ его собственного состояния и содержания. Понятно, что образ ответа объекта на воздействие на него в какой-то мере тоже характеризует его содержание и состояние, но эта характеристика далеко не идентична сути объекта исследования как такового. Для иллюстрации можно привести пример. Так, если объектом исследования является живое существо, то характеристики его реакций на воздействия раздражающего характера с нашей стороны не будут символизировать наше познание его сущности, то есть способов его становления, функционирования, развития. Иначе говоря, знание реакций живого объекта на наши воздействия останутся в статусе знаний атрибутивного характера его свойств, а не сущностного, хотя целью исследования всегда является по большому счету раскрытие сущности.

Определяя методологию в контексте социально-гуманитарных исследований, необходимо отметить и отличие понятий, основанных на одном корне – на корне «метод». Выше, говоря о специфике «инструментарного» отношения к понятиям «метод», «методика», «методология», мы не останавливались на специфике понятия методологического в этом ряду. Сделать же это необходимо не только потому, что при рассмотрении особенностей и закономерностей социально-гуманитарных исследований присутствуют известные различия в их

трактовах, но и потому, что это предполагается рассматриваемой темой. При анализе понятий «методика» и «методология» надо учитывать их различие, которое полностью аннулируется при их инструментальном использовании. Исходное же различие между ними можно охарактеризовать следующим образом. Методика – это система планируемых действий, в которых заключен образ осуществляемых воздействий на материал или объект исследования с целью получения адекватного этой системе действий результата. Методология – сфера всеобщего, в которой выражается образ продолжающегося процесса становления того, что исследуется. При этом под всеобщим надо понимать то, что существенно отличается от общего. Поясним последнее. Общим является то, что присуще определенному ряду явлений в качестве одинакового признака. Признак одинаковости не гарантирует сохранения содержательности того, что проявляет свою одинаковость с другим. В основе определения общего лежит операция сравнения. Попробуем сконструировать пример для пояснения статуса общего как формального признака, присутствующего в определенном классе предметов или явлений. Так, в качестве общего возьмем признак, выраженный в свойстве быть круглым.

По этому признаку осуществим подбор предметов, которые им обладают. В итоге, в классе предметов с этими свойствами окажутся такие как, например, луна, тарелка, колесо и др. Между ними, хотя и есть общее, но оно бессодержательно, формально. То есть общее есть, а содержание их связи в рамках данного класса явлений отсутствует. Этот момент необходимо выделить как такой, который имеет очень существенное значение для выявления оснований проведения научных исследований, включая исследования социально-гуманитарного характера. Его можно сформулировать следующим образом. Строить научные исследования на использовании в качестве инструмента метода сравнения означает переводить это исследование с уровня сущностного познания на уровень внешнего описания, теряющего если не всю содержательность, то его большую часть.

Существующее отличие общего и всеобщего выявляется при рассмотрении классической, веками складывающейся и развивающейся, философской традиции, начиная от древней философии и заканчивая последователями немецкой классической и марксовской философии. В рамках этой традиции понятие всеобщего характеризует способ формирования целого в рамках мира как целого. Это определение может быть более легко понято, если рассмотреть его содержание последовательно. Во-первых, для характеристики всеобщности важно обратиться к пониманию целостности. Целостность в классической фило-

софской традиции характеризуется не просто совокупностью частей, которые можно описать как самостоятельные дискретные составляющие. Напротив, определение целостности ориентировано на особое внимание и рассмотрение характеристик связи элементов внутри некоего данного целого.

Отсюда следует, что в понимании всеобщности присутствует необходимость выявления способа формирования, а не постулирования, того, что выступает как целостность. Во-вторых, определение всеобщности требует рассмотрения некоего данного целого с точки зрения его связей с контекстами, более или менее близкими, его существования в рамках мира как целого. Определения процесса формирования объекта рассмотрения как целостности и определения связей его с окружающим миром доступны для выявления. Они присущи любому явлению, предмету мира. Учитывая это, можно отметить, что понятие всеобщности отражает такое содержание, которое присуще всякому явлению и не требует (для его выявления и понимания) проведения процедуры подведения данного объекта или его отдельных характеристик под какие-либо классификационные признаки, сводящие содержание их существования к формальным классификационным схемам. Таким образом, отличие общего и всеобщего - существенная черта различных ориентаций в научных исследованиях. При этом общее выражается в ориентации на операции сравнения и классификации выделяемых и описываемых признаков познаваемого. Всеобщее же выражается в ориентации на выявление способов формирования объекта исследования как определенной целостности и учета его связей с окружающим миром как содержательным контекстом его формирования. Кроме целостности и всеобщности важной ориентацией является ориентация на воспроизведение оснований и принципа саморазвития, определяющих существование и развитие того или иного предмета исследования. Эта ориентация предполагает, что предмет исследования должен рассматриваться с точки зрения его собственных потенций, а не тех, которые предпосылаются ему исследователем или организатором некоего экспериментального процесса его развития.

Социально-гуманитарные исследования эти ориентации также реализуют. При этом различие этих ориентаций приводит к существенным различиям во всем спектре исследовательской проблематики, начиная от формулирования идей, проблем и заканчивая выбором методов и оснований для интерпретаций полученных результатов. Обратимся к рассмотрению ряда состояний, имеющих в социально-гуманитарных исследованиях, отмеченных выше, с точки зрения выявления присутствия или отсутствия в них реализации важных для ре-

зультативности научных исследований ориентаций. Речь идет о том, насколько в социально-гуманитарных исследованиях присутствуют ориентиры на выявление образов мироотношения, в которых реализованы черты целостности, всеобщности и принцип саморазвития и том, насколько продуктивны эти ориентиры для развития тех или иных наук.

Начнем с рассмотрения ситуации в педагогике с точки зрения отмеченных выше установок, носящих методологический характер. Учитывая наличие огромного количества проблем в этой науке, мы обратимся лишь к тому, что определяет ее как науку гуманитарную. Это означает необходимость рассмотрения ее с точки зрения того, как она осуществляет в своих исследованиях ориентацию на рассмотрение закономерностей формирования мироотношенческой позиции тех, кто является объектом ее изучения.

Основополагающими для исследования процессами в педагогике признаются, как известно, обучение, воспитание, образование. Каждый из них рассматривается с точки зрения присутствия в них двух сторон: обучающей и обучаемой, воспитывающей и воспитуемой, образующей и получающей образование. Связь этих сторон трактуется, как правило, как первостепенное влияние одной на другую, которое вызывает определенные изменения в той, на которую осуществляется влияние. Влияющей стороной выступает учитель, а стороной, на которую оказывается влияние – ученик. Усиление влияния и его эффективность в педагогике связывается с развитием педагогических технологий. Этому посвящено большое количество работ и специальных исследований. Организация развернутых и дифференцированных влияний на учащегося, являющаяся предметом в педагогических технологиях, исходит из взгляда, что развитие – это процесс, который не только инициируется извне, но и свою содержательность также получает через процесс интериоризации внешнего во внутреннее. Развитие учащегося в разработках, посвященных педагогическим технологиям, характеризуется явно или неявно как результат внешних воздействий. Образ саморазвития оказывается замещенным образом программируемой, дифференцированной системы действий, исполняя которую, учащийся индивид обеспечивает в качестве результата то, что и является его, якобы, развитием. При этом проекция содержательной связи индивида (ученика) с миром заменяется проекцией той программы, по которой он обучался. Присутствие этих замен не способствует развитию педагогики как отрасли социально-гуманитарной науки, ориентированной на исследование развития человека как творческого существа, то есть как субъекта социального процесса, а не существа, который

способен действовать только по программам, заданным ему извне. Ставка на развитие педагогических технологий не должна быть ведущей в педагогике, так как педагогика не должна подчиняться задачам лишь ситуативного, а не генерального, плана развития индивида как личности.

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что структурирующим началом в педагогических технологиях выступают различные системы действий. Если признать, что системы действий структурируют отношение человека к миру, то в этом случае надо признать и то, что именно педагогические технологии, все более совершенствуясь, приводят к новым уровням развития самой педагогической науки, а затем и педагогической практики. Однако, если учесть, что всякие системы действий носят ситуативный, конечный характер, то вывод о структурировании человеческого отношения к миру также будет необходимо уточнить. А именно: если человеческое отношение к миру структурируется и соответственно наполняется содержанием конечных, ситуативных систем действий, то само возникающее при этом отношение к миру также обретает характер конечный и ситуативный.

Это означает, что технологическое построение педагогического процесса не может решать задачи личностного развития. Личное развитие индивида по своей сути не ситуативно и не конечно. Как такое оно всегда определено культурно-исторически. Эти определения индивида как личности могут формироваться только в условиях деятельности, носящей также культурно-исторический характер. Сравнивая системы действий и деятельность, надо отметить их нетождественность. Она проявляется в том, что деятельность как некая целостность не может быть равна системе действий. Их расхождение проявляется в том, что в деятельности системы действий не носят самостоятельного характера. Они подчинены целям, структуре и социальному значению выполняемой деятельности. Если же системы действий заменяют собой деятельность, то есть становятся самостоятельными основами, формирующими отношение человека к миру, то в этом случае и отношение к миру становится также ситуативным и конечным. Оно присутствует в негативном потенциале абсолютизации возможностей педагогических технологий в решении задач личностного развития индивида в любой период его становления.

Целостность деятельности как основы педагогического процесса является существенным и перспективным ориентиром осмысления большого круга проблем, актуальных для развития педагогики как гуманитарной науки. Целостная деятельность выступает формирующим личностное мироотношение основанием. В отличие от него любые ва-

рианты систем действий способны формировать ситуативные, конечные типы связей индивида с миром, не включающие в себя имманентно целей деятельности, присущих своему историческому времени. Отсутствие в системах действий сквозных культурно-исторических целей обуславливает их неспособность выступать основаниями формирования личностного мироотношения. Здесь имеет смысл привести один момент из известной притчи в качестве иллюстрации различия статуса деятельности и системы действий. Одного человека, который тащил камни, спросили: «Что ты делаешь?». Он ответил: «Камни ношу. Разве ты не видишь?». Другой человек на этот же вопрос ответил: «Я храм строю». Эти ответы показывают, что в одном случае человек подчинен обстоятельствам, не управляет ими, вынужден приспосабливаться к извне заданным ему условиям и требованиям. В другом же случае, человек обнаруживает свою волю, свой интерес, свою причастность совершаемому делу, свою цель. В первом случае человек осуществляет систему действий, а во втором случае – деятельность, выражающую его личностное мироотношение. Имеется явное различие по существу между ними, хотя во внешнем плане они выглядят одинаково. Здесь правомерна аналогия с системами действий, в виде которых внешне проявляются различные модели педагогической технологии.

Потенциал для формирования личности различен при осуществлении деятельности и при совершении систем действий. Действия индивида по стандартам, имеющимся педагогических технологических моделях, не обуславливают личностное развитие. Вместо этого осуществляется адаптация к различным ситуациям конечного характера на основе совершения соответствующих этим ситуациям систем действий. Сказанное означает, что исследование процесса обучения, воспитания, образования в сфере педагогической науки должно учитывать основания, связи и смысловые подтексты поставленных задач. Иначе говоря, любое педагогическое исследование требует серьезной методологической проработки оснований, на которых оно будет проводиться. В противном случае, решение поставленных задач может привести к результатам совершенно противоположным. Это хорошо видно в ситуации с разработкой и использованием педагогических технологий. С одной стороны, педагогические технологии выражают присутствие прямой ориентации на то, чтобы обучаемый, воспитуемый сам действовал, то есть научался быть самостоятельным, лично-относительно развивался. С другой стороны, педагогические технологии, акцентируя системы действий, приводят к противоположной ситуации.

Выработка у учащихся активной, самостоятельной позиции по

отношению к тому, что они делают, подменяется необходимостью осуществления систем действий, которые программируются координатором педагогического процесса. При этом цели развития индивидов как личностей трансформируются в цели формирования умения действовать с заданным материалом. Такая трансформация не приводит к появлению субъектной позиции учащегося, он продолжает оставаться в статусе объекта. Это происходит, хотя вся современная педагогика настаивает на необходимости обеспечивать личностный статус ученика в педагогическом процессе, то есть предусматривает изменение его положения из позиции объекта в позицию субъекта. Мироотношенческая позиция объекта и мироотношенческая позиция субъекта существенно отличаются друг от друга. Становление субъектного отношения к миру – основополагающая задача современной педагогики. Реализация же ее связана с необходимостью адекватного осмысления оснований всех исследовательских и внедренческих актов.

Вопрос о мироотношенческой модели человека в области психологических исследований является определяющим. Это объясняется тем, что психические проявления человека не могут не зависеть от того, как именно он относится к окружающему, как он его понимает и т.д. Этот момент является предметом глубокого рассмотрения в трудах С.Л. Рубинштейна. В то же время концепция «Человек – Мир» С.Л. Рубинштейна, по сути, не стала методологическим катехизисом для многих современных исследователей, работающих в области психологической науки. Рассмотрение методологических оснований развития психологии сводится к описанию имеющихся психологических концепций и направлений. При этом отмечается необходимость неклассического, релятивистского понимания множественности мира как выражения нерационального чувства свободы мышления, позволяющего заменять ориентацию в понимании человека как единства представлением о его многомерности¹.

Концепция многомерности человека в качестве своего следствия предполагает отказ от определения оснований его целостности. Это означает, что ведущей тенденцией выступает стремление описать каждое из возможных измерений. Ориентация же на определение оснований целостности человека предполагает необходимость вскрывать связи, присущие не только каждому из измерений, но и основания, а также связи параметров, характеризующих различные измерения. Для психологических исследований концепции многомерности и целост-

¹ См.: А. Асмолов. Психологии личности. Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001.

ности человека выражают диаметрально противоположные ориентации. Они обуславливают различный ход психологических исследований и, тем самым, их результаты.

Дифференциация психологических исследований на первый взгляд подкрепляет правомерность и продуктивность концепции многомерности человека. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эта концепция обуславливает потерю единой «системы координат», в которой только и можно исследовать психические процессы. Необходимость наличия единой «системы координат» в исследовании психических процессов обуславливается тем, что сами психические процессы не являются самостоятельными феноменами. Они всегда атрибутивны, то есть принадлежат существу, имеющему психику. А само это существо конкретизируется тем или иным способом жизнедеятельности. В тоже время функционирование и развитие психики также обусловлено способом жизнедеятельности обладателя возможностью психического отражения.

В условиях реализации концепции многомерности человека исследования психики будут осуществляться на одном из многочисленных измерений как на собственной основе. Однако на самом деле одно из измерений не является выражением целостности человека и не выступает целостной основой психологических исследований. Это означает, что концепция многомерности человека с самого начала ориентирует проведение психологических исследований на абстрактной, то есть частичной, неполной, а потому неадекватной основе. Результатом также будет выступать частичное знание. Примером могут служить ситуации, когда в исследовании человека выделяется один из элементов его психических возможностей, и затем выводы из исследования этого элемента приписываются человеку как целостности. Например, концепция формирования умственных действий, разработанная в психологии (П.Я. Гальперин), касается человеческого интеллекта. В процессе интериоризации внешних материализованных действий во внутренний план действительно происходит развитие интеллекта. Об этом красноречиво говорят эксперименты, проведенные под руководством П.Я. Гальперина, посвященные формированию понимания инвариантности числа. Благодаря программированию умственных действий испытуемых, удалось сформировать понимание инвариантности числа не 7–8 лет как в экспериментах Ж. Пиаже, а в 5–6 лет. Действенность концепции формирования умственных действий подтверждается по отношению к такому измерению человека как интеллект. Однако эта же концепция оказывается несостоятельной, если она берется как основа рассмотрения формирования человека как целост-

ности, то есть формирования возможности личностного мироотношения человека. Концепция формирования умственных действий базируется на идее организации систем действий, в которых осуществляется моделирование интеллектуальных операций, имеющих вполне конечный и ситуативный характер. Перенос подхода, присутствующего в этой концепции, на исследование человека как целостности не приносит положительного результата.

Методологическое рассмотрение оснований, на которых строится та или иная концепция, является условием определения ее позитивности в процессе психологических исследований. В этом плане можно сказать, что концепция многомерности человека является выражением методологического тупика, присутствующего в психологии как науке. Сказанное не означает, что в области психологической науки данная концепция является ведущей. Поэтому в той мере, в какой она не принимается психологами-исследователями в качестве методологической основы, в этой мере и не проявляются признаки методологического тупика. Развернутый анализ состояния методологического осознания ситуации в психологических (как, впрочем, и в педагогических, политологических, исторических и др.) исследованиях требует специального внимания и специальной работы, в которой можно будет представить доказательную и источниковую базу.

В частности, современные политологические исследования концептуально все более связываются с рассмотрением идеи глобализации, которую некоторые исследователи склонны идентифицировать с идеей целостности рассмотрения мира. Однако идея глобализации в рассмотрении процессов в современном обществе далеко не тождественна идее целостности. В различных вариантах модели глобализации одинаково представлено стремление выразить существующий социальный мир в виде определенной *структуры*, имеющей определенное множество элементов, которые тем или иным образом должны быть подчинены друг другу. В этом плане активно обсуждаются модели однополярного, двухполярного и многополярного мира. Через призму этих моделей в политологических исследованиях предпринимаются прогнозы будущего развития событий на мировой политической арене, а также дается оценка текущим политическим отношениям.

На наш взгляд, не является достаточным основываться в построении всеобъемлющей концепции мирового политического процесса на основании воспроизведения *структуры* политических факторов, присутствующих в мире. Более обоснованным будет основываться на идее целостности содержательных оснований общественного развития, которые в известных условиях трансформируются и

предстают в виде политических процессов. Связь рассмотрения политических отношений с целостностью и основополагающим характером социального развития необходима для исследований, проводимых в области политического процесса. Раскрывая существенные, необходимые и объективные черты этой связи, можно содержательно, адекватно, а не формально, структурно, выявлять сущность политических процессов. Вариант структурной основы, представленный в концепции глобализации, обеспечивает возможность рассмотрения бесконечного множества вариантов соотношения и субординации политических сил и вариантов развертывания политических событий. При этом оснований установления реального приоритета в этой концепции нет. Манипуляция возможными структурными вариантами не содержит сколько-нибудь реальных оснований содержательного прогноза развития политических отношений. Логика содержательного развития устанавливается через выявление способов формирования рассматриваемого целого. Структурный же подход, выраженный в концепции глобализации, не выявляет способ формирования политического как такового, а также не выявляет способа формирования того типа политических отношений, которые фигурируют в современном мире. Сказанное означает, что в исследованиях политических отношений необходимо ориентироваться на выявление целостности, способа формирования и логики саморазвития социальности как целостности, в которой получают свои определения и возможности развития различные политические силы.

В области социологических исследований важное место занимает концептуальная проработка исходной позиции. В этом плане ориентация на выявление и учет особенностей исходной целостности имеет решающее значение. Поясним сказанное. Так, если объектом социологического исследования считать, вслед за М. Вебером, систему «целерациональных действий», то вопрос об исходной целостности будет снят. В итоге это приведет к необходимости признать, что общество – это воплощенный хаос, в котором нет никаких закономерностей. М. Вебер считает, что в социологии необходимо исходить из действий отдельных индивидов. За этой посылкой, которую он считает методологической основой социологии, стоит понимание общества как совокупности индивидов. Отсюда следует, что именно действия этих индивидов и являются тем, что характеризует общество. В этой позиции отсутствует признание исходной целостности, так как массив, множество дискретных единиц (здесь: индивидов) само по себе не может представлять собой целостность. Для признания целостности необходимо наличие определенного закона связи этих дискретных единиц.

Общество нельзя рассматривать как совокупность людей, так как в таком понимании общества отсутствует понимание его целостности, единства, характерного для него как особого явления. Взгляд М. Вебера на общество как массив действий людей не служит скольконибудь достаточной основой для логически вытекающего признания наличия законов общественного развития. В то же время М. Вебер утверждает, что социология должна строить систему своих понятий по тому же основанию, что и естественные науки, то есть должна вскрывать законы. Это противоречие веберовской позиции получает логическое продолжение в трактовке специфики социального познания и его понятийного аппарата. Так, закон в сфере социального познания трактуется М. Вебером как форма причинного объяснения, культура – как ценностное понятие и т.п. Его позиция, по сути, выражает отказ от действительного обращения к раскрытию логики социально-исторического процесса, выражаемой в присущих ему существенных, необходимых, объективных и повторяющихся связях. Вместо ориентации на вскрытие закономерностей социального процесса ведущей ориентацией выступает ориентация на получение, обработку и интерпретацию эмпирических данных. Необходимость же определять основание интерпретации получаемых эмпирических данных М. Вебер предлагает реализовать через использование так называемых «идеальных типов», которые не извлекаются из эмпирической реальности, а мысленно конструируются и выступают «однозначными средствами выражения». Для социологии, по его мнению, идеальный тип содержит «общие правила событий».

Эмпиризм является распространенным явлением в современной социально-гуманитарной, включая и социологическую, мысли. В рамках этой традиции К. Поппер считает, например, что законы общественного развития не существуют. Это означает, что социологическая наука не может претендовать на статус собственно науки, выражающемся в проявлении ее на теоретическом уровне – уровне вскрытия законов изучаемой реальности. В этом же русле находятся и взгляды Г. Гадамера, представителя философской герменевтики. Он считает, что социальные и гуманитарные науки не вскрывают законов, а лишь демонстрируют наличие неких общих правил. М. Фуко – представитель структурализма, говоря о социально-гуманитарных науках, подчеркивает необходимость придания им статуса наук точных, через выявление структур объектов исследования. Под структурами объектов исследования понимается совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить другой, третий и т.д. М.Фуко подчеркивает, что собственное поле гуманитарных наук находится там, где

«ставится вопрос о самом пространстве слов, о наличии или забвении их смысла». Из этого следует, что М. Фуко отрицает наличие скольконибудь объективно существующего предмета исследования у гуманитарных наук и характеризует их существование в качестве языковой рефлексии. Рассмотрение вариантов проявления эмпирического подхода к рассмотрению статуса, предмета и функций социально-гуманитарных наук можно было бы продолжить. Однако это не изменит главного – того, что эмпирическая традиция, по существу, ведет к отрицанию социально-гуманитарных наук как собственно наук, хотя термин «наука» продолжает использоваться при этом.

В целом ситуация с оценкой специфики и возможностей социально-гуманитарных наук может быть оценена как методологический кризис. Выход из него не может быть найден в рамках эмпирической традиции, которая абсолютизирует значение имеющих, регистрируемых состояний, отличающихся своей дискретностью и конечностью.

Всякое научное исследование нельзя рассматривать лишь как специфическое взаимодействие исследователя и его объекта. Необходимым условием осуществления адекватного научно-исследовательского процесса является определение меры целостности объекта в реальном контексте его существования. Если объект исследования реально является атрибутом, следствием и т.п. какой-либо целостности, то в этом случае успешность его исследования будет зависеть от того, насколько исследователь адекватно рассмотрит эту исходную целостность, а также необходимые, существенные, объективные, повторяющиеся связи своего (атрибутивного) объекта исследования с этой исходной целостностью. В случае с социально-гуманитарными исследованиями это также принципиально важно. Предметом каждой из социально-гуманитарных наук являются те или иные стороны или явления, исходным основанием которых является общество.

Поэтому успешность этих исследований находится в прямой зависимости от выявления специфики места объекта исследования в контексте общественного развития, а также от закономерных связей того или иного атрибутивного объекта исследования с исходной, развивающейся социальной целостностью. В полной мере это касается не только тех наук, о ситуациях в которых мы упоминали выше, но других, к числу которых относятся: история, культурология, социология, экономика, философия и др. Так, в исторических исследованиях установление содержания жизни общества в определенные периоды, должно сочетаться с выявлением логики социально-исторического процесса. Эта логика уже выражает наличие определенных ритмов,

последовательности, формы и содержания исторического процесса. И именно она может служить достаточным основанием для любого исторического описания.

Культурология как особая сфера научного исследования, определяющая свой предмет, может проявить свою специфику, вскрывая закономерности процесса развития культуры, а не ограничиваясь описанием имеющихся предметов культуры.

Экономика как сфера научного исследования не может ограничиваться описанием каких-либо экономических состояний (потребления, обмена, распределения, отношений собственности и др.). Она должна проявлять ориентацию на вскрытие существенных, необходимых, объективных, повторяющихся связей, в которых производственные отношения реализуют свое содержание как отношения социальные, связанные с развитием общества как некоей целостности, проявляющие свою внутреннюю и внешнюю обусловленность. В этом смысле экономическая наука не должна быть нейтральной к положению общества как некоего целого. В этом будет выражаться и ответственность представителей этой науки за состояние в обществе. Вспоминается период, когда обществом были востребованы экономические программы выхода из кризиса (сто дней, пятьсот дней и др.). В этот период Г. Явлинскому был задан вопрос о том, что делать дальше. На что тот ответил: «Какую программу закажут, ту и сделаем». В этом ответе присутствует полная отстраненность от интересов общества как целого, которое нуждалось в адекватном осмыслении кризиса и выходе из него. В этом присутствует понимание предмета и задач экономики как науки, которая должна работать лишь с абстрактными экономическими формами, с установлением лишь внешне, по специальному запросу некоторой корреляции с состоянием общества как целого.

Абстрактность в рассмотрении исходной целостности, атрибуты которой выступают предметами социально-гуманитарных наук, обуславливает и абстрактность осознания предметов и задач этих наук. Абстрактность может быть преодолена только путем рассмотрения объектов исследования этих наук с точки зрения процесса их формирования и развития. Эти «требования» характеризуют реализацию диалектического способа мышления, являющегося, в то же время, способом реализации методологии как сферы всеобщего. Речь, таким образом, идет о необходимости философского уровня рассмотрения оснований социально-гуманитарных наук. При этом сама философия не должна рассматриваться как сфера знания, в которой запечатлены мнения людей о самых разнообразных вещах и явлениях. Философское мироотношение выражает закономерности всеобщего порядка, в

котором отражаются способы становления мира как целого. Именно эта ориентация на понимание мира как целого доминирует в классической традиции, присущей мировой философии. В современный период сохранение классических философских ориентаций в то же время является условием выхода из методологических тупиков, проявляющихся в социально-гуманитарном знании; тупиков, которые порождены сведением рассмотрения актуальных проблем к рассудочным схемам связи «Человек – мир», абсолютизирующим утилитарно-прагматическое мироотношение.

5. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ

Как известно, в переводе с греческого слово «экономика» означает «искусство ведения домашнего хозяйства». Определяя смысл слова «экономика», дошедший до нас из глубины веков, надо отметить, что в древнем обществе не только возникал, но и увеличивался массив «домашних хозяйств», которые в то же время постоянно находились во все более углубляющихся связях между собой. Это означает, что определение древнего смысла слова «экономика» исторически конкретизировалось в тех параметрах, которые выражали существенные стороны «ведения многих домашних хозяйств» в их сочетании между собой. При этом типы «ведения домашних хозяйств» и их сочетания между собой несут в себе черты эпох, порождавших и развивавших их как исторических явлений.

Появление в языке слова «экономика» означает, что в практической жизни древнегреческого общества уже была выделена из других сфера ведения домашнего хозяйства. Данное обстоятельство как исторический факт интересно тем, что оно может рассматриваться как модель формирования понятия «экономика». Первым планом при этом оказывается процесс выделения данной сферы общественной жизни. Выделение сферы «ведения домашнего хозяйства» предшествует появлению термина «экономика», а затем и понятия, которое эту сферу отражает, обозначает и закрепляет в общественном сознании. Моделью, характеризующей путь осознания, конкретизации и закрепления понимания данного явления и затем и формирования понятия (понятия экономики), можно считать и то, что определение выделяемой для понимания и рассмотрения сферы общественной жизни (сферы экономического) сопровождается с необходимостью вычленением ее характеристик.

В такой модели важно то, что вычленимые характеристики не имеют самостоятельного статуса, то есть они вместе и каждая из них в отдельности не могут выступать в качестве полного смысла того, что названо в Древней Греции «ведением домашнего хозяйства». Неудовлетворительным является рассмотрение экономических явлений с точки зрения лишь одной из многих характеристик данной сферы или групп этих характеристик в качестве основы или принципа. Неудовлетворительность заключается в том, что одна характеристика, или группа характеристик, взятая в качестве принципа рассмотрения экономических явлений, обуславливает искаженное представление о связях этих явлений между собой, а также обуславливает искаженное представление об их внутренней организации. Это происходит потому, что одна из характеристик рассматриваемого явления не воспроизводит логику его организации как особого объекта. Характеристика, принадлежащая целому, всегда не равна целому. Если же данное неравенство произвольно заменяется равенством, то это обуславливает появление искаженного представления о рассматриваемом явлении. Поясним сказанное примером рассмотрения соотношения, с одной стороны, экономики как некоего условного целого, а с другой стороны, скажем, такой принадлежащей экономике характеристике как наличие наемного труда.

Понятно, что тезис, отождествляющий экономику с наемным трудом, будет не соответствующим понятию экономики. Хотя наемный труд является характеристикой, принадлежащей современной экономике. Данную мысль мы подчеркиваем не случайно. В нашем рассмотрении она представлена частным примером, в котором обнаруживается частное искажение того, что относится к сфере экономического и того, что понимается при этом под ним как целым, обладающим своей сущностью и своими атрибутами. Однако частный характер такого подхода, построенного на замене статуса целого одной или несколькими его характеристиками, превращается в общий принцип анализа феномена экономического, применяемого в специальных исследованиях по проблемам экономики. Замена статуса целого его частью приводит к существенным искажениям итогового понимания феномена экономического. Избежать такого рода искажения можно лишь тогда, когда будет сознательно учитываться необходимость рассматриваться экономику как хотя и особую сферу жизни общества, имеющую свои атрибуты, но не обладающую собственной самостоятельностью и целостностью. В данном случае мы подчеркиваем, что условное представление о сфере экономического анализа как целостности является некоей абстракцией, к которой мы обращаемся для то-

го, что показать, что в ее внутренней организации как особой форме знания присутствует субординация основного и атрибутивного.

На самом деле внутренняя организация экономического знания, хотя и имеет собственную логику, все же не является сама для себя основанием. Поэтому характеристика ее целостности имеет условный характер. Реальной целостностью по отношению к сфере экономического обладает социальность как особая система. Так как по отношению к экономическому именно она выступает генетическим основанием. Учет социальной обусловленности в этом плане является генеральной линией рассмотрения логики развития экономических явлений. Ориентация на учет социальной обусловленности должна быть основной и для создания стратегических программ экономического развития. Поясним сказанное. В 90-е годы XX века в ситуации кризисных явлений на территории СНГ чрезвычайно выросла необходимость социально-экономического анализа ситуации и выработки рекомендаций для выхода из кризиса.

В этот период знаменательным явлением оказалась позиция некоторых экономистов, которые вместо того, чтобы провести анализ общественного состояния и в ключе открытых в этом анализе проблем разработать экономические рекомендации, говорили, что могут разработать такие рекомендации (читай: программы экономического развития), которые закажут. Эта позиция говорила о разрыве экономического от социального, воплощенной позиции и в словах известного в тот период экономиста и политического деятеля – Явлинского. В противоположность этой позиции надо подчеркнуть необходимость первостепенного осмысления связи общественного целого с экономическим, то есть с тем, что выражено функциональным содержанием существования социального. Значимость такого подхода особенно важна в условиях, когда происходит «гипер»- акцентировка функционального, что характерно для современной жизни общества.

Обращение к подходу, требующему строго соотносить атрибутивное и сущностное в сфере экономического знания, позволит обеспечить более адекватное воспроизведение логики экономического процесса, а также его зависимости от логики развития общества как особой целостности. Такой ориентир предполагает необходимость выяснения оснований рассматриваемой сферы общественной жизни как таковой. Вне общественной жизни рассматриваемая сфера (в данном случае – экономика) не могла бы и вовсе возникнуть и обрести какие-либо собственные характеристики. В современном научном познании экономика представлена специфическим проблемным полем уже с точки зрения определения ее как особой сферы знания, выра-

жающего функциональные реалии общественной жизни. Достоверность экономического знания в полной мере зависит от того, насколько это знание адекватно выражает исследуемую сферу реальности и ее связь с социальным целым. В этом плане рассмотрение предмета экономики как науки также связано с наличием или выработкой целостного воспроизведения ее области исследования в контексте социального процесса.

В противоположении такой позиции выступают взгляды тех исследователей экономического процесса, которые трактуют экономический процесс с точки зрения тех или иных его характеристик. При этом можно дифференцировать позиции исследователей в зависимости от того, какие именно характеристики выделены в качестве основных, служащих основанием для «уточнения» предмета экономики. Интерес к проблеме уточнения предмета экономики сам по себе является положительным явлением в экономической науке. В этом плане не вызывает сомнения точка зрения Лайонелла Роббинса, согласно которой «исследование центральных теоретических проблем гораздо быстрее продвигается там, где ставятся и решаются вопросы о предмете науки»¹. Отмечаемый Л. Роббинсом положительный, «убыстряющий» эффект рассмотрения предмета науки для ее развития объясняется тем, что, ставя вопрос о предмете своей науки, ученый с необходимостью возвращается к вопросам, касающимся ее оснований. В обращении к осмыслению соотношения того, что является принадлежащим или не принадлежащим к предмету данной науки и почему, актуализируется большой круг базовых для данной науки вопросов. Ответы на них существенно влияют на подходы к исследованию любых ее проблем, способы их решения, а также влияют на качественное преобразование всего проблемного поля науки. В полной мере это касается и экономики как науки.

Определение экономического как центрального содержания предмета экономики как науки хотя и является необходимым, но само по себе оно не определяет перспективы экономических исследований. Определение экономического может осуществляться различным образом: через описание относящихся к нему явлений, а также через вскрытие способов формирования этих явлений в контексте того или иного исторического процесса. В первом случае определение эконо-

¹ Lionel Robbins. The Subject-Matter of Economics. In: L. Robbins. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science.// Цит. По: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. - М.: Начала-пресс, 1993, т.1, Вып. 1, с. 10

мического будет объемным и абстрактным. Объемность возникнет как следствие необходимости включения в него подробного описания множества характеристик большого количества экономических явлений. Такое описание будет способствовать уходу исследования, говоря словами Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, «в дурную бесконечность». Описательный подход ориентирует на получение массивов данных по исследуемой проблеме, в которых через собственно описание не вскрывается «код» их связи. Это означает, что исследователь вынужден при таком подходе приносить «код» связи полученных данных, опираясь на собственные представления, полученные тем или иным способом. Данная ситуация обуславливает произвольность предполагаемых искомых выводов, их предположительный характер, расходящийся по статусу с понятием и требованиями достоверности научного знания. В рамки предмета исследования произвольность не включается, но она всякий раз присутствует, когда экономический процесс выражен через определенные массивы его описаний. Абстрактность определения экономического процесса при описательном подходе связана не только с его произвольностью. Всякое описание, имея произвольное основание, не может не быть формой подмены истинной сущности исследуемого объекта (или сферы) тем, что является систематизацией содержания имеющихся у автора исследования представлений. Под систематизацией содержания подразумевается систематизация по тем или иным критериям уже известных или вновь открытых характеристик исследуемого явления. В этом пункте и проявляется, как правило, подмена сущностного атрибутивным, и в этом смысле здесь проявляется подмена собственного образа изучаемого явления группами его описательных характеристик. Подмена такого рода всегда оказывается закамуфлированной.

Это выглядит следующим образом. Автор, занимающийся исследованием сущности экономического, берет один из важных признаков или характеристик экономического и возводит его (их) в статус основания системы экономического как целостного. На этой почве возникает особая система взглядов, имеющая свою собственную внутреннюю логику. Однако эта внутренняя логика оказывается не связанной с логикой общественно-обусловленного существования экономического как функционального. Создание систем экономических взглядов, построенных на различных, произвольно выделенных, отдельных характеристиках экономических явлений, является недопустимой абстракцией, приводящей к появлению столь же произвольных, а потому не соответствующих действительной сути экономического, его трактовок.

Аналогично: признание экономического как самостоятельно существующего целого также является недопустимой абстракцией. Попытки представить экономический процесс как самостоятельный феномен ведут к появлению различных вариантов абстрактной трактовки предмета экономики. Анализируя этот вопрос Л. Роббинс, выделяет ряд возможных оснований. В их числе, во-первых, изучение причин материального благосостояния, на которые указывают А. Маршалл, Э. Кэннон, В. Парето, Дж.Б. Кларк. Во-вторых, изучение форм человеческого поведения, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами. Эта позиция является положительно предпочтительной для Л. Роббинса. По его мнению, сфера распоряжения редкими ресурсами и есть основание для определения предмета экономической науки. Это основание, как отмечает Л. Роббинс, включает в себя и все возможные причины материального благосостояния. Л. Роббинс исходит из тезиса, что всякая деятельность имеет единственную цель – максимизацию удовлетворения, «полезности». Последний его тезис нуждается в дополнительном рассмотрении, которое мы осуществим чуть ниже. Сейчас же продолжим знакомство с классификацией, которую Л. Роббинс предлагает в качестве иллюстрации возможностей, открывающихся для экономической науки, благодаря анализу оснований формулирования ее предмета. Обращаемся в этом плане к третьему пункту его классификации. Третьим пунктом своего рассмотрения Л. Роббинс указывает, выделение в качестве объекта изучения типа социального поведения, обусловленного институтами индивидуалистической рыночной экономики, на которые ссылается А. Амонн.

Для сокращения объема иллюстративного анализа, обозначим наши соображения сразу по всем выделенным пунктам классификации Л. Роббинса. Все названные моменты классификации, даваемой Л. Роббинсом, того, что характеризует основополагающим образом предмет экономики, представляют собой важные стороны отношений людей. В то же время их нельзя сводить, на наш взгляд, во-первых, к поведенческому плану. Поведение в собственном смысле представляет собой внешнюю форму проявления отношения человека к чему-либо. При этом она может совпадать по способу выражения сути с самим отношением, либо не совпадать или быть даже совершенно ей противоположной. Иначе говоря, поведение не может рассматриваться в качестве основы анализа каких-либо явлений, касающихся как жизни отдельных людей, так и жизни всего общества. Категорией, которая бы соответствовала в большей степени исследовательским задачам и позволяла бы определять реальное отношение людей к событиям их жизни с точки зрения экономических параметров, является ка-

тегория деятельности в ее продуктивном и функциональном «измерениях». Представленная Л. Роббинсом классификация оснований рассмотрения экономического содержит обращение к деятельности. Однако ее понимание опять-таки вызывает возражение. Оно заключается в том, деятельность в позиции Л. Роббинса сводится лишь к средству или аспекту удовлетворения потребностей как воплощенных «полезностей». Это, во-вторых. В-третьих, принцип материального благосостояния, также выделяемый Л. Роббинсом как критерий (со ссылкой на других авторов), не может рассматриваться в качестве основания экономической науки, так как сфера благосостояния – это сфера результата деятельности и материальных отношений в обществе. Сфера деятельности, сведенная к пониманию ее как сферы результатов, не может быть предметом развивающейся науки, имеющей историческую перспективу. Всякая наука может существовать только как форма исследования саморазвивающейся реальности. В то же время изменение материального благосостояния не является основополагающим процессом. То есть материальное благосостояние не самообуславливающаяся реальность. Он сам имеет (или не имеет) место благодаря тому, что его обуславливает. Таким основанием выступает материальная деятельность людей. Разрыв связи итогов и оснований, то есть связи между деятельностью и благосостоянием как ее возможным результатом, свидетельствует о наличии в исследовании недозволенной процедуры, нарушающей логику рассмотрения связи причин и следствий. На основе таких действий исследование с необходимостью уходит от возможности более адекватно воспроизводить изучаемую область. Данный разрыв имеет место всякий раз, когда осуществляется попытка рассмотреть фактор благосостояния как основания экономического исследования. Всякое основание должно содержать в себе как минимум потенциал объяснения всего круга возникающих явлений. В данном случае речь идет о потенциале объяснения из фактора благосостояния, взятого в качестве основания экономических явлений, всего круга экономических проблем. Однако фактор благосостояния таким объяснительным потенциалом не отличается. Напротив, фактор благосостояния всегда обусловлен чем-либо, то есть не является самообуславливающимся началом, как мы отметили выше, то есть не является субстанцией.

В-четвертых, в числе нарушающих логику исследования процедур, или шире: подходов, - находится тезис о необходимости рассмотрения в экономическом исследовании действий человека, полностью изолированного от общества. Этот тезис в рассматриваемой концепции носит исходный характер, то есть он служит принципом проведе-

ния экономического исследования. Этот подход присутствует у Кэннона, а также у сторонников понимания экономической теории как абстрактной науки, предметом которой является рациональный выбор, не связанный с определенной сферой деятельности, - Г. Беккера и др. Смысл этой позиции заключается в полном отвлечении от каких-либо значимых содержательных аспектов, характеризующих ту или иную человеческую деятельность. Вместо них предлагается рассматривать соотношения полезности различных факторов, объектов, услуг и т.д., служащего критерием предпочтительного выбора одних или, наоборот, других экономических явлений. Такая позиция, выделяющая фактор полезности в его абстрактном виде, может служить основой безотносительного анализа возникших ситуаций и соответствующего ему вывода. По мнению Г. Беккера, экономический анализ и должен иметь такие характеристики – характеристики нейтральности по отношению к интересам участников экономического процесса. На наш взгляд, работа ученого с абстрактным объектом имеет смысл, но этот смысл может иметь лишь точечный, ситуативный характер. Рассмотрение абстрактного объекта является положительным и имеющим смысл лишь в контексте некоего целого, которое и должно иметь статус собственного предмета развивающейся науки как социального явления. Отдельные явления экономической жизни общества могут и должны быть объектами рассмотрения экономики как науки, но они не могут выступать в статусе ее основания. В нашем рассмотрении речь идет, например, о рациональном выборе, о материальном благосостоянии, о распоряжении редкими ресурсами, о максимизации удовлетворения потребностей и т.п., то есть о позициях, определяющих то, чем должна заниматься экономика. В качестве отдельных объектов эти позиции могут и должны рассматриваться экономикой. Однако ни одна из них не может претендовать на статус предмета экономики в его полноте. Такое утверждение основывается на том, что каждая из названных позиций не выступает основой всех других названных и неназванных, но возникающих в поле экономического процесса. Особый смысл нашего акцента на необходимости целостного подхода в исследовании экономических процессов состоит в том, что именно этот подход ориентирует на определение направлений развития экономики не ситуативного характера, а характера перспективного, то есть выражающих направленность самого общественного развития. Экономическое не может рассматриваться как замкнутая на себя сфера знания, диктующая социальной системе свои требования. Подчиненность экономике социальных процессов нельзя отождествлять с их закономерностями материального характера, так как фено-

мены экономического возникают на основе определенной ступени материального развития общества, но не равны последним.

В специальных исследованиях, посвященных анализу оснований самой экономической науки, присутствуют прообразы целостного подхода. Так, например, Г.С. Беккер в работе «Экономический анализ и человеческое поведение» писал, что «человеческое поведение не следует разбивать на какие-то отдельные отсеки, в одном из которых оно носит максимизирующий характер, а в другом – нет, в одном мотивируется стабильными предпочтениями, в другом – неустойчивыми, в одном приводит к накоплению оптимального объема информации, в другом не приводит. Можно скорее полагать, что все человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном выборе предпочтений и накапливают оптимальные объемы информации и других ресурсов на множестве разнообразных рынков. Если мои рассуждения верны, то экономический подход дает целостную схему для понимания человеческого поведения, к выработке которой издавна... стремились и Бентам, и Маркс и многие другие»¹.

В данной позиции Г. Беккер вводит понятие «целостной схемы». Она может рассматриваться как некая матрица. Однако выработка схемы экономического анализа, включающего в качестве основы стереотипные, повторяющиеся, стандартные моменты поведения людей, основанного на выборе, ни в коей мере не выражает специфику целостного подхода. Целостный подход предполагает в исследовании общественного развития, во-первых, выявление места экономических отношений в рамках социальных. Это необходимо постольку, поскольку стереотипы экономических отношений, хотя и все более распространяются на все сферы жизни людей в обществе, все же не являются универсальными.

Во-вторых, целостный подход предполагает рассмотрение социальной жизни людей не только как процедуры выбора более или менее рационального. Понимание человеческой жизни как осуществляемого выбора является абстрактным, и в этой мере бессодержательным.

В-третьих, целостный подход предполагает установление связи и зависимости экономического и материального. При этом материаль-

¹ Gary S. Becker. *Economic Analysis and Human Behavioral Sciences*. Norwood (N.Y.): Ablex Publ. Corp., 1987, v. p. 3-17 // Цит. по: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. - М.: Начала-пресс, 1993, т.1, Вып.1, с. 38

ное не должно быть сведено к вещественному, закрепляющему в себе функцию полезности. Человеческое существование знаменует собой наличие и того, что прямую функцию полезности не несет, но в то же время оказывается наиболее значимым и определяющим его. Эти измерения характеризуются как сферы Разума, Нравственности, Красоты и т.п. Они формируются в обществе, и они же вносят свои определения и коррективы в жизнь новых поколений людей. Отношения полезности универсализируются лишь в условиях разделения деятельности, приводящей к феномену отчуждения человека от его собственной сущности. В этом плане универсализация экономических отношений выступает выражением этого процесса в жизни общества. На фоне такого процесса логичным выглядит тезис Р.Л. Хайлбронера, который провозглашает экономическую теорию универсальной наукой и царицей социальных наук¹. Понятно, что такой пафос в отношении статуса экономики как универсальной науки, как царицы наук ни в коей мере не соответствует ее действительному положению. Однако появление такой пафосной позиции также не является случайным. Она обусловлена все большим распространением функционально-технологического как принципа организации жизни человеческого сообщества. Негативность этого осмыслена многими авторами и фигурирует в виде тезиса об угрозе гибели культуры (Шпенглер, Тойнби и др.).

В-четвертых, целостный подход реализуется лишь тогда, когда при рассмотрении объекта, находящегося в каком-либо, свойственном ему процессе, конкретизируется не только его связь с собственными основаниями, но и выявляется логика процесса, в котором он находится.

Целостный подход предполагает определение экономического через раскрытие способа его формирования, то есть через воспроизведение существенных, необходимых, объективных и повторяющихся связей, характеризующих сферу материальной деятельности людей общества, находящегося на определенной ступени развития. К этой сфере относятся справедливо выделяемые К. Марксом отношения людей в процессе производства, потребления, распределения, обмена и отношения собственности. Именно эта группа отношений в их единстве, возникающих между людьми в процессе их материальной деятельности, по мысли К. Маркса, является предметом экономики как науки. Учитывая же, что эти отношения конкретизируются их отно-

¹ См.: Robert L. Heilbroner. Economics as Universal Science//Social Research, Summer 1991, 58, No. 2, p. 457-474 // Цит. по: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. - М.: Начала-пресс, 1993, т.1, Вып.1, с. 41

шениями, возникающими на почве владения или не владения средствами производства, они становятся предметом не просто экономики, а становятся предметом политической экономии. Свою основную работу «Капитал» К.Маркс посвящает критике политической экономии. Содержательность рассмотрения экономических проблем в его работе обусловлена тем, что в ней постоянно проявляется присутствующая ориентация на выявление способа формирования того, что подвергается исследованию: будь то природа стоимости, расчет заработной платы, специфика периода первоначального накопления, логика процесса воспроизводства и т.д. Такая ориентация характеризует рассмотрение экономического процесса не как самостоятельной реальности, а как определенного состояния общества. Именно оно присутствует как образ исходной целостности, которой и принадлежат различные состояния, относящиеся к сфере экономики.

Все названные пункты является пунктами отличия целостного подхода к исследуемому объекту (экономическому или иному) от подхода матричного, подхода к исследованию поведения людей по заданной схеме. Схематизм, предлагаемый Г. Беккером, как положительный вариант понимания и реализации потенциала экономического анализа и экономического знания, означает его «негласное» согласие с тем, что сфера экономического исследования есть сфера манипулятивная. В ней хорошо работают уже выявленные варианты манипуляций, то есть уже выявленные схемы, постоянно повторяющихся зависимостей внутри обменных процедур. Для практической экономики это существенный «плюс». Однако по отношению к экономической науке такое положение не является перспективным. Поясним этот тезис. В науке уровень манипулятивного знания – это уровень эмпирический. Он является необходимым, но недостаточным для зрелой науки, которая не потеряла свою историческую перспективу. Зрелая наука отличается наличием и реализацией теоретического уровня исследования. Под теоретическим уровнем подразумевают реализацию той или иной наукой возможностей исследования, доходящих до вскрытия закономерностей исследуемой области. Закономерности исследуемой области ни в коей мере не сводимы к наборам повторяющихся схем действий, процедур, совершаемых людьми в тех или иных стандартных или нестандартных ситуациях. Учитывая, что экономическое как таковое в жизни общества не является самостоятельным, вопрос о вскрытии закономерностей экономической наукой не может быть отделен от необходимости рассмотрения общества как целостной социальной системы, в которой появляется и функционирует феномен экономического. Но это означает, что экономика должна выйти

за пределы экономического как такового, если она ориентирована на вскрытие закономерностей. Она должна «взглянуть» на экономическое в контексте социального. В противном случае она вынуждена будет остаться на эмпирическом уровне, и предметом ее рассмотрения могут быть лишь повторяющиеся схемы манипулятивного поведения людей в том или ином статистическом масштабе. Речь идет о необходимости уточнения предмета экономики как науки. Данная коллизия с предметом экономики показывает, что ее самоопределение как науки продолжает оставаться проблемой.

6. ФЕНОМЕН ВСЕОБЩНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМ СОЗНАНИИ

Феномен всеобщности обнаруживается не в процессе словоупотребления, при котором к слову общее прибавляется приставка «все». Подмена рассмотрения феномена всеобщности работой с термином полностью нивелирует смысл понятия всеобщего. Рассмотрение феномена всеобщего предполагает сохранение сути того, что рассматривается, вне зависимости от специфики, в какой форме эта суть пребывает. Осознание феномена всеобщности характеризует зрелую ориентацию человеческого сознания на рассмотрение *способа формирования данного целого в контексте его связей с миром как целым*. В истории человечества феномен всеобщности в качестве зрелой ориентации выявляется первоначально в формах мифологического, а затем и собственно философского сознания. Зрелостью ориентации в данном случае выступает наличие сформированного интереса к пониманию ведущих субстанциональных связей, имеющих в мире. Процесс воспроизведения феномена всеобщности может осуществляться через образы или понятийные формы. Воспроизводство феномена всеобщности через образы представлено в мифологическом сознании. Мифологические образы и сюжеты выступают не конечными формами, результирующими тип понимания всеобщности, а напротив, они выступают некими шифрами-трансляторами, благодаря которым понимание ведущих субстанциональных связей бытия становится непосредственно доступным даже детскому мышлению. Подвижность образов и

Впервые опубликовано в: Материалы Международной научной конференции «Жизнь в измерениях абсолюта как проблема философии и культуры русского серебряного века». Дрогобыч, 6-8 мая 2010 года. Дрогобыч, 2010, с. 141-149.

сюжетных линий в мифологическом сознании характеризует вариативность понимания феномена всеобщности, выраженного в образах-моделях ведущих субстанциональных связей мира.

Воспроизводство феномена всеобщности на понятийном уровне, представлено философским и научным сознанием. Между ними имеет место различие. Оно состоит, как известно, в специфике понятийных аппаратов философии и науки. Философская рефлексия феномена всеобщности требует специального рассмотрения способов понимания того, что есть способ формирования данного целого в контексте его связей с миром как целым. Каждое из философских понятий выступает особым и в то же время универсальным способом осмысления любого объекта исследования. Через каждое из философских понятий происходит конкретизация феномена всеобщности. Она наступает так же и при работе с всеобщим как понятием, а не только с тем или иным объектом исследования как таковым. Понятия как формы мысли и носители определений феномена всеобщности в философском сознании выступают его представителями, определенным образом понимаемыми и относящимися к определенному историческому времени.

Обращение к рассмотрению трансформации понимания всеобщности в философском сознании в исторической перспективе позволяет определить границы, в которых находится философское понимание феномена всеобщности. В качестве таких границ может выступать, с одной стороны, то, **что** в понимании соответствует сущности ведущих субстанциональных связей явлений, а с другой стороны, то, *что* в понимании представляет собой их редукцию к тому, что не имеет статуса феномена всеобщности. В том и другом случае речь идет о сфере рефлексии, в которой возникает возможность выделения и рассмотрения феномена всеобщности. Мера расширения практических возможностей человека в тот или иной исторический период всегда напрямую связана с мерой и глубиной освоения ведущих субстанциональных связей. Их освоение является основой формирования не только новых возможностей и уровня общественной практики, но и существенной трансформации понятийного «оснащения» философской рефлексии освоенных ведущих субстанциональных связей мира. Соотнесение рефлексивного сознания с объективностью исторически коррелируется формами практического мироотношения человека. В этом плане выделение феномена всеобщности характеризует достаточно высокий (или глубокий) уровень освоения мира человеком. Ориентация на рассмотрение феномена всеобщности как выражение способа формирования данного целого в контексте его связей с миром как це-

лым в истории философии имеет место в проблематике первоначала, оснований бытия, сущности существующего, «онтологически» существующей и проявляемой субъектности, в признании наличия субстанциональных связей бытия и т.п.¹ Так, уже в Древнеиндийской философии в учении о бытии локаятиков к сфере феномена всеобщего относится признание ими наличия материальных первоэлементов и законов их сочетаний. Законы сочетаний первоэлементов носят субстанциональный характер. Согласно учению джайнизма, существует множество вещей, наделенных реальностью и обладающих, с одной стороны, субстанциональными, а с другой – преходящими свойствами. Всеобщность материальной первопричины усматривается и в учении санкхья, в том, что она обуславливает самые тонкие порождения, включая такие как ум. Эта линия рассуждений имеет место и в других философских направлениях. В буддизме обращение к феномену всеобщности осуществляется в учении о всеобщей изменчивости как субстанциональной определенности мира. Отмечается постоянно сменяющиеся друг друга состояния сознания человека, включенные в процесс всеобщей изменчивости. Их направленность с точки зрения буддистского учения, ориентирована на уход от страданий путем отвлечения от всего, что их приносит. «Уход» от страданий выступает состоянием человека, вышедшего за пределы действия субстанциональной изменчивости, или слившегося с ней. Вайшешика делает различие субстанций атомов, душ и т.д. Субстанции вечны, согласно учению Вайшешика, - поэтому вечны и их особенности. Мир наделен мировой душой, все страдающие в нем существа по истечении некоторого повторяющегося цикла освобождаются от страданий. Условия этого освобождения – разрушение мира и существующих в нем соединений атомов. Позже: Материальная причина мира – атомы. Действенная причина мира – Бог.

В древнекитайской философии в даосизме феномен всеобщего характеризуется как Дао. «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянно Дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей. Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну Дао, а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. Переход от одного глубочайшего к другому – дверь ко всему чудесному».

¹ Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, т.1, - М.: Изд. соц.-эк. лит-ры, 1972, с. 115.

Перенесение акцентов в интервале этих вариаций не меняет главного. Феномен всеобщности выделялся в различной форме понимания того, что в существующем мире все имеет свою логику, свой способ формирования и развития, который всегда совпадает с логикой движения самого мира. Без такого совпадения любое частное явление, процесс, объект не могли бы сохраниться как таковые и иметь возможность дальнейшего развития. Здесь проявляется приоритет целого над частью. Законы движения целого есть условие движения частей. Несовпадение линий движения целого и частей означало бы невозможность движения. Приоритет мира как целого над частным в его контексте особым образом характеризует феномен всеобщности и закрепляется в понятии всеобщего. Феномен всеобщности представлен на любом уровне движения мира в качестве присутствия единых законов развития. «Всеобщность» как явление и как понятие необходимо отличать от явления и понятия «общего». Общее характеризует наличие момента одинаковости в каком-либо ряду объектов или явлений. В этом виде оно может выступать основой для каких-либо классификаций. В то же время вычленение одинаковости по какому-либо признаку какого-либо ряда объектов не означает установления их содержательной связи. В этом плане имеет смысл говорить об абстрактности общего. Формулировка же «наиболее общее» усиливает абстрактность и отвлеченность от содержательных связей объекта, по отношению к которому высказывается характеристика - быть наиболее общим. «Наиболее общее» - это вариант предельной абстрактности, бессодержательности.

В истории философии, начиная с древнейших времен, каждая из философских школ останавливала свое внимание на субстанциональных вопросах бытия мира и человека. Прослеживается зависимость постулатов, характеризующих феномен всеобщности, выраженный наличием субстанциональных связей бытия, с постулатами, характеризующими непосредственную ориентацию человека в мире – выраженную в онтологических, гносеологических, этических и др. учениях различных периодов. Противопоставляются: сущность и атрибуты, необходимость и случайность и т.д.

Имеет место обращение к феномену всеобщности, фиксируемому в учении о всеобщей изменчивости и движении как субстанциональной определенности мира. Признание всеобщей изменчивости и движения присутствует практически в любых философских системах. Оно также всегда сопрягается с признанием принадлежности изменчивости и движения существующему миру в качестве его субстанционального определения. Ярким примером такого взгляда в античной

философии является, например, позиция Гераклита, Платона, Аристотеля и др. Феномен всеобщности представлен в античной философии в понятиях «Логос», «Нус», «Идея» и т.п. Мир идей Платона выступает образом единства, направленности, творческой силы, сущностной наполненности космоса, мировой души. Аристотель в понятиях материи и формы делает попытку рассмотреть механизм проявления сущности в условиях движения, процесса. Попытка воспроизвести алгоритм этого аспекта мироотношения человека в виде категорий не отменяет того, что этот аспект всегда реально присутствует. Проблема приобщения к всеобщему, как она стояла у Аристотеля, выражает необходимость для человека «превратить свой индивидуальный ум в орган целого. Вводимые образы, имеющие, по сути, статус понятий, фиксировали то, что человечество к этому периоду уже вычленило как существенное в своем мироотношении. Речь идет об ориентации на осмысление субстанциональных связей бытия.

В Средние века первостепенную значимость обрели понятийно-смысловые образования, выражающие субстанциональные связи бытия, такие, как Бог, град Божий, вера и др. Они выражали воплощенную всеобщность, которая выступала непосредственным регулятором общественной и индивидуальной жизни людей. Этому способствовала иерархизированность социального бытия, в которой зависимости между людьми проецировались «сверху» в «низ». В этом контексте вера в Бога выступает способом непосредственной связи человека с высшим началом. Непосредственное присутствие всеобщего в жизненной ткани бытия осознается как его смысл, целевой ориентир, ценностная норма. Поэтому трактовка первоначала в Средние века (раннее и позднее средневековье) как субстанционального основания сущего содержала акцент, скорее, на конкретных, всеобщих, а не на абстрактных определениях мира.

Так, Плотин, отмечал, что единое есть «потенция всех вещей. Если бы ее не было, то и все не существовало бы...»¹ Выражение потенции в области умопостигаемого осуществляет диалектика. «Диалектика – самая ценная часть философии. Она не состоит из пустых положений и правил, а трактует о вещах и имеет сущее как бы своей материей; она приступает к ним методически, имея вместе с положениями и вещи»². У Плотина идея первоначала приобретает черты сверхразумности, сверх-бытийности, потусторонности, которая может открыться человеку лишь в форме экстаза. Этим Плотин подчеркива-

¹ Антология мировой философии, т.1, часть 1. – М.: Мысль, 1969, с.551.

² Там же, с.539.

лась чрезвычайная важность ориентации на глубинные параметры бытия, выраженные в Едином, которые оказываются недоступными в форме внешне рационального знания, а требуют непосредственного погружения в них, в Единое. Понятийно-смысловые образования в философии Средних веков характеризуются двумя линиями. Патристика делает акцент на особенностях жизнедеятельности человека, которые связывают человека с Богом, с Всеобщим Началом через веру. Вера рассматривается как условие и форма свободы человека, пребывающего в контексте жестких социальных структур. Схоластика, напротив, рационализирует христианские идеи. Актуализируется проблема соотношения веры и разума как особых форм проявления всеобщего. Для Августина путь веры есть путь мышления. Именно вера дает возможность более глубокого отношения к объектам знания и понимания. Вера дает кратчайший путь к истине. «Верю, чтобы понимать».

Средневековая философия акцентировала проблему связи всеобщего и отдельного, индивидуального. Бог как субстанция возглавлял мировую иерархию и считался фундаментальным условием и основанием всего происходящего, включая возможное человеческое познание. Вся проекция социальной деятельности и социальных действий обусловлена присутствием Бога как творящего начала всего сущего.

Суть проблемы всеобщего, эмпирически зафиксированная в иерархии средневекового общества, сводится в процессе ее осмысления:

- к признанию наличия «посла вещей», например, в виде ноуменов, имен (номинализм, концептуализм);

- к существованию всеобщего в качестве отдельных самостоятельных объектов, которые, однако, отличаются от всех других своим «творящим потенциалом» и существуют «до вещей» или «в вещах» (реализм).¹

В Новое время же время, ориентация на выявление метода познания, свидетельствует о том, что делается специфический шаг к конкретизации феномена всеобщего. Вопрос о способе формирования целого в контексте его связей с миром как целым прорабатывается с точки зрения его внутренней структуры. Элементами этой структуры оказываются: мир, человек, их взаимодействия. Трактовка метода в этот период обретает статус процесса вхождения в сферу «запретного», находящегося за «занавесом», за пределами «чистой» очевидно-

¹ См.: Гусева Н.В. Культура. Цивилизация. Образование. Социально-философский анализ оснований развития человека в контексте цивилизации и культуры. - М.: Экспертинформ, 1992, с.65.

сти. Операциональность в трактовке метода символизирует проникновение на микроструктуры опыта, позволяющего воспроизвести и понять целостность через ответы на вопросы, которые в своем «Рассуждении о методе...» выделяет Декарт, отмечая правила руководства ума: «что делать?» и «как делать?». Последующий период дает некий синтез операциональности и целостности подходов к феномену всеобщего. Он выразился, например, в концепции Лейбница, раскрывающей статус Предустановленной гармонии по отношению к монадам. Всеобщность, включающая в себя целостность и конкретность, приобретает значимость «координатора» и, тем самым, приобретает значение специфического способа движения, происходящего на уровне монад. Феномен всеобщности, с точки зрения Спинозы, выражен всей природой в целом, которая является причиной самой себя.

Пафос понимания всеобщности в Новое время нельзя свести к механистической модели. Напротив, вопреки распространявшимся тенденциям преобладания механицизма в трактовке научного мышления, в философии Нового времени сохраняется центральная ориентация на понимание феномена всеобщности. Именно эта тематическая линия получила далее развитие в философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. Всеобщность как запредельность Я и в то же время всеобщность как то, что само Я конструирует, делает возможным его как таковое. Для последующей марксистской философии принцип ориентации на вскрытие единого основания, исследуемого является характерным. В нем в диалектико-материалистической форме выражается понимание феномена всеобщности.

Рассмотрение субстанциональности определений мира не может быть адекватно замещено рассмотрением операционального мироотношения. В противном случае возникает эффект редукции. Такие редукции обнаруживаются в ряде современных направлений философского и научного мышления. Они известны, например, под названиями: операционализм, инструментализм и др.

Осмысление всеобщего как *способа формирования данного целого в контексте его связей с миром как целым* в явном или неявном виде является фундаментальной задачей всякого познающего мышления, которое ориентировано на глубину познания. Признание феномена всеобщности означает признание наличия единого основания существующего мира противостоящего образу мира как Хаоса. Признание же наличия единого основания мира, в свою очередь, означает необходимость в научном познании учитывать его в качестве не только фундаментального знания как результата, но и в качестве фундаментального знания как процесса. Речь идет об обусловленности

внутреннего ритма и направленности познавательного процесса, которая должна иметь в принципе процессуальный характер и определенную логику.

Научные понятийные системы воспроизводят характеристики феномена всеобщности на частном и общем уровне. При этом часто возникают коллизии, связанные с неадекватностью осознания содержания выработанных понятий, работающих в той или иной науке. Неадекватность, как правило, выражается в несоотнесенности работающих в науке понятий с понятиями целостности и конкретности, выражающими фундаментальные базовые определения бытия, в контексте которых находится и исследуемый объект. Результатом этой несоотнесенности является абстрактность осмысления исследуемого содержания, которое фиксируется в понятийных системах тех или иных наук. Результатом несоотнесенности является также итоговая мозаичность современной научной картины мира. Целостность и конкретность осмысления объекта исследования как реализуемых принципов познания - это единственный путь обнаружения феномена всеобщности.

В сфере научного познания рассмотрение оснований более всего ориентирует на выявление конкретности и целостности. В полной мере это прерогатива методологии. Однако привычное, преобладающее понимание методологии сводится к признанию наличия неких групп требований нормативных характеристик, которые должны быть использованы в процессе научного исследования в качестве моделей, методов добывания нового знания. Их использования, якобы, должно принести приращение научного знания, акцентировать некие новые аспекты проявления уже имеющегося и позволить проектировать аналогичные шаги в области постановки новых проблем и задач. Речь, таким образом, идет о знании в его фиксированной форме, которое используется в качестве матрицы для другого знания. Матрица выступает своего рода образцом, схемой мыслительного действия, используемой при процедуре мыслительной обработки, основой для создания классификаций получаемого знания по информационным каналам. Описанное понимание методологии, на первый взгляд, якобы, содержит все необходимые компоненты, характерные для метода, объемлющего логику создания нового знания. Именно на этом основано широко распространенное убеждение в том, что методология – это, якобы, именно нормативная сфера и как таковая она имеет свою

постоянную, позитивную роль в развитии научного знания¹.

Описанная выше процедура действительно имеет место в процессе создания научного знания. Однако она не может быть охарактеризована как относящаяся к сфере методологии. Соблюдения процедур реализации заданных схем действий, схем анализа и т.п. в полной мере относятся к сфере методического знания. Феномен всеобщего в сфере научного знания до сих пор является неосвоенной «территорией». В современном научном сознании господствует негласное представление о методологии:

- либо как о методике в обозначенном выше смысле;

- либо как об области общих рассуждений, которые лишь уводят от реальных научных проблем.

В том и другом случае имеет место редукция всеобщего к частному, процедурному, с одной стороны, а с другой стороны, к умозрительному, не имеющему оснований в реальности. В противовес этому необходимо подчеркнуть, что существование феномена всеобщности является внутренне присущим развивающемуся миру и человеку. Поэтому понятие всеобщности не должно редуцироваться к различным формам схематизма и матричности. Сведение методологии как сферы всеобщего к матричной трактовке программирует «подмену» в рассмотрении единства научного знания вопросом об его интеграции. Суть этой подмены заключается в отождествлении понятий «единства» и «интеграции». Интеграция выражает постулирование «связи» между системами знания, присущими различным наукам, как бы извне, в процессе оценки их состояния по отношению друг к другу. Анализ интеграционных процессов, осуществляемый на основе «матричной» трактовки методологии, приводит к вычленению структурно-содержательных изменений в «стыковых» областях наук. При этом проблема единства научного знания как таковая остается за пределами рассмотрения.

Акцент на первостепенной важности признания единой природы и целостности мира в любой исторической форме имеет чрезвычайное значение. Такой акцент не позволяет терять очертания целостности и дает возможность определять существенные, необходимые, объективные и повторяющиеся связи, присущие целому. Понятие всеобщности изначально ориентирует на осмысление закономерностей целого, в сфере которого части особым образом упорядочиваются. Образ целостности и всеобщности является единым, взаимодополняющим и оп-

¹ См.: Гусева Н.В. Еще раз к вопросу о методологии//Вестник ИПК - Усть-Каменогорск, 1998, № 1, с. 14, 15.

ределяющим развитие как философского, так научного знания. Рассмотрение проблемы единства научного знания на основе учета специфики феномена всеобщности будет означать поиск оснований, связующих различные сферы научных исследований. Это предполагает дальнейшее все более глубокое постижение закономерностей существующего мира как целого, которое с необходимостью связано с сознательным ориентиром на осмысление феномена всеобщности в исследовании любых процессов и явлений.

Всеобщность без мистификаций и вне количественного подхода усматривается в наличии существенных связей, присущих миру в его целостности. Философское сознание выделяет специфику этих связей и контекстов существования в особых формах – формах мышления, которые оказываются способными (позволяют) при определенных условиях создавать «рефлексивные миры» с определениями целостности. Существование «рефлексивных миров», затем, предпосылается имеющемуся миру в различных видах. Различные «картины мира» («рефлексивные миры») выступают мировоззренческими ориентирами, в которых человек (человечество) конструирует свое отношение к миру. Конструирование отношения к миру подтверждает осмысленность человеческого существования, так как является выражением определенной степени его субъектности, противостоящей стихии природного бытия, подчиняющей человека.

Однако «рефлексивные миры» могут создаваться не обязательно с участием философских форм мышления. Возникающие отличия характеризуют противоположения типов понимания и типов мышления, участвующих в осуществляемой рефлексии. Отличие нефилософского и философского типов мышления и типов понимания усматривается по наличию или отсутствию в них определений всеобщности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве выводов проведенного рассмотрения методологических аспектов осуществления научных исследований, которые необходимо учитывать, можно выделить следующее.

1. Необходимо отличать диалектический и метафизический варианты мышления. Диалектическое мышление – это возможность в процессе исследования двигаться по логике того, что рассматривается. Это означает прямую ориентацию на достижение раскрытия закономерностей объекта рассмотрения, то есть возможность формирования знания его сущности, а это, соответственно, означает, что и функциональные параметры будут определены не в результате произвольных интерпретаций неких сумм эмпирических данных, а как проявление самой сущности.

2. В отличие от диалектического, метафизический вариант понимания и осуществления мышления состоит в ориентации на определение внешних параметров рассматриваемого, на сбор данных о его свойствах и характеристиках. Последние, при этом, становятся сведущей целью исследований, а само исследование, как правило, завершается работой с массивами информации, их обработкой систематизацией, классификацией и интерпретацией итогов. Этот путь исследования и, в то же время, способ ориентации мышления с самого начала ограничивается заданным масштабом эмпирического подхода.

3. Эмпирический подход как таковой замыкает исследование на поверхностном отношении к объекту и процессу исследования. Он предусматривает рассмотрение *ситуативной данности* предмета исследования и полностью нивелирует необходимость анализа его связи с контекстами, историей его происхождения. А также не требует рассмотрения объекта исследования с точки зрения его процессуальности. Для эмпирического объекта исследование - всегда рассмотрение того или иного *состояния* объекта, то есть рассмотрение его в *точке пребывания* в определенный момент. Речь идет о состоянии статики. То есть сам процесс, который должен собственно и составлять главный целевой ориентир серьезного исследования, уходит из поля зрения исследователя. Вместо этого под процессом начинает подразумеваться серия статичных состояний в сериях точек, в которых «срезовым» образом снимаются показания о состоянии объекта исследования. Но серия статичных состояний не может ни в какой мере быть выражением сути процесса, характеризующего объект исследования как таковой. Эмпирический подход обуславливает необходимым образом не только «подмену» серьезных исследовательских целей, но и

получаемые при его использовании результаты исследований. Истинные результаты познания здесь оказываются подмененными эрзацными, фантомными, которые имеют, по существу, статус массивов данных, но никак не статус знания, выражающего истину относительно объекта исследования.

4. Исследование необходимо начинать с определения его предмета и контекста, в котором данный объект в качестве предмета исследования существует в реальности, а не в искусственно спроектированной среде.

5. К определению предмета исследования нельзя подходить абстрактно, то есть на основе лишь частичных определений, даже если они выражаются в многочисленных описаниях, внешне регистрируемых свойств.

6. Предмет исследования необходимо мыслить, как объект, имеющий определения *целостности*. Это означает, что его свойств, функции, структуры и т.д. надо рассматривать лишь с точки зрения их *принадлежности целостности*, но не как самостоятельные феномены, которые, якобы, могут выступить отдельными предметами исследования.

7. Главный ориентир мышления в исследовании должен выражать интерес ученого не к свойствам и характеристикам как таковым, а к процессам и связям внутри имеющихся процессов, определяющих объект и внешне, и внутренне. Последнее означает, что и свойства, и характеристики объекта должны будут рассматриваться с точки зрения их обусловленности происходящими процессами в объекте исследования. Иначе говоря, диалектический, процессуальный подход в принципе не может выражать мышление, согласное с представлением об объекте исследования как статичным («мертвым») феноменом. Такое мышление не может считать удовлетворительным любые массивы полученных данных, выражающих лишь «срезовые» статичные состояния объекта, не может рассматривать их в качестве *объективных научных* результатов или достижений.

8. Программы исследования с точки зрения необходимых параметров диалектического, процессуального мышления должны воспроизводить структуру *целостности* и этапы движения по логике объекта, по логике разворачивания процессуальности в его существовании в контекстах его бытия.

Эти рекомендации не ограничивают круг существенных черт в понимании присутствия методологического основания того или иного исследования. Они призваны лишь еще раз сориентировать ученого на

серьезную предварительную методологическую проработку проблематики, связанной с предстоящим изучением того или иного объекта в рамках той или иной науки. Здесь речь не идет только о социально-гуманитарных науках, но речь идет и о всех других науках. Сфера диалектического мышления и, тем самым методологического, (если сама методология понимается диалектически, а не в духе метафизики и позитивизма) – это сфера всеобщего. То есть она касается способов формирования любого объекта или явления в контексте его связи с миром как целым. Поэтому диалектическая (методологическая) «проработка» всякого предстоящего исследования – путь к достижению истинного знания, путь осуществления исследования как одухотворенного, продуктивного деяния, без подмен и суррогатов.

Д.ф.н. Н.В. Гусева

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

Л.С. ВЫГОТСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. РАЗВИТИЕ НАУКИ И ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ В КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО.....	8
2. ФЕНОМЕН «ТЕОРИИ» И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ ЕЕ ПЕРСПЕКТИВ	11
3. СПЕЦИФИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ.....	13
4. ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ	16
6. «ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ» КАК ПРОБЛЕМА.....	26
7. КРИЗИСНЫЕ СОСТОЯНИЯ В ПСИХОЛОГИИ.....	28
8. ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ.....	31
9. ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ	33
10. ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД В КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО.....	36
11. ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	42
12. РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА	44
13. СМЫСЛ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «МНОГОМЕРНОСТИ» ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО	48
14. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДЕЙСТВИЯ, ПОВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ	49
15. МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ НАУКИ И В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	53
16. АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ИДЕЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО «ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	57
17. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ОБРАЩЕНИЕ К ТВОРЧЕСТВУ Л.С. ВЫГОТСКОГО КАК НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ И ВСЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ.....	64

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1. КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ	66
2. К ВОПРОСУ О РЕФЛЕКСИВНОСТИ И РЕФЛЕКСИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	81
3. ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ И СЛЕДСТВИЯ ЭМПИРИЗМА И РАЦИОНАЛИЗМА.....	95
4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	113

5. К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДА: СПОСОБНОСТИ, ОДАРЕННОСТЬ, ДИАГНОСТИКА И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ	129
6. КОНЦЕПТЫ И РЕДУКЦИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ.....	144

**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ**

1. ПОНИМАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ НАУКИ.....	152
2. ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ	165
3. МЕТОДОЛОГИЯ В СФЕРЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	186
4. МЕТОДОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ.....	198
5. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЭКОНОМИКИ КАК НАУКИ	217
6. ФЕНОМЕН ВСЕОБЩНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМ СОЗНАНИИ.....	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	238
СОДЕРЖАНИЕ	241

Научное издание

Гусева Нина Васильевна

**ВЫГОТСКИЙ Л.С., СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ**

Монография

Отпечатано в Казахстанско-Американском свободном университете

Дизайн обложки К.Н. Хаукка
Технический редактор Т.В. Левина

Подписано в печать 10.12.2018
11,1 уч.-изд.л

Формат 60x84/16
Тираж 1000 экз.

Объем 15,2 усл.печ.л.
Цена договорная
